

2059210

Н. Н. ФАТОВ

Ф-276

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

СОУНБ им. В. Г. Белинского
<http://book.ugraic.ru/>

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА
НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока.

Колич. предыд. выд.

СОУНБ.им. В. Г. Белинского
<http://book.ugraic.ru/>

СОУНБ им. В. Г. Белинского
<http://book.ugais.ru/>

СОУНБ им. В. Г. Белинского
<http://book.ugraic.ru/>

Демьян Бедный

Н. Н. ФАТОВ

профессор 2-го Московского Государственного Университета
по кафедре новейшей русской литературы

891.70

92

Ф 27

Ф 276

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

ОЧЕРК ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

ИЗДАНИЕ 2-е

переработанное и зна-
чительно дополненное

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

МОСКВА 1927 ЛЕНИНГРАД

891.71

27-я тип. «Красная Печать»
при Изд-ве Ком. Академии.
Москва, Остоженка 10.
Главлит № 72.812.
Тираж 3.000.

2059210

Свердловская
обл. универсальная
научная библиотека
им. В. Г. Белинского

ПРЕДИСЛОВИЕ

Первое издание моей книжки о Демьяне Бедном, написанной в конце 1922 года, давно разошлось. Писалась эта книжка наспех, и к тому же я был крайне стеснен в размерах. При всех своих недостатках, моя работа имела то несомненное преимущество, что это была первая книжка о Д. Бедном—нашем первом пролетарском поэте. Почти до последнего времени моя книжка была и единственной. Только недавно появились небольшая брошюрка П. Медведева, компилятивная работа В. Сперанского, и вышла отдельным изданием статья Л. Войтоловского.

Интерес к творчеству Д. Бедного колоссален, и потребность иметь под руками более обстоятельную работу о нем несомненна. Поэтому я и решил значительно расширить и переработать свою книжку о Д. Бедном, использовав все вновь написанные им за последние три года произведения и всю значительную, как раз за эти три года, уже после выхода моей книжки, появившуюся литературу о нем.

В центре моего изложения—творчество Д. Бедного. Биографические данные вводятся лишь постольку, поскольку они необходимы для выяснения социальной среды и обстановки, воспитавшей Демьяна, и поскольку они связаны с его стихами.

Целью моей было дать в руки каждому, кому Демьян интересен и близок, в частности—учащимся, педагогам, руководителям литературных кружков—сводку важнейших фактов творчества Д. Бедного. Поэтому и изложена моя работа описательно и элементарно. Исследование творчества Д. Бедного—дело дальнейшего.

Не могу не высказать сожаления, что условия крайней моей перегруженности не дали мне возможности написать эту книгу так, как хотелось бы и как Д. Бедный того заслуживает.

В конце книги даю краткий обзор литературы о Д. Бедном и примерный список тем для самостоятельных работ.

Автор

СОУНБ им. В. Г. Белинского
<http://book.ugais.ru/>

01

Свердловская
обл. универсальная
научная библиотека
им. В. Г. Белинского

Демьян Бедный—первый пролетарский поэт

Просты мои песни и грубы,
Писал я их, стиснувши зубы...
Не свирелью был стих мой,—
трубой,
Призывавшей вас всех на решительный бой
С мироедской разбойной оравой;
Не последним бойцом был я
в схватке кровавой...
Просты мои песни и грубы,
Зато беднякам они любы.

(«Отдых»)

Ленинизм — он должен иметь не только политических, но и художественных своих выразителей.

(Из речи Д. Бедного при открытии все-союзного совещания пролетарских писателей 6 янв. 1925 г.)

Пока существует деление общества на классы, всякий писатель—безразлично, хочет он или не хочет, сознает или не сознает—является выразителем и проводником идей того класса, из которого он вышел или к которому примкнул.

В наше время обостренной классовой борьбы, когда весь мир раскололся на две половины—буржуазию, ее слуг и приспешников, с одной стороны, и пролетариат, вместе с его союзником—трудовым крестьянством и примкнувшей к нему интеллигенцией—с другой,—литература не может остаться вне этой борьбы. Сколько бы ни говорили представители буржуазной литературы и критики о «чистом искусстве», о том, что пути революции и пути искусства различны, мы им не поверим: они или морочат нас, или «добросовестно заблуждаются», но, по существу, делают враждебное нам дело, выражая и обслуживая идеологию общественных слоев, чуждых пролетарской революции.

Передовой класс современного человечества — пролетариат— не может, конечно, не иметь своей литературы, несущей в массы его идеалы, служащей орудием для идеологической борьбы в его руках.

Нет никаких оснований сомневаться в том, что пролетарская литература *уже есть*, существует, живет, развивается, полна свежих сил и возможностей для дальнейшего блестящего пути, потому что, пока существуют классы и классовая борьба, существует и будет существовать пролетариат, класс победоносный, перед которым расстилаются колоссальные возможности культурного развития и выявления своих сил, на основании творческой переработки всего культурного наследия прошлого, и который имеет свои идеалы и свою психологию, во многом отличную от психологии других классов, и потому не может не иметь своей литературы и *уже имеет ее*.

В настоящее время, особенно после исторической резолюции ЦК о политике партии в области художественной литературы¹, спор о возможности существования пролетарской литературы может считаться законченным. Большинство обвинений, бросавшихся вождям и теоретикам пролетарской литературы, явно ни на чем не основаны или построены на недоразумении. Ведь мы никогда не думали, что пролетарская литература должна быть чем-то абсолютно непохожим на старую «буржуазную» литературу, что она должна быть создана на каком-то «пустом месте». Подлинная пролетарская литература никогда «не отказывалась от наследства», никогда не хотела «сбрасывать Пушкина с парохода современности», «сжигать Рафаэля», «топтать искусства цветы», — об этом кричали лишь футуристы и их подголоски, связанные с анархистско-обывательскими кругами, да разве еще отдельные, сбитые с толку, поэты из числа пролетарских.

• Подлинные представители пролетариата, наоборот, всегда, вслед за Лениным,² говорили о необходимости учобы, о необходимости усвоения пролетариатом всего культурного богатства прошлого, но подчеркивали, опять же вслед за Лениным, что это «богатство прошлого» мы должны усваивать не рабски, а творчески его перерабатывая в соответствии с потребностями пролетариата и его миросозерцанием.

Никогда подлинные теоретики пролетарской литературы не говорили о том, что пролетарскими писателями надо считать исключительно тех, которые пришли непосредственно от станка и пишут исключительно о быте рабочих, о фабриках и заводах. Пролетарскими писателями мы всегда считали и считаем тех, кто *своими произведениями служит пролетариату*, кто выявляет психологию пролетарских и идущих совместно с пролетариатом крестьянских трудовых масс, кто *глазами пролета-*

¹ «Правда» или «Известия ЦИК СССР», 1925 г., № от 1 июля.

² См. хотя бы проект резолюции о пролетарской культуре, написанный В. И. Лениным в окт. 1920 г. («Красная Новь», 1926 г., № 3, стр. 225 — 226). Подробнее о взглядах Ленина на пролетарскую культуру и литературу я говорю в подготовляемом к печати сборнике статей: «За марксизм и ленинизм в литературе».

риата смотрит на мир, кто своим творчеством «организует мысли и чувства читателей в направлении к коммунизму». ¹

Правда, пролетарские писатели не смогли еще создать своих гениальных произведений; у нас нет еще пролетарских Шекспиров, Пушкиных и Толстых. Но что же из этого следует? И в какой мере это можно было бы приводить, как аргумент против возможного блестящего развития пролетарской литературы? Ничего нет удивительного в том, что пролетариат, находившийся до революции в самом приниженном и угнетенном состоянии, не имевший возможности накопить никаких культурных богатств, всю свою энергию употреблявший на организацию борьбы со своими угнетателями, не смог выдвинуть пролетарского Пушкина. Ведь Пушкин появился в то время, когда его класс был во всем блеске своего развития, стоял у власти уже долгое время и пользовался всеми преимуществами—экономическими и культурными. Нет ничего удивительного в том, что пролетариат и в первые годы победы, в годы ожесточенной борьбы с врагами, голодом, разрухой, некультурностью, бюрократизмом, в годы напряженного строительства, не успел выдвинуть своего гениального писателя.

Совершенно наоборот, удивительно то, что как раз в эти годы—годы царского гнета и затем—годы гражданской войны, пролетариат и беднейшее крестьянство *все-таки создали* свою литературу, все-таки выделили из своей среды ряд писателей, написавших не мало значительных произведений, которые войдут в историю литературы, как замечательные памятники первых революционных лет.

Пролетарская литература началась еще в дореволюционное время. Нечаев, Шкулев, Лазарев-Темный, Свирский и др. вышли из рабочей среды, писали о рабочем быте и смотрели на мир глазами рабочего еще в старые царские времена. На страницах первых наших «легальных» большевистских газет—в «Звезде» и «Правде»—и на страницах других левых дореволюционных изданий уже стали печататься поэты и прозаики—рабочие, дающие в своих произведениях совершенно новое настроение и содержание по сравнению с господствовавшей тогда буржуазно-аристократической или мелкобуржуазно-интеллигентской литературой. Некоторые и из писателей-интеллигентов, усвоивших мирозерцание революционного марксизма, уже тогда примкнули к пролетариату,—назвать хотя бы А. С. Серафимовича.

Максим Горький, также вышедший из «низов» и близкий к пролетариату по своим взглядам, в 1906—1910 г.г. очень интересовался «писателями из народа», как тогда принято было говорить,

¹ Формула, принятая на первом международном совещании пролетарских писателей (см. «Известия ЦИК СССР», 1924, № от 12/VII) и вошедшая в декларацию Всесоюзной Ассоциации Пролетарских писателей (ВАПП).

и написал даже отдельную книжку—«О писателях-самоучках»¹, в которой сообщает крайне любопытные цифры. Ему довелось прочесть более 400 рукописей 348-ми «писателей из народа». Из них 169 жили «на заводах, на железнодорожных станциях, в фабричных поселках и деревнях», 72—в губернских городах, 44—в уездных, 41—в Москве и 22—в Петербурге. По профессиям они делились так:

рабочих — 144, крестьян — 67, сапожников — 9, дворников — 6, извозчиков — 5, солдат — 5, портных — 4, приказчиков — 4, каторжников — 4, швей — 5, горничных — 5, проституток — 2, кухарка — 1, торговка яблоками — 1, прачка — 1, больничная сиделка — 1, кладбищенский сторож — 1, ночной сторож — 1, трубочист — 1, швейцар — 1, полицейский — 1, профессии остальных — неизвестны.

Пусть из всего этого количества «писателей» только одиннадцати удалось печатать свои произведения; пусть большинство этих «писателей из народа» были лишены необходимого таланта, пусть их произведения в огромном большинстве случаев были несамостоятельны, идеологически невыдержаны—не характерен ли самый факт массового прихода к литературе (сотни!—а разве *всех* М. Горький мог учесть?!) представителей рабочих, крестьян, ремесленников, мелких тружеников? Не говорило ли это о том, что уже тогда, до революции, появился новый писатель, который пошел в литературу не из барских имений и «благородных пансионатов», не из обеспеченных буржуазно-интеллигентских семей, а из окраинных рабочих подвалов, из грохота машин и молотов, из копоты фабричных труб, даже из взлелеянной капитализмом мерзости притонов или же—от сохи, от зеленых раздолий лугов и полей необъятной трудовой Руси? Не значило ли это, что из новых общественных слоев пришедший писатель должен был внести в литературу новый взгляд на жизнь и мир, новое мироощущение, новую психологию?

С победой же пролетариата в нашей стране порыв к культуре ранее лишенных возможности приобщиться к ней трудовых масс превзошел всякие предположения. Уже в первые годы революции, в условиях войны, голода, всяческих лишений, мы имели тысячи литературных кружков при фабриках, при воинских частях, при всевозможных клубах как в столицах и крупных центрах, так и в глухих уездных городишках, даже в деревнях; появились сотни, если не тысячи, новых писателей из пролетарских и близких к пролетариату трудовых слоев. В первые годы, правда, казалось, что крупных и значительных произведений эти новые писатели не пишут, но это только *так казалось*. Прошло 2—3 года, появилась возможность писать и печататься, и мы увидели, что молодая пролетарская литература сильна не только количественно, но что и *качественно она стоит*

¹ М. Горький — «О писателях-самоучках». Петроград. 1915 г.

высоко—появилось не одно значительное художественное произведение, созданное в обстановке гражданских боев и изображающее их,—таковы произведения Неверова, Либединского, Гладкова, А. Малышкина, Фурманова, Новикова-Прибоя, С. Малашкина; таковы стихи Безыменского, Жарова, Уткина и мн. др.

Теперь, в условиях уже более спокойной жизни, мы можем наблюдать работы сотен пролетарских писателей, разбросанных по всему Союзу. Мы видим, как идет молодая поросль, заполняющая своими произведениями стенные газеты, проникающая в печать в качестве «рабкоров», «селькоров», «военкоров» и нет-нет да и выделяющая крупное дарование: талантливых пролетарских поэтов и беллетристов мы можем уже считать *десятками*. Быть может, не так долго ждать появления и пролетарских Пушкиных и Толстых.

Первое место среди наших пролетарских писателей принадлежит, без сомнения, Демьяну Бедному.

Обладая исключительным знанием и чутьем русского языка, будучи большим мастером стихотворной формы, он занимает *совершенно исключительное* положение в нашей литературе за последние 15 лет. Д. Бедный—единственный из наших поэтов, который более 15 лет стоит на своем посту, по его собственному выражению, как «пес сторожевой», служа интересам пролетариата, и чутко вглядывается в окружающее, отзываясь на все, что волнует пролетарские массы,—будет ли то борьба большевиков с царизмом и ликвидаторами в дореволюционные годы, или «богатырский бой» первой в мире рабоче-крестьянской Красной армии с ее врагами, наемниками мирового капитала, или кулацкие восстания; будут ли то мирные конференции, где впервые выступают советские «красные дипломаты», или изнанка «нэпа»; будет ли то эсеровский процесс или борьба с голодом и саранчой; будут ли то «мелкие» (а то и весьма не мелкие) «недостатки механизма» или даже отдельные газетные сообщения о достойных осмеяния и обличения фактах. Ничто не ускользает от пристального взора Демьяна Бедного. Если прочесть все его произведения в порядке появления их в свет, то получится в своем роде единственная, ни с чем не сравнимая *история всей нашей общественно-политической жизни и революционно-партийной борьбы за последние полтора десятилетия*, в сатирико-обличительном, большевистском, *ленинском* преломлении. И несомненно, будущий историк литературы нашей эпохи, а также и историк революции и историк партии отведут творчеству Д. Бедного почотное место.

«Ленинизм, — сказал недавно сам Д. Бедный (см. эпиграф), — он должен иметь не только политических, но и художественных своих выразителей». То, чего не мог, по вполне понятной скромности, сказать о себе сам Демьян, — скажем за него мы. Мы

скажем, что не только «должен иметь», но *уже имеет*—в лице самого Д. Бедного, который неизменно всегда был глашатаем, рупором, проводником ленинских идей в массы.

Примкнув к большевизму, став ленинцем еще задолго до революции, в эпоху «Звезды» и «Правды» (1910—1914 г.г.), Демьян Бедный уже тогда сыграл огромную роль в деле распространения большевизма. То, что писали в то время сам Владимир Ильич и его соратники, лишь с большим трудом могло доходить до масс; басни же Демьяна проникали всюду, были удобопонятны, занимательны, заучивались наизусть, быстрее доходили до ума и чувства даже самых малосознательных рабочих. Кроме того, и через цензуру, несмотря на всю ее строгость и придирчивость, все же легче удавалось протащить рассказ о каких-нибудь муравьях, рыбах или лошадях, чем простую газетную статью, прямо говорящую, о чем надо, и случалось, что нередко в демьяновских баснях проскальзывало такое, чего ни под каким другим соусом напечатать было нельзя. Еще значительнее роль Д. Бедного в первые годы революции. Д. Бедный в мастерском, остром, то язвительно-сатирическом, то гневно-обличительном, но всегда всем понятном стихе бросал ленинские идеи в массы, и они доходили до измученных голодом рабочих, до разоренных войной крестьян, до красноармейцев, до белогвардейских одуроченных солдат, — и всегда бодрили, проясняли сознание, вразумляли.

Главная сила Демьяна всегда была и есть в том, что он умеет писать на языке, *близком и понятном широчайшим массам рабочих и крестьян*, умеет улавливать и выражать *их чувства и мысли*, всегда и неизменно служить их интересам. Если одною из существеннейших черт ленинизма мы считаем учение о пролетариате—вожде в крестьянской стране, учение о необходимости для рабочих привлечь на свою сторону беднейшее и среднее крестьянство, о необходимости двигаться вперед, ведя крестьянские массы за собой к социализму, учение о союзе города с деревней,—то мы можем сказать, что эта сторона ленинского учения нашла исключительно яркого выразителя в творчестве Д. Бедного.

Крестьянин по происхождению, прекрасно знающий народный язык и мужицкую психологию, но идеологически давно примкнувший к пролетариату, Д. Бедный как бы сам собою олицетворяет эту «смычку» рабочего с крестьянином. Как свой, как брат, как подлинный товарищ, умел он всегда подойти и к рабочему и к крестьянину и говорить сильно, смело, правдиво и понятно то, что нужно было и чего другой на его месте, пожалуй, не смог бы, не решился и не сумел бы сказать.

В упоминавшейся уже речи Д. Бедного перед делегатами пролетарских писателей он дал не мало ценных советов, *как надо писать*. Я приведу эти слова Демьяна, потому что они как нельзя лучше характеризуют его *самого* и показывают, *как он сам* всегда писал.

«Вы, пролетарские писатели,—говорил Д. Бедный,—основоположники будущей нашей литературы, ни на один миг не должны забывать о вашем читателе, массовом, многомиллионном читателе, и о вашем взаимоотношении с ним. Только постоянно помня, *для кого* вы пишете и *с какой целью* пишете, вы будете знать, *как* писать и *что* писать. И вот тут-то я обращаюсь к тому «писанию», которое мною уже названо в печати *«заветом Ленина»*¹. Этот завет вы должны всегда-всегда помнить, так как в нем—залог существования, роста и победы пролетарской литературы. Владимир Ильич в беседе с Кларой Цеткин сказал:

«Важно не то, что дает искусство нескольким сотням, даже нескольким тысячам общего количества населения, исчисляемого миллионами. Искусство принадлежит народу. Оно должно уходить своими глубочайшими корнями в самую толщу широких трудящихся масс. Оно должно быть *понято* этими массами и *любимо* ими. Оно должно *объединять* чувство, мысль и волю этих масс, *поднимать* их. Оно должно *пробуждать в них художников и развивать их*».

Вот где, действительно, «словам тесно, а мыслям просторно». Где же, однако, тот секрет, зная который можно было бы достичь того, что говорит Ильич? Секрет простой. «Для этого,—говорит сам Ильич,—мы должны *всегда иметь перед глазами рабочих и крестьян*».

Кстати уж и об ораторстве. У нас многие, когда говорят в собраниях перед рабочими, то непременно «хочут свою образованность показать» и «закручивают» такие фразы, что и язык и мозги вывихнуть можно. Ленин же, как известно, говорил крайне просто. В чем же была сила и обаяние Ленинских речей? На это мы имеем тоже ответ самого Ленина:

«Я знаю только то, что когда я выступал «в качестве оратора», я все время думал о рабочих и крестьянах, как о своих слушателях. Я хотел, чтобы они меня поняли. Где бы ни говорил коммунист, он должен думать о массах, он должен говорить для них».

Владимир Ильич от своих читателей и слушателей, от рабочих и крестьян, получая то, что он им приносил: уважение, любовь и благодарность.

...Учитесь слушать,—говорил далее Д. Бедный,—но учитесь и говорить так, чтобы вас слушали, писать так, чтобы вас читали. У вас должен быть «приятный выговор», голос, доходящий до читательского сердца. Вы должны «петь» так, чтобы сердце рабочего и крестьянина перед вами раскрылось².

Все эти советы, которые в качестве «некоего большевистского литературного протоиерея» Демьян счел нужным преподать в виде «благословения» и поучения сехавшимся со всех концов Союза делегатам пролетарских писателей, сам Демьян *всегда в своем творчестве выполнял*. Как и В. И. Ленин, он всегда *помнил, для кого и с какой целью пишет*; его писания всегда были *понятны* массам, *любимы* ими; они всегда *объединяли* чувство, мысль и

¹ Имеется в виду стих. «О соловье» («Жизнь», 1924, №1, стр.343—348), перед которым в виде эпиграфа Д. Бедный помещает «Завет Ленина», составленный на основании воспоминаний т. Клары Цеткин.

² «Правда», 1925, № 12, от 15 января. Набранное курсивом выделено в оригинале.

волю масс, подымали их. Создавая свои произведения, Демьян всегда думал о рабочих и крестьянах. Он всегда умел слушать и умел писать так, чтобы его читали...

Не удивительно поэтому, что и популярностью Д. Бедный пользуется совершенно исключительной. Можно сказать без преувеличения, что Демьяна Бедного *знают все*, что едва ли найдется из современных русских писателей кто другой, который был бы так популярен. Его стихи читают люди самых разнообразных кругов, начиная от школьника в какой-нибудь захудалой деревушке в медвежьих углах СССР, начиная от рядового русского рабочего и красноармейца, до... Ллойд-Джорджа, которому Демьян писал недавно свои курьезные «ноты» и которому переводил их его секретарь. Конечно, не все читатели наслаждаются остроумным словцом, меткой, язвительной сатирой, отточенностью мысли Д. Бедного; многие—те, кого он колет не в бровь, а прямо в глаз, явные и тайные белогвардейцы,—со скрежетом зубным читают его стихи и готовы были бы, вероятно, повесить его на первой осине.

Но зато те, для кого и от имени кого пишет Д. Бедный,—рабочие и крестьяне—не только читают его, но и платят ему «уважением, любовью и благодарностью».

Советуя пролетарским писателям иметь «приятный выговор», Д. Бедный вспомнил замечательную похвалу одного из бесчисленных своих читателей.¹ Надо сказать, что Д. Бедный получает *сотни писем* от своих читателей², и вот однажды в письме какого-то красноармейца попались ему следующие замечательные строки:

¹ Л. Сосновский в своем фельетоне «Прошу слова к порядку. Об одном поэте» («Правда», 1923, № 51, от 7 марта) делает следующий любопытный подсчет читателям Д. Бедного: „в Красной армии в 1919 г. было около 5.000.000 человек, взятых из 10.000.000 дворов (происхождение этой удвоенной цифры не совсем ясно.—Н. Ф.) и заводов. Не было почти ни одного красноармейца, который не читал или не слышал чтения стихов Д. Бедного. Все они теперь вернулись домой. О заводах я и не говорю. Там Д. Бедного читали чуть не поголовно... По приблизительным подсчетам, книжки Д. Бедного разошлись в 5.000.000 экземпляров. Сюда не входят отдельные листовки, не входят и газеты. А, ведь, каждое напечатанное в «Бедноте» стихотворение расходилось (до нэпа) в 500.000 экземпляров. Да еще «Правда», «Красная Газета» и др. Большие миллионы читателей имел он в России. Больше этого не имел, пожалуй, читателей (особенно при жизни) ни один поэт в мире». Расчеты т. Сосновского не преувеличены. В настоящее время тираж одной «Правды», где обычно печатаются все новые стихотворения Д. Бедного, превышает 500 т. экз. Без преувеличения можно сказать, что читает Д. Бедного *вся грамотная Россия*, все читающие по-русски в СССР и многие даже за пределами его, куда доходит печатное советское слово.

² Эти письма представляют, без сомнения, ценнейший документ. Л. Сосновский заявлял как-то печатно, что на основании их он готовит книгу *о читателях Д. Бедного*. К сожалению, до сих пор эта книга в свет не появилась.

«Пропиши нам про это, товарищ Демьян, нам про это пишут, и товарищ Колонтай писала тоже, да мы не можем понять. А ты напишешь—мы поймем, потому у тебя выговор приятный»¹.

Из всех отзывов, которые когда-либо получал Д. Бедный, этот был для него, без сомнения, самым приятным и ценным. И он далеко не единственный. Совсем недавно, напр., Д. Бедный получил поистине замечательное письмо от одного пионера, которое я приведу почти целиком. Пионер этот, «Гришка Решетников» из Буйска, решив, что поэту надо писать в стихах, начал свое письмо со стихотворения. Вот это письмо (без соблюдения почти отсутствующей в подлиннике пунктуации):

«15/1—26. С. Буйск. В Москву.

Вздравствуй, дяденька Демьян!
Как ты поживаешь?
Пишешь ли теперь сатиры,
Кого просмехаешь?

Я люблю твои сатиры,
Я люблю их почитать,
Призадуматься над ними,
Хорошенько разобрать.

Много нового открыли
И хорошего они.
Мне Решетникову Гришке
Полюбилися они.

Вздравствуйте тов. Демьян!

Я не знаю вас лично, а только понаслышке да по вашим басням. Не знал я вас до сегодняшнего дня даже по книгам, а знали только потому, что декламировали басни Демьяна Бедного: «Воробей и мышь», «Усы да борода», «Звонок», «Дохлую кобылу» и т. д.

Но сегодня мне пришлось прочитать про вас кое-что, и я узнал, что вы живете в Москве и пишете свои басни. Я всегда завидовал Демьяну Бедному, а сегодня узнал, что он жив.

Я всегда радуюсь, когда прочитаю новую басню Демьяна Бедного, в которой он просмеивает какого-нибудь толстопузого хомяка. И люблю я Демьяна за то, что он платит буржуям своим словом за смерть моего революционера-брата, погибшего от их поганой руки...

Досвидания: пионер Гришка Решетников.

Мой адрес...

Вот в этом-то и разгадка великого значения Демьяна! *Миллионы* таких «Гришек» читают его, любят и радуются, когда он «просмеивает какого-нибудь толстопузого хомяка», ценят за то, что он «платит буржуям своим словом» за смерть наших товарищей, погибших «от их поганой руки»; считают своим потому, что Демьян *думает и говорит за эти миллионы Гришек*.

¹ Беру эту цитату из статьи Л. Войтовского: «Демьян Бедный, критический очерк»—Собр. соч. Д. Бедного в I т., Изд. «Крокодил», М. 1923, стр. XLVII. К сожалению, цитата, повидимому, не точная, так как Л. Сосновский в упомянутом выше фельетоне приводит ее в иной редакции: «Читаем мы разные книги и газеты, да плохо понимаем. А у тебя, Демьяша, выговор приятный»...

О любви к Д. Бедному и о влиянии его стихов на рабоче-крестьянские массы существует немало рассказов. Тот же Л. Сосновский сообщает, например, о следующем случае:

«Мы были на Калужской крестьянской губ. конференции. Конференция собралась сердитая, президиум колючий, ядовитый. Когда объявили, что присутствует Демьян Бедный, разом лица мужиков просветлели:

— Дать вне очереди слово для доклада!

А самый сердитый и колючий из президиума нежно жал в кулаках руку Демьяну и... норовил поцеловать ту самую руку мужика-поэта, которая писала известные всей стране стихи». (Тот же фельетон) ¹

Огромное впечатление производили стихи Д. Бедного на фронте, в боевой обстановке. Демьян об'ездил чуть ли не все фронты в эпоху гражданских битв и в нужный момент умел воодушевить наших красных бойцов смелой, подбадривающей песней, остроумной насмешкой над врагом, призывом к исполнению долга, самым своим присутствием. В один из наиболее горячих моментов центр нашел нужным отозвать Демьяна, находившегося на колчаковском фронте под Казанью, но этому воспротивился тов. Л. Д. Троцкий, расценивая Д. Бедного, как боевую силу.

«Вот ответ тов. Троцкого,—рассказывает об этом случае Л. Сосновский (тот же фельетон),—из-под Казани товарищу Свердлову, который, как бережливый хозяин, беспокоится, достаточно ли обеспечен на фронте Демьян Бедный от роковых случайностей, и не пора ли его вернуть в Москву:

„Демьян Бедный в безопасности. Его стихи сыграют здесь большую роль и могут нам *заменить хорошую дивизию* ². При этих условиях очень настаиваю на том, чтобы вы не отвлекли тов. Демьяна отсюда в течение некоторого времени, достаточного для того, чтобы он обогатил *наши боевые средства* ² рядом своих произведений. Приму с своей стороны все меры, чтобы возвратить его в Москву в кратчайший срок и в полной сохранности. 8 сентября 1918 года. Троцкий».

О действии стихов Д. Бедного во время боев передают почти легендарные рассказы.

«В целом ряде писем читатели,—говорит т. Сосновский в другом месте,—приводят случаи из жизни, когда стихи Д. Бедного, прочитанные на фронте, делали львами тех, кто только-что был уставшим, потерявшим веру в победу бойцом. Один фронтовик рассказывает в письме, как во время отступления с Урала безнадежность охватывала многих, как начинались самоубийства среди отчаявшихся и как свежая книжечка со стихами поэта переродила бойцов.» ³

«Во время наступления на Белую Церковь, где засели петлюровцы, красноармейцы, лишенные артиллерийской поддержки, зако-

¹ Ср.: П. С. Коган—«Литература этих лет. 1917—1923 г.г.» Изв.-Возн., 1924, стр. 23.

² Подчеркнуто мною.—Н. Ф.

³ Л. Сосновский—«Первый пролетарский поэт—Демьян Бедный» «На посту», 1923, № 1, столб. 125.

лебались,—рассказывает Л. Войтоловский.—По словам военкома, из рядов наступавшего полка вышел молодой красноармеец и стал декламировать красноармейцам «Коммунистическую Марсельезу» Демьяна Бедного. Чтение повторялось несколько раз. Солдаты воодушевились и двинулись в бой. Я не знаю фактической подкладки этого эпизода,—замечает критик,—но интересен он сам по себе, даже, как сказка, как легенда. Кто другой из русских писателей мог дать повод для возникновения такой легенды? Чьи песни пользуются таким неудержимым, широким захватом? Чье другое литературное имя достигло такой громадной популярности в массах».¹

«Действуют» стихи Д. Бедного и в мирной обстановке. Один корреспондент т. Сосновского пишет ему,

«как в глухой деревне мужики не хотели сдавать хлеб государству и как настроение нарастало. Стоило прочесть на сходе пару (?) стихов Д. Б., как стена враждебности упала и настроение резко изменилось. Крестьяне спокойно выполнили свой долг».

Действуют стихи Демьяна даже и как... лекарство:

«Одна фронтовая сестра милосердия (красная) полуграмотными каракулями пишет мне,—рассказывает далее Л. Сосновский,—что в госпитале ей приходилось читать больным и раненым красноармейцам стихи Д. Б., и иногда слышались такие речи:

— Сестрица, брось ты эти лекарства... Почитай мне Демьяна, мне лучше будет, чем от твоих лекарств»...²

Но особо любопытны рассказы об агитационном воздействии демьяновских стихотворений на белых:

«Во время наступления Юденича на Петроград (почему не на Петербург?—*Н.Ф.*) белыми был занят один городок,—пишет т. Сосновский.—При отступлении оттуда красные оставили—случайно или намеренно—граммофон с пластинками песенок Д. Бедного. Солдаты Юденича добрались до пластинок и..., вместо того, чтобы с негодованием разбить их или выдать начальству, устроили подпольный большевистский агитпункт. Завесили шинелями окна, поставили часовых на улице, чтобы внезапно не нагрянули офицеры, и наслаждались запретной музыкой и поэзией. А граммофон хриплым басом поучал:

Все—в ряды большевиков!
Собирай всех батраков!
Эх-ма!

Собирай всех батраков!
Напирай на кулаков!
Эх-ма!

¹ Упомянутая статья Л. Войтоловского в Собр. сочинений Д. Бедного, изд. «Крокодила», стр. XLVII. Что касается самого факта, сообщаемого т. Войтоловским, то в нем, думается, ничего невероятного нет: «Коммунистическая Марсельеза» Д. Бедного—стихотворение очень сильное и, будучи прочитана в соответствующей обстановке с должным настроением и пафосом, может, действительно, произвести потрясающий, почти гипнотический эффект. Надо лишь пожалеть, что это стихотворение почему-то не пользуется достаточной известностью; мне, напр., не доводилось слышать, чтобы где-нибудь пелась «Марсельеза» на демьяновские слова.

² Л. Сосновский,—упомянутая статья в «На посту», столб. 126.

Само собою разумеется, наслушавшись такой поэзии, солдаты не могли особенно пылать желанием положить головы за «веру, царя и отечество» под белыми знаменами (Там же).

В другом месте Л. Сосновский передает еще более любопытный случай, показывающий, что не только «нижние чины» белых армий, т.-е. обманутые рабочие и крестьяне, оказывались падки на агитацию Демьяна, но даже и более «высококвалифицированные» слои белых войск, вплоть до части офицерства, повидимому.

«Не все, например, знают курьезный факт,—говорит т. Сосновский: стихотворение, высмеивающее грузинских правителей-меньшевиков—«Гулимджан»—было штабом одной нашей армии передано по радио в меньшевистский Тифлис. Оттуда получили по радио ответ радио-телеграфистов: «Гулимджан» получили, прием здоровье Демьяна Бедного». Это из неприятельской столицы-то! Впоследствии мы узнали, что песенка Демьяна гуляла по рукам по всей Грузии». (Упом. фельетон в «Правде»; ср. т. III Собр. соч. Д. Бедного, ГИЗ, стр. 118).

К. Еремеев в статье «Демьян Бедный—боец революции» приводит текст следующей любопытной резолюции, которую приняли белогвардейские солдаты, разумеется, тайком от своего начальства, прочитав разбросанные нашим аэропланом листовки со стихами Д. Бедного—«*Обманутым братьям*»:

«Прочитав послание Демьяна Бедного к обманутым братьям, мы, солдаты добровольческой белой армии, присоединяемся к слову Демьяна Бедного и не желаем больше воевать против своих же братьев—рабочих и крестьян, и постановляем: сдаться красным войскам в плен и просить прощения как у рабочих, так и у крестьян. А желаем мы загладить свою вину и будем биться с офицерами и кадетами до последней капли крови под руководством вождя—тов. Троцкого».¹

Число подобных рассказов можно было бы увеличить, вероятно, до бесконечности, но и приведенных более чем достаточно, чтобы убедиться в совершенно исключительном, поистине колоссальном влиянии Демьяна Бедного на самые широчайшие массы трудящихся.²

¹ Собр. соч. Д. Бедного, Изд. „Крокодил“, стр. XXXI.

² Небезынтересно отметить, что Д. Бедный столь крепко вошел в народный быт, что редкий писатель, изображая современную деревню, может не упомянуть о нем. Так, С. Есенин, описывая свои впечатления от посещения родной, рязанской, деревушки, замечает:

С горы идет крестьянский комсомол
И под гармонику, наяривая рьяно,
Поет агитки Бедного Демьяна.

Р. Акульшин в заметках «О чем шепчет деревня» рассказывает: «Дяде Митрию 60 лет—у него лохматые волосы и очки, неуклюже прилепившиеся к худощавому носу. У дяди Митрия изумительная память; он знает с полсотни стихов Демьяна Бедного... («Красная Новь», 1925, г., кн. 2, стр. 244) и т. д. Исключительно широкое распространение произведений Д. Бедного отмечают и ученые исследователи

Больше, чем кто бы то ни было, Д. Бедный заслуживает названия *народного поэта*—в самом лучшем и подлинном смысле этого слова.

Прекрасно владея русской народной речью, с детства, из первоисточника знающий подлинную народную поэзию, Д. Бедный впоследствии не раз пополнял свои знания, изучая записанные сокровища народных былин, песен, сказок, пословиц, частушек и черпая все новые и новые богатства русского народного языка из таких трудов, как, например, известный словарь Даля, который всегда лежит у Демьяна под рукой в его рабочем кабинете.

Произведения народно-поэтического творчества Д. Бедный ставит очень высоко и считает их одним из главных источников, которые должны питать «вдохновение» всякого пролетарского поэта. Свою речь к пролетарским писателям Д. Бедный закончил таким прекрасным призывом—*учиться у народа*:

«Народ сам—великий творец, сам он—глубокий выразитель своих раздумий, сам он—коллективный создатель гениальных песен. Подойдите к нему—с уважением, слушайте его—любовно и уносите воспринятое от него с благодарностью. И тогда вы сами за свои песни будете иметь народную любовь, уважение и благодарность».

Не пренебрегайте формами народного творчества. Они, как я сказал, бывают гениальны».

Исключительное значение Д. Бедного, как поэта-агитатора, как проводника ленинских идей, выдающуюся роль его в истории нашей революции в настоящее время признают все, даже представители не пролетарской и не марксистской критики.¹

Но далеко не все правильно оценивают Д. Бедного, как настоящего поэта-художника. Нередко можно встретить отноше-

деревенского быта. «Когда слушаешь сказки и частушки,—пишет, напр., Ю. М. Соколов, известный фольклорист и этнограф («Жизнь», 1924, № 1, статья «Что поет и рассказывает деревня», стр. 301),—понятным (ой?) становится большая популярность, которой пользуются сатирические произведения Демьяна Бедного. Беспристрастные наблюдения этнографа подтверждают этот факт. Во многих деревнях приходилось встречать крестьян, наизусть читающих отрывки из Демьяна».

¹ Напр., В. Львов-Рогачевский, известный литературный критик, ранее не замечавший Д. Бедного, в 3-м изд. своей «Новейшей русской литературы» (М.—Л., 1925) не мог не посвятить ему отдельной главы (правда, всего в две с четвертью странички), в которой заявляет, что «как сатирик, Демьян Бедный не знает себе равного в революционной партийной литературе». Столь же снисходительное признание вынуждена была дать Д. Бедному и Евдоксия Никитина в своем обзоре современной поэзии («Поэты и направления»—сборн. «Свиток», № 3, М.—Л., 1924, стр. 129—130). Не считая, очевидно, Д. Бедного достойным быть в числе пролетарских поэтов, Е. Никитина пишет: «Среди поэтов агитационного типа первое место бесспорно принадлежит Д. Бедному, еще до революции писавшему острые сатиры в форме басен... Острые и всегда остро-современные его сатиры—явно публицистического типа и известны в достаточной мере всей России».

ние к его стихам, как к газетному фельетону, который можно прочесть с пользой и удовольствием, чтобы после уже о нем никогда не вспоминать.

Конечно, Демьян Бедный преимущественно *газетный работник*. Он и сам обычно называет свои стихи «фельетонами». У него в книжном шкапу хранится большой сверток газетных вырезок его стихотворений с надписью: «Довлеет дневи злоба его». И действительно, многие стихи Демьяна Бедного пишутся «на злобу дня», отражают «текущий момент». Присяжный сатирик, «человек казенный» (он сам иногда в шутку так себя называет), Демьян Бедный нередко как бы «приносит себя в жертву»; как верный солдат революции, он часто пишет не о том, к чему влечет его капризное «вдохновение», а о том, о чем *надо писать*, чего требуют момент и партия. И в этом его великая заслуга. Это делает его единственным, незаменимым, ни с кем несравнимым пролетарским поэтом, *поэтом — коммунистом*.

Но сильно ошибется тот, кто подумает, что эти написанные на «злобу дня» стишки и басни теряют свое значение через несколько дней, месяцев или лет. Конечно, есть у Демьяна Бедного немало стихов незначительных, случайных, возникших по какому-нибудь сравнительно пустяковому поводу, но большинство его произведений не таковы.

Уже один тот факт, что собранные вместе в последовательном порядке стихи Демьяна (включая даже и относительно слабые) дают *живую и яркую* своеобразную историю последних 15 лет, — как это отмечалось выше, — много говорит за себя. Но, кроме того, для всякого непредубежденного человека ясно, что Д. Бедный — и *большой мастер своего искусства*. Нередко задаваемый вопрос: *поэт Б. Бедный или не поэт*¹, говорит лишь о недиалектическом подходе к оценке Демьяна.

Что значит — «поэт вообще»? Это — чисто абстрактное, лишенное всякого конкретного содержания понятие. Если под «поэтом» понимать исключительно т. наз. представителей «чистого искусства», «певцов звуков сладких и молитв», или, говоря более просто, — лириков, слагающих красивые, изящные стихотворения, полные тонких настроений и интимных эмоций, то, во-первых, надо сказать, что в нашу классовую эпоху такие поэты могут появляться лишь среди аристократических, привилегированных, представителей угнетательского меньшинства или выходить из рядов оторванных от трудовых масс одиночек. Во-вторых, при таком толковании понятия «поэт» мы не имели бы права считать «поэтами» ни, скажем, Грибоедова, ни Крылова, ни Не-

¹ С такой постановкой вопроса мне, напр., приходилось сталкиваться на моих университетских семинариях по новейшей русской литературе при обсуждении рефератов о Д. Бедном. Некоторые тов. студенты упорно пытались доказывать, что Д. Бедный, при всех его несомненных заслугах, как агитатора, сатирика — «не поэт».

красова. Ведь «звуков сладких и молитв» мы у них не найдем в той же мере, как и у Д. Бедного¹.

«Поэтов вообще» не бывает. Бывают поэты *разных типов*. Бывают поэты-лирики, певцы тонких эмоций, бывают поэты-обличители, стремящиеся «глаголом жечь сердца людей», бывают поэты-сатирики, агитаторы. Бывают поэты, замкнутые в себе, пишущие для узкого круга привилегированного меньшинства; бывают поэты-граждане, которые пишут для масс, которые *сознательно* становятся орудием трудовых классов, в служении им видят свой *долг*.

Демьян Бедный—поэт-сатирик, поэт-обличитель, поэт-пропагандист, *поэт-гражданин*—в лучшем смысле этого слова. Как Некрасов главным своим делом считал пропаганду дорогих ему идей, вопросам же красоты, изящества, формы и т. п. отводил второстепенное значение (но отнюдь не пренебрегал ими), считая себя *прежде всего поэтом-гражданином*, так и Демьян. Главным своим делом он считает пропаганду идей ленинизма; вопросы формы отступают для него на второй план; он никогда не станет писать стихотворения *только из-за того, чтобы оно было красиво*, звучно, удовлетворяло бы каким-нибудь исключительно *эстетическим* заданиям. Мастерство для него не цель, а средство. Но это вовсе не значит, что он считает возможным обходиться без мастерства и на форму, на отделку своих стихов, не обращает никакого внимания.

Совершенно напрасно поэтому наши враги (порою же и не враги, а не в меру зараженные «эстетизмом» товарищи) стараются «унизить» Демьяна Бедного, презрительно называя его «газетным фельетонистом», «борзописцем» на злобы дня, а стихи его—«рифмованной агитацией». Да, стихи Демьяна Бедного—агитационны, но в этом отношении он идет по стопам лучших своих предшественников, наших великих и славных поэтов. Писать на злобу дня, бросать возмущенные, сатирические выпады или сеять легкие шутки, эпиграммы, отзываться на волнующие вопросы современности, вести *поэтическую агитацию*,—этого не гнушались и величайшие наши поэты. Так поступали и Пушкин, и Грибоедов, и Крылов, и Лермонтов, и Некрасов, и Ал. Толстой и многие другие. Их заветам верен и Демьян Бедный. Только он ведет свою линию четко и прямо, не отклоняясь в сторону,

¹ Если же под словом «поэт» понимать лишь таких всеобъемлющих мировых гениев, как Пушкин, Гете, Байрон и немногие другие, им подобные, то в среду *таких* поэтов Д. Бедного, конечно, не включишь, как не включишь и сотен других очень крупных и значительных поэтов. Но такое сужение понятия «поэт» было бы совершенно произвольным и ни на чем не основанным. Д. Бедный *вовсе не нуждается* в каком-либо сравнении его с другими поэтами (можно говорить лишь о *премущественности*). У Демьяна *свое место, своя роль*, которой до сих пор еще не было *ни у кого* из наших поэтов. И *это надо понять*. Мы можем вполне объективно оценивать его общественное значение и его литературное мастерство, не сравнивая его с мировыми гениями.

тогда как те, старые поэты, лишь часть своих сил посвящали политической сатире.

Нашу старую классическую поэзию Д. Бедный прекрасно знает и любит. Он на ней воспитался. Поэтому он никогда особенно и не стремился к стихотворным новшествам и оригинальничанью. Он всегда писал, как хороший ученик классической литературы, как продолжатель ее лучших заветов—заветов Некрасова, Лермонтова, Крылова, Пушкина. Это признают даже люди, далекие по своему художественному миросозерцанию от Д. Бедного и прославившиеся в качестве тонких ценителей поэзии. Например, один из крупнейших представителей сейчас уже ушедшей в прошлое символической школы, известный поэт Вячеслав Иванов, как-то в личной беседе сказал Демьяну Бедному: «Вы—единственный, кто владеет в настоящее время тайнами пушкинского стиха; только зачем вы этим стихом расписываете заборы?» Для миросозерцания В. Иванова, мистика-эллиниста и символиста-эстета, крайне характерно это отношение к поэтической агитации, как к «расписыванию заборов», но нам очень ценно мнение этого одного из самых тонких ценителей поэтического искусства и одного из лучших знатоков и мастеров русского стиха. В том же, что Демьян Бедный, по выражению Вяч. Иванова, своим прекрасным стихом «расписывает заборы», мы также видим одну из заслуг нашего поэта, стихи которого часто действуют, как заборный плакат, как простой и яркий призыв, всем доступный и понятный.

Метко охарактеризовав в одном из своих программных стихотворений чуждую нам изысканность буржуазной поэзии и призывая к борьбе за ленинскую простоту в литературе, сам Д. Бедный говорит о себе:

Что до меня, то я позиций не сдаю,
На чем стоял, на том стою,
И, не прельщаясь обманной красотой,
Я закаляю речь, живую речь свою,
Суровой ясностью и честной простотой.
Мне не пристал нагульный шик:
Мои читатели—рабочий и мужик.
И пусть там всякие разводят вавилоны
Литературные советские «салоны»,—
Их лже-эстетике грош ломаный цена.
Не даром же прошли великие циклоны,
Народный океан взбурлившие до дна!
Моих читателей сочти: их миллионы.
И с ними у меня «эстетика» одна!

(«О соловье»)

Никто не сможет также отрицать и большого мастерства Д. Бедного в области форм и стихотворной техники. Он великолепно владеет самыми разнообразными стихотворными стилями и формами, начиная от гениально-простого стиля и ритма пушкинских сказок, от народной частушки или характерного вольного народного «сказа», до суровых дантовских терцин, или

изящных стансов, или стройного александрийского стиха. Порою Демьян Бедный пишет, словно выкованные, строки, напоминающие пушкинские или лермонтовские. Если бы он дал себе волю, из него мог бы выйти первоклассный лирический поэт...

Но главная сила Демьяна Бедного, конечно, в его язвительной сатире, в его юморе. Тут он прямой наследник наших славных сатириков—Ал. Толстого, Гоголя, Грибоедова и особенно—Крылова.

После великого баснописца почти никто не отваживался писать басни. Демьяну Бедному блестяще удалось воскресить и обновить этот, казалось, уже отживший, жанр. Правда, басни Демьяна не дают материала для таких широчайших обобщений, как крыловские, так как они обычно пишутся на какой-нибудь определенный случай, но по литературному мастерству, по народности языка, по меткости речи—они часто не уступают и крыловским.

Характеризует Демьяна-мастера и то, что он никогда не удовлетворяется достигнутыми результатами, не застывает на определенной форме, а всегда переходит от одной любимой формы к другой, ища наиболее соответствующую настроениям каждого данного момента. Начав с гражданской лирики в стиле Некрасова, Надсона и П. Я.¹, Д. Бедный скоро переходит к форме крыловских басен, которые почти исключительно и пишет в предреволюционные годы. Затем любимой его формой становится правильный четырехстопный хорей (ритм «Конька-Горбунка» Ершова и пушкинских сказок), перемежающийся иногда с народной частушкой и плясовой песней. В последние годы Д. Бедный особенно облюбывал форму вольного народного сказа с парными взаимнорифмующимися строками,—того типа, который блестяще был применен Пушкиным в «Сказке о попе и его работнике Балде».²

Но если бы мы, отмечая связь Д. Бедного с его предшественниками, с классическим пушкинским стихом, с крыловской басней, сделали бы из этого вывод, что Д. Бедный только старательный ученик, только подражатель,—мы бы совершили огромную ошибку. Уже самое приспособление старых форм к новому содержанию, например, формы крыловской басни к теме о пролетарской борьбе, является *большим новшеством*. Кроме того, надо иметь в виду, что у Д. Бедного нет и следа крыловского классицизма. Демьяновская басня—чисто народная. С исключительным мастерством пользуется Демьян новыми, возникающими в революционном потоке, словами, понятиями, сокращениями и впервые вводит их в литературный обиход. Умеет Д. Бедный и создавать

¹ П. Мельшин-Якубович, в свое время очень известный гражданский поэт, писавший под инициалами «П. Я».

² Сейчас, когда печатается эта книга (сент.—окт. 1926 г.), Д. Бедный вновь обратился для маленьких сатирических стихотворений к прекрасно ему удающемуся, легкому пушкинскому хорею.

новые слова. Указать хотя бы на такое распространенное теперь (и не заменимое никаким другим) слово, как «нэпман», которое было «сочинено» Д. Бедным. Крупной заслугой Д. Бедного является и создание особой формы большой сатирической народной поэмы (таковы его «Царь Андрон», «Новый завет»), ранее почти не встречавшейся в русской литературе. Нельзя сказать, чтобы Д. Бедный был чужд и новых утонченных приемов поэтического мастерства. Например, в одном из лучших своих произведений, в написанной к 5-й годовщине Октябрьской революции поэме «Главная улица», он мастерски передает самую ритмику победоносного шествия масс и прибегает к очень характерной и выразительной «живописи» звуками. Такие стихотворения, как «Клятва Зайнет», «Когда же он проснется» и некоторые другие, могут удовлетворить самого требовательного критика-эстета.

Рассмотрению вопроса о поэтическом мастерстве Д. Бедного, о его творческих приемах, о *демяновском языке* можно было бы посвятить *обширное исследование*, и я нисколько не сомневаюсь, что недалеко то время, когда такие исследования будут написаны и навсегда заставят замолчать скептиков, ломающих головы над вопросом: «поэт Д. Бедный или не поэт».

В настоящей работе, ставящей главной своей целью выяснение общественной значимости творчества Д. Бедного, я не считаю возможным более подробно останавливаться на вопросах формально-стилистических и перехожу к очерку жизни Д. Бедного и к рассмотрению его творчества со стороны содержания.

Детство, юность и первые литературные шаги Демьяна Бедного

Писателя можно понять только на фоне той среды, которая его окружала с детства, на основе той классовой психологии и той обстановки жизни, которая воздействовала на него с самых ранних лет его жизни.

Детство часто дает поэту самые сильные впечатления, которые потом не забываются во всю жизнь. В молодые годы формируется язык писателя, вырабатывается склад, манера его речи; из ранних впечатлений он черпает свое знание природы, быта, жизни, людей, лишь дополняя все это более трезвыми, но иногда менее западающими в душу впечатлениями позднейших лет.

И в творчестве Демьяна Бедного детство объясняет очень многое.

«Демьян Бедный — мужик вредный»¹, как иной раз он подписывается, действительно, коренной «мужик». Родился он 1/13 апреля 1883 года² в деревне Губовке, Херсонской губернии, Александрийского уезда. Деревушка эта стоит на реке Ингуле, по правую сторону которого живут великороссы, по левую — украинцы. Предки Демьяна Бедного по мужской линии — Придворовы — были коренными крестьянами-великороссами, переселившимися с севера на юг в качестве военнопоселенцев. По матери же Демьян Бедный — украинец; его мать — коренная казачка из дер. Каменки, Херсонской губернии — исконного украинского места, напоминавшего, по своей первобытной поэзии, старинную украинскую Сечь.

Детство выпало на долю будущего Демьяна Бедного довольно суровое: родители большею частью не жили вместе. Мать, Екатерина Кузьминична, жила в деревне, в Губовке, отец же, Алексей Софроныч, жил в Елисаветграде, где служил в духовном

¹ Настоящее имя его — *Ефим Алексеевич Придворов*. Биографические сведения сообщены мне самим Д. Бедным, записаны с его слов и впервые появились в печати в 1-м изд. моей книжки.

² В XIX столетии старый стиль отставал от нового не на 13 дней, как теперь, а *всего на 12*. Это часто не учитывают и потому путают даты всяких юбилеев и годовщин. Д. Бедный родился *13 апреля нового стиля*, что тогда соответствовало 1 апр. по старому стилю.

училище уборщиком при церкви и рассыльным при правлении до 1895 г., а с 1895 по 1906 г. — носильщиком на вокзале, имея бляху № 1. Жил на окраине, населенной рабочими завода Эльворти¹. Детство Д. Бедного протекало между деревней и городом: с двух до семи лет он жил, главным образом, с отцом в городе, с 7-и же до 13-и лет — в деревне с матерью.

Жизнь на фабричной окраине дала будущему певцу идеалов пролетариата первое знакомство с бытом и психологией рабочего. Конечно, 5—6-летним малышом будущий Демьян мало что понимал, но уже одни *впечатления* много значили и не могли не запасть глубоко в сознание чуткого и внимательного мальчика Ефимки. Значительно больше дала ему деревня, — да и возраст был уже более сознательный, тот самый, когда ребенок впервые начинает понимать многое, и когда он как бы напитывается впечатлениями и сведениями о жизни, о природе, о людях и их отношениях. Эта деревенская закваска у Д. Бедного была необычайно сильна. Не даром он и до сих пор чувствует себя иногда «мужиком».

Изба, в которой жил в детстве Демьян Бедный, стояла как раз против сельской «расправы» — деревенского «присутственного места». Тут у крыльца «расправы» происходили сельские сходки, тут же вели арестованных и пьяных (рядом был кабак) и сажали их в «темную»; сюда приходили крестьяне со своими нуждами и жалобами. Среди этой-то, то озабоченно-взволнованной, то разгульно-веселой, иногда, особенно по праздникам, пьяной, крестьянской толпы и вырос Демьян Бедный. Мальчик необычайно бойкий и смывленный, он часто исполнял писарские обязанности, за пятак писал прошения, давал советы, как опытный «делец», и пределом его мечтаний в эту пору было — стать волостным писарем². Тут-то Демьян Бедный и изучил крестьянскую психологию, крестьянский быт; тут-то он на всю жизнь запасся неисчерпаемыми сокровищами живой русской остроумной речи.

В этой обстановке насмотрелся он на сельских и уездных властей, на отношения деревенской бедноты и богатеев-кулаков; тут ему не раз доводилось наблюдать все прелести пьяного разгула и других темных сторон деревенской жизни. Отсюда же вынес он великолепное знание сельского духовенства и его взаимоотношений с крестьянами.

Дом матери Демьяна Бедного был чем-то средним между притоном и постоянным двором. Туда часто заглядывали приезжие люди самого разнообразного калибра, от станowego пристава,

¹ В 1-м изд. моей книжки сказано, что отец Д. Бедного *работал* на заводе Эльворти. Это — ошибка, — повидимому, результат случайно вкравшейся в мою запись неточности. Точно так же и имя матери Д. Бедного было указано ошибочно.

² Раньше, живя у отца, он колебался, кем ему стать — рабочим или... архиереем.

до грозы окрестных богатеев—конокрада Власа, который любил смешиленного мальчика и поощрительно говаривал ему: «ой, и вор же из тебя ха-а-роший будет!»

Сама Екатерина Кузьминична, «легкомысленная» деревенская красавица, не может быть помянута добрым словом.

«Женщина крутая, жестокая и распутная,—говорит о ней Л. Войтоловский,—она глубоко ненавидела своего мужа, жившего в городе, и всю свою тяжолую ненависть вымещала на сыне. Пинками, побоями и бранью она вселила мальчику ужасающий страх, который однажды, в жаркий праздничный полдень, превратился в непреодолимое, навсегда оставшееся в душе отвращение к матери.

Ефимке едва минуло 4 года. Был праздник, ужасная духота. По обыкновению избитый и запачканный, Ефимка, плетясь за матерью, очутился у лавочника Гершки. Забившись в угол, он стал невольным свидетелем бесстыдной сцены, разыгравшейся тут же на мешках, на глазах потрясенного ребенка. Мальчик горько заплакал, а мать всю дорогу остервенело лупила его палкой»¹.

Но если мать не сумела вселить своему сыну ничего, кроме отвращения и знания наиболее мерзких сторон жизни, то совсем иную роль сыграл в жизни Д. Бедного его дед по отцу—Софрон Федорович Придворов, старик во многом замечательный.

О нем Демьян Бедный вспоминает, как о «добром гении» своего детства. Это был, по словам Ефима Алексеевича, умный, кряжистый, сухой старик. Родился и вырос он еще при крепостном праве, о котором у него сохранились несколько странные, как бы двоящиеся, воспоминания. С одной стороны, он был полон ненависти к барам, но с другой,—он любил вспоминать про старину. «Помню эти вечера, когда дед рассказывал,—вспоминает Демьян Бедный.—Это была целая поэма. Выходило, что и крепостное право обволакивалось какой-то поэтической дымкой. Даже про порку рассказывал так, что как будто это очень хорошо было: «Р-раз! Р-раз!! Снимай штаны! Р-раз! Р-раз!! И выходило как будто очень хорошо». Типичный пионер-колонизатор полувоенного типа, он особенно любил вспоминать о старых временах, когда в Херсонской губернии стояли уланы и драгуны, и рассказывать об их «подвигах». Любопытной чертой деда Софрона было его пренебрежительное отношение

¹ Л. Войтоловский—«Демьян Бедный», «Печать и Революция», 1925, кн. 4, стр. 23—24. Сведения о детстве Д. Бедного Л. Войтоловский, повидимому, сообщает также со слов самого Д. Бедного. В этой же статье рассказывается немало и других пикантных подробностей о матери Д. Бедного, начиная с кошмарной сцены, когда она, пьяная, шила смертную рубашку умирающему от дифтерита 12-летнему Ефиму, орала песни и была на его глазах избита пришедшим отцом, и до рассказов о том, как впоследствии она, пробравшись в Москву, обворовала своего уже ставшего знаменитым сына, или о ее участии в убийстве собственного мужа—отца Д. Бедного. Эти подробности, характерные со стороны бытовой, не имеют уже по существу отношения к творчеству Д. Бедного и могут быть любопытны, разве лишь как объяснение тому факту, что образ матери (да и вообще женщины) в произведениях Д. Бедного не играет никакой роли, и он в этом смысле представляет полную противоположность, напр., Некрасову или Неверову.

к попам и религии. В церковь он не ходил: «Какого дьявола,— говорил он не раз,— пойду я в церковь, когда поп нажрался чаю да и служит»... Не мало рассказов про старину, про бар и мужиков, про крестьянскую долю наслушался Демьян Бедный от своего «деда Софрона». ¹

В очень интересной, но, к сожалению, неоконченной сатирической поэме—«*Ад и рай*»—Демьян Бедный в таких прочувствованных строках вспоминает о своем деде и своем детстве:

... чуть вечер, льнул я к деду,
Вертелся вокруг него вьюном:—
Любил я слушать перед сном
Его душевную беседу...
... О многом мне поведал дед.
Суровы были и несложны
Его рассказы, и ясны,
И были после них тревожны
Мои младенческие сны.

(«*Ад и рай*, что хочешь, то и выбирай. Занимательная, дива и любопытства достойная, силою благочестия и убеждением исполненная повесть о нисшествии во ад и восхождении в рай великого страстотерпца и подвижника Демьяна Бедного—мужика вредного».)
(«Правда», 1919 г., №№ 207, 210)

О своем детстве Демьян Бедный вообще любит вспоминать. Среди стихов, отражающих героические подвиги Красной армии, среди едких сатирических выпадов на злобы дня нет-нет да и выплывут, например, такие строки:

Помню, в детстве: зима... сад в серебряном инее...
Небо ясное, звездное, синее-синее...
Лай собак... Скрип саней... Чей-то смех за окном...
Бабка сказку нам, детям, бубнит перед сном...
(«*Вешняя сказка*»,—«Правда», 1919, № 28)

Или, отзываясь на наши военные победы, Демьян вдруг признается:

До чего я, товарищи, рад:
Наши взяли Елисаветград.
От него — двадцать одна верста —
Родные мои места...
(«*Отдых*»,—«Правда», 1919, № 31)

¹ Л. Войтоволский так передает рассказ Д. Бедного о своем дедушке: «По вечерам, забравшись на печку, Ефимка делился с дедом запасом житейских наблюдений. А в воскресные дни дед брал с собою внука в кабак, где в пьяном чаду довершалось житейское образование мальчика. Дома навеселе дед любил вспоминать о старине, о поселенческих временах, об уланах и драгунах, стоявших постоем во всей Херсонщине. И подогретое водкой воображение деда охотно рисовало идиллические картины. Выходило совсем как у пушкинского «Гусара»:

«Валятся сами в рот галушки—
Вином хоть пару поддавай...»

Выходило так, что лучшего порядка, чем патриархальная старина, и желать нельзя. Всякое нововведение тут—ненужная вставка. Но в трезвом виде дед говорил другое. С ненавистью рассказывал он внуку об аракеевщине, о милостях барских: как поселенцев наказывали палками, как мужиков в Сибирь ссылали, а баб, оторванных от грудных детей, превращали в собачьих кормилок» (Та же статья, стр. 24—25).

Такие строки говорят о сильной *интимно-лирической струе*, присущей поэтическому таланту Д. Бедного, которая время от времени невольно пробивается сквозь наложенную им на себя сатирико-обличительную броню.

Но не одни нежно-лирические тона вызывают у Демьяна воспоминания о детстве. Нередко всплывают и другие впечатления, по которым мы видим, как будущий певец коммунизма и социальной революции практически, на своем горбу, ознакомился с «социальными проблемами», с отношением богатых к беднякам.

Очень любопытно в этом смысле стихотворение «У господ на елке». В нем Д. Бедный вспоминает, как мать привела его, «парня лет пяти—шести», к «господам». Пришли, конечно, в кухню, в которой «пахнет очень вкусно», к барской кухарке—Фекле. Вдруг явилась барыня («Ой, никак идет „сама“!»).

Мать рукою провела

У меня под носом.

В кухню барыня вошла, —

К матери с вопросом:

— «Здравствуй, Катя! Ты — с сынком?

Муж, чай, рад получке?» —

В спину мать меня пинком:

— «Приложися к ручке!»

Сзади шум. Бегут, кричат:

— «В кухне — мужичонок!»

Эвон, сколько их, барчат:

Мальчиков, девчонок!

— «Позовем его за стол!»

— «Что ты, что ты, Пепка!»

Я за материн подол

Уцепился крепко.

Запросившись домой,

Задал рёву сразу.

— «Дём, нишкни! Дурак прямой,

То ль попорчен с глазу!»...

— «Вот — растите дикарей:

Не проронит слова...

Дети, в залу! Марш скорей!» —

В кухне тихо снова.

Фекла злится: «Каково?

Дали тож... гостинца!..

На мальчика глядят как: во!

Словно из зверинца!..»

... Попрощались и — домой.

Дома — пахнет водкой:

Два отца — чужой и мой —

Пьют за загородкой.

Спать мешает до утра

Пьяное соседство.

Незабвенная пора!

Золотое детство!..

Комментарии, как говорится, излишни. Само собою понятно, какие чувства должен был вынести этот «парень лет пяти-шести» к «самой» и к барчатам.

Среди такой обстановки и таких впечатлений началось и «образование» Д. Бедного. Читать он выучился очень рано — сначала от отца, а затем стал бегать в сельскую школу — в Губовке. Учился хорошо и охотно, и скоро чтение сделалось его самым любимым занятием. Читал он вначале, главным образом, книги «духовного содержания»: какой-нибудь «Путь ко спасению» или «Печерский Патерик» (собрание легендарных «житий» монахов Киево-Печерского монастыря), и т. п. Это чтение сильно обогатило язык будущего поэта и дало ему впоследствии материал для понимания народных религиозных воззрений, но в то же время и сильно влияло на его детскую психику. Начитавшись «Печерского Патерика», мальчик мечтал уйти в монастырь или в каменоломни, особенно если ему жестоко попадало от матери.

Вскоре он стал зарабатывать деньги — писал крестьянам прошения или читал за двугривенный псалтырь по покойникам, и все, что не успевала отобрать у него падкая на деньги мать, он употреблял на покупку копеечных лубочных сытинских¹ книжек и запоем читал различные повести, вроде «Разбойника Чуркина» или какую-нибудь «Смерть грузинской царевны на гробе своего мужа» и т. п. Эта полународная литература также немало способствовала обогащению языка Д. Бедного.

Читал он и настоящих писателей, с которыми познакомила его школа, — Пушкина, Никитина, Некрасова, Кольцова, Крылова, Грибоедова².

... Как молодой побег,
Я детским разумом тянулся жадно к свету,—
вспоминает Д. Бедный в автобиографическом стихотворении «Горькая Правда»:

Ведя лошадку в степь, подросток-пастушок,
Ржаного хлебушки я брал с собой ковригу,
И с хлебом бережно засовывал в мешок
Свою любимую зачитанную книгу.

В одиннадцать лет он уже знал наизусть знаменитого «Конька-Горбунка» Ершова. Когда мальчику приходилось по ночам в степи стеречь лошадей, он воображал себя Иванушкой-дурачком, представлял, что вот-вот появятся кобылицы или прискачет сам волшебный конек-горбунок и полетит он на нем к морю-окияну... И не подозревал, что недалеко то время,

¹ Т.-е. издававшихся известным в дореволюционное время издательством И. Д. Сытина.

² Любопытно, что, прочтя с восторгом в детстве «Горе от ума», Д. Бедный не вполне понимал даже смысл заглавия и произносил так: «Горет ума», — в его сознании это значило что-то вроде «герой ума», — но пафос обличительного стиха захватывал его всецело.

когда ему придется расстаться с деревней и что перед ним откроется не менее сказочно-фантастический путь, который приведет его, деревенского парня, мальчика-подростка Ефимку, кандидата в «хорошие воры», ко всемирной известности.

Любопытно, что косвенной причиной в переломе его судьбы оказалась в некотором роде его мать. После упомянутой кошмарной сцены, которой пришлось быть свидетелем больному дифтеритом мальчику, он понял, что жизнь с матерью не доведет его до добра.

«С этой памятной ночи,—рассказывает Л. Войтоловский,—начинается перелом в жизни Ефимки. Мать перестала его бить: мальчик начал решительно отбиваться и стал чаще бегать к отцу. В городе Ефимка подружился с двумя мальчиками: Сенькой Соколовым, сыном эльвортовского рабочего, и сыном жандармского вахмистра—Сашкой Левчуком. Последний готовился в фельдшерскую школу. Готовил его настоящий учитель, получавший по 3 рубля в месяц. Побывав два раза на уроках у Сашки, мальчик целиком был захвачен желанием пойти по стопам своего друга. Отец не противился этому. Он уплатил учителю 3 рубля за право присутствовать на уроках. Месяца три Ефимка ходил к учителю. Осенью 1896 года мальчиков повезли в Киев экзаменоваться» (Та же статья, стр. 26).

Экзамен был выдержан, и 13-летнего Ефима Придворова приняли в военную фельдшерскую школу на казенный счет.

С этого момента жизнь Демьяна Бедного резко меняется: он навсегда порывает с родной деревней и становится «городским» человеком, бывая в деревне лишь иногда, наездом «на каникулы».

Как это ни странно на наш взгляд, но военная школа произвела на Демьяна Бедного самое хорошее впечатление. Впервые он, по его словам, попал в чистоту, в порядок, впервые встретил гуманное, человеческое обращение. О начальнике школы, полковнике Каломийцеве, он сохранил самые хорошие воспоминания. Это был очень культурный, гуманный человек, совсем непохожий на типичных офицеров старых царских времен. Обычной для военной школы того времени порки в этом учебном заведении не было. Наказания были более мягкие.

«Когда мне предлагают написать об ужасах военного воспитания в военно-фельдшерской школе,—говорил Д. Бедный Л. Войтоловскому,—мне становится просто неловко. Какие там ужасы, когда я в школе впервые почувствовал себя на свободе. Высокие белые стены, паркетные полы, ежедневно горячие обеды—да мне такое и во сне никогда не снилось. Я был на десятом небе от блаженства!» (Та же статья, стр. 27).

Общеобразовательная часть в школе была также поставлена довольно хорошо, так что многие из учеников этой школы, по окончании ее, смогли получить высшее образование, в том числе и Д. Бедный.

В школьные годы он много читал; из поэтов особенно увлекался Лермонтовым, Некрасовым, Ал. Толстым и Надсоном.

Тут складывались его первые литературные навыки. В эти же годы стал он и сам писать стихи. Одним из первых стихотворений будущего Демьяна Бедного была сатира на четвертокласников (сам он был в то время в 3-м классе); за эти стихи четвертокласники его здорово поколотили—таков был первый литературный дебют будущего сатирика. По окончании школы Демьяну Бедному пришлось с 17-летнего возраста до 21 года отбывать военную службу в Елисаветграде. В это время, твердо решив учиться дальше, он готовился на «аттестат зрелости»¹ и, сдав экзамен, уволился с военной службы под предлогом поступления в Военно - Медицинскую Академию,—единственный легальный способ фактически освободиться от военной службы, которая вовсе не привлекала Д. Бедного,—но поступил в Петербургский университет на историко-филологический факультет. Это было в 1904 году.

Началась новая жизнь, появились новые интересы, завязались новые знакомства и связи. Любопытно, что Д. Бедный, тогда еще только Е. А. Придворов, долго не мог отделаться от следов семилетней военной муштровки. «Простое, кажется, слово: „да“, а вот долго не мог ему научиться,—вспоминает Демьян Бедный,—уже студентом был, а все вместо „да“—„так точно“!..» Наложила заметное влияние военная служба и на психику будущего революционного поэта. В эти годы Ефим Алексеевич далеко еще не был вполне «сознательным гражданином». Оторванный с ранних лет от деревни, проведя семь лет, с 13 до 21 года, в типичной военной обстановке, с таким трудом выбившись, в конце концов на самостоятельный путь, он с некоторым недоумением и даже страхом смотрел на тогдашние студенческие забастовки или «беспорядки», как они официально тогда именовались.² Несколько неожиданными оказались для Д. Бедного и первые раскаты революции 1905 года.

Чтобы понять настроение Е. А. Придворова в те годы, надо иметь в виду три следующих обстоятельства. В военной школе, в которой он учился, несмотря на некоторые ее положительные стороны, отмеченные выше, все же усиленно занимались тренировкой воспитанников в религиозно-патриотическом духе, всячески настраивали их на «верноподданнический» лад. Недавно Демьян Бедный с добродушной шуткой вспоминал, что одно из первых его стихотворений было посвящено...Николаю II. В то время происходила первая Гаагская мирная конференция, созванная по почину русского правительства, и патриотическая печать из всех сил распиналась, величая Николая II «миротворцем».

¹ Так называлось свидетельство об окончании гимназии, дававшее право поступить в университет.

² Вся беда, по его мнению, была в том, что ректор, проф. Жданов,—не военный человек. Стоило бы ему только закричать: «Смирррна!», как всякие «беспорядки» немедленно бы прекратились. Такая магическая власть была в этом слове: «смирно»!

Настроенный и натасканный на соответствующий лад, молодой поэт пишет стихотворение, начинающееся словами:

Звучит моя лира—
Я песню слагаю
Апостолу мира,
Царю Николаю...

(«На...до...ж...дать»,—«Правда», 1922, № от 2 июля)¹

Выветривались эти настроения, конечно, не сразу и с большим трудом, тем более, что и сама тогдашняя университетская наука, преподносящая под идеалистически-кадетским соусом, весьма мало способствовала развитию подлинно-научного мирозерцания и революционно-пролетарского взгляда на события, того, что мы теперь называем «политической грамотностью». Это—первое.

Второе обстоятельство заключалось в том, что самая «карьера» Е. А. Придворова—от забитого деревенского мальчугана, от робкого ученика фельдшерской провинциальной школы, до «господина студента» столичного университета—казалась ему слишком невероятной, доставшейся ценою огромных усилий и совершенно исключительной удачи. Не удивительно, что свое новое «положение» он очень ценил, и все, что могло ему так или иначе помешать, рассматривал, как нечто ненужное, чуждое, досадное. «Какая там забастовка, какая там революция, когда вот у меня вдруг есть эта, казавшаяся ранее совершенно недоступной, возможность учиться». Так думалось тогда наивному, неотесанному, «зеленому студенту» Придворову. И, наконец, третье обстоятельство заключалось в некоторых, по тому времени совершенно исключительных, знакомствах и связях, которые толкали молодого студента скорее на путь устройства «блестящей» карьеры, чем к участию в студенческих «беспорядках» и революционном движении.

К счастью и к чести Ефима Алексеевича, он не поддался на эту удочку. Жизнь и классовая принадлежность быстро взяли свое. Но на это все-таки потребовалось некоторое время.

В одном из стихотворений Демьян Бедный вспоминает характерный эпизод из своих студенческих лет. Приехал он на побывку в деревню. Пришлось ему как-то в дороге разговаривать с четырьмя мужичками: с Ермилом Федосеичем, Финогеном Алексеевичем, дядей Климом да с Вавилой Кривобоком. И сказали они ему «пятому», «как родному, а не ворогу заклятому», сказали ему,

...румяному студенту, беспечальному,
По-хорошему сказали, по-прощальному:
— «Мать честная, пресвятая богородица!
До чего судьба с судьбою, брат, не сходится:
Все ровеснички твои, да все братьяники,

¹ На эту же тему было написано Д. Бедным еще и другое стихотворение—первая его вещь, попавшая в печать (было напечатано в 1899 году в «Киевской Мысли», с примечанием редакции о «юности автора»).

Тоже, чай, не дураки и не бездельники.
А судьба им всем—без роздыху крестьянствовать,—
Одному тебе судьба, видать, попанствовать.
Как окончишь ты учение столичное,
Сразу место тебе выпадет отличное.
Потому как ты в знакомствах не нуждаешься,—
Там с какими-то князьями прохлаждаешься.
На виду-то у князей, да у правительства—
Не заметишь—попадешь в превосходительства...

Чудной показалась такая речь «румяному студенту»:

Навалясь на Клима, кряжистого, плотного,
Надрывался я от смеху беззаботного:
— «Ай, пророки!.. До чего ж все уморительно!..
Выпьем, что ль, за «енерала» предварительно!..
...И уж так-то преусердно угостились,
Что не помню, как у поезда простились...
(«Деревенские старики»,—«Правда», 1919, № 152)

Эта сцена оказала сильное влияние на «румяного студента беспечального». Он впервые задумался над вопросом: кто же он такой, в конце концов? С кем ему по пути? Действительно ли «с князьями» и «превосходительствами» или вот с ними—с дядями Климами да Вавилами Кривобокими? Выбор был уже сделан...

Но особенно сильно подействовали на Демьяна Бедного события после революции 1905 г. Когда революционное движение было раздавлено оставшимися «верными» правительству войсками, не понимавшими, что они сражаются против своих же братьев и освободителей и куют себе новые цепи, последовала дикая свистопляска реакции.

Как непосредственно вслед за подавлением революции 1905 г., так и в «столыпинские» дни 1907—1908 г.г., над Россией пронеслась какая-то дикая оргия расправ победивших с побежденными. Это были годы кошмарных карательных экспедиций, годы виселиц и расстрелов, часто без суда или по приговорам «военно-полевых судов», годы позорных еврейских погромов, годы расцвета провокаторства, годы издевательств над остатками разбитых тогда русских революционеров. И вместе с тем это—годы тяжелой общественной реакции, годы ликвидаторства. В эти годы многие потеряли веру в возможность победы революции, многие изменили ей...

Вот это-то время и послужило для Демьяна Бедного лучшей школой. В эти годы он «прозрел» и стал в одни ряды с теми немногими, которые веры не потеряли, а трезво и прямо смотря вперед, под руководством В. И. Ленина, исподволь собирали свои силы и готовились к новой революционной борьбе, чтобы через 10 лет победить в ней.

Но, конечно, не одним прыжком мог преодолеть Е. А. Придворов дистанцию, разделяющую княжеский салон от подпольного большевизма. Надо было все же проделать некоторый путь. И, действительно, мы видим, как в 1908, 1909 и 1910 г.г. Е. А. Придворов, порвав былые связи, перекочевывает сначала

в лагерь левой радикальной интеллигенции. Об этом он сам вспоминал впоследствии в упомянутом уже стихотворении «Горькая правда»:

В эти переходные годы Д. Бедный впервые выступает и в печати, уже как сложившийся поэт, за подписью *Е. Придворов*. Первые его стихотворения появились в народническом журнале «Русское Богатство»,¹ с одним из редакторов которого, П. Мельшиным-Якубовичем, Д. Бедный тогда был близок, и лишь через два года Д. Бедный перешел в полуподпольные большевистские газеты.

С тревогой жуткою привык встречать я день
Под гнетом черного кошмара,—

Я знаю: принесет мне утро бюллетень
О тех, над кем свершилась кара,
О тех, к кому была безжалостна судьба,
Чей рано пробил час урочный,
Кто дар последний взял от жизни—два столба,
Вверху скрепленных плахой прочной.
Чем ближе ночь к концу, тем громче сердца стук...
Рыдает совесть, негодуя...
Виденья страшные терзают сердце мне
И мозг отравленный мой сушат,
Бессильно бьется мысль... Мне душно... Я в огне...
Спасите! В этот час в родной моей стране
Кого-то где-то злобно душат!

Кому-то не раскрыть безжизненных очей:
Остывший в петле пред рассветом,
Уж не проснется он и утренних лучей
Не встретит радостным приветом!..
(1908-г., цикл «Песни прошлого»)

В те годы многие не могли читать газет. Каждая из них неминуемо приносила вести о новых и новых казнях; призраки повешенных, казалось, смотрели с газетных столбцов. Это настроение Д. Бедный выразил в стихотворении «Сынок», в котором рассказывает, как газеты читает... ребенок.

Он, тыча пальчиком в строку,
Лепечет: «Лодзь, Москва, Одесса,
Валсав, Хальков, Томск, Баку»...
И, сделав личико презлое,
Нахмурясь, счет ведет опять:
«В Москве — цетыле, в Вильне — тлое,
В Валсаве — восемь, в Лодзи — пять»...
Смеется в цифрах Призрак Красный,
Немые знаки говорят!
И все растет, растет ужасный
Кровавый ряд! Кровавый ряд!
«Волонез — двое, тли — Целкасы,
Сувалки — восемь, пять — Батум»...
(1908, цикл «Песни прошлого»)

Не менее сильно выражено это настроение и в стихотворении «Под новый год» (1908), явно напоминающем знаменитые обличительные строки Лермонтова:

И минул год, еще один проклятый год,
Из трупов грозную воздвигший пирамиду...
В глухой тревоге мы с тоской глядим вперед,
Тая трусливую обиду.
И негодуем мы, и мстить даем зарок,
Порывом подвижны и вялым, и бесплодным...
А со страниц газет, сквозь траур ровных строк,
На нас глядит, смеясь зловещим смехом, Рок
И дышит ужасом холодным.

Но особенно интересны стихотворения, в которых Д. Бедный, всегда чувствовавший свои кровные связи с деревней, писал о деревенском быте того времени. Вот, напр., характерное «Письмо из деревни» (1908). В нем поэт передает различные «деревенские новости», подобно тому, как это в свое время делал Некрасов:

К Арине тож пришла беда, к старушке древней:
В губернии, в тюрьме — повешен внук.
Душевный парень был, охочий до наук, —
Книжонку сам прочтет, нам после растолкует.
В понятие нас привел. Бывало все тоскует
О доле нашей...

В другом стихотворении — «Праздник» (1910), говорится, как у дедушки Макара упекли под суд сына Емелю — «за уча-

стие в крамоле». В деревне боялись, как бы парень не угодил под расстрел, но вот на праздник «из столицы получилась эстафета»—с «доброй вестью»:

Емельян-от... не расстрелян...
А... повешен!..

Не удивительно, что под такими впечатлениями молодой поэт, не нашедший себе еще опоры в большевистском мирозерцании, говорил:

Братья, песнь моя повита злой печалью,
Братья, голос мой — души скорбящей стон...
(«Тщетно рвется мысль из рокового круга», 1911)

Не удивительно, что иногда он доходил до крайних пределов отчаяния:

Порой мне кажется,—писал он,—что я схожу с ума.
Что разорвется грудь от непосильной муки.
Томлюсь в тоске, ломаю гневно руки,
Скорблю, но скорбь моя—нема!
Ты хочешь закричать:—«Довольно же, довольно!
Остановитесь же, злодеи, палачи!»
Но кто-то горло сжал тебе и давит больно:
— «Молчи!»
(«Молчи!» 1911)

Однако, характерно, что даже среди таких настроений, когда поэт с отчаяньем восклицал:

Я,—обессиленный, измученный,
Бросаю в бешенстве перо!—
(«Бывает час: тоска щемлящая...» 1910),—

у него звучали иногда бодрые ноты надежды на неминуемую ликвидацию окружающего кошмара реакции и веры в возмездие.

Я жду,—говорит он в стихотворении «Сонет» (1911),—
когда, как приговор судьбы,
Как вешний гром,—торжественный и гневный,
В возмездья час, в час роковой борьбы,
Над родиной истерзанной и бедной
Раскатится набата голос медный.

Упоминавшееся уже стихотворение «Сынок» поэт заканчивает бодрою верою в грядущее возмездие: отцу чудится, что его сынок, «как подрастет», то «затрубит в призывный рог», и на его призыв «сберется полк несметный богатырей, таких, как он», которые—свой «поставят приговор».

События пошли быстрее, чем мог мечтать в те кошмарные годы молодой поэт-одиночка. Не детям нашим, а нам самим, нашему поколению, довелось быть и воинами, и мстителями, и строителями революции... Но уже самая возможность этих бодрых надежд в годы ликвидаторских настроений и всеобщей растерянности крайне характерна для Д. Бедного и говорит о здоровом инстинкте, заложенном самым его происхождением из трудовых слоев.

Этот инстинкт весьма скоро вывел его на правильную дорогу, найдя которую, Д. Бедный сразу освободился от пессимизма, растерянности и отчаяния и стал бодрым бойцом в рядах уверенного в своих силах пролетариата.

Но прежде, чем перейти в этому второму, уже большевистскому периоду творчества Д. Бедного, надо упомянуть об одном стихотворении, написанном еще в 1909 г. и резко выделяющемся из всех других ранних стихов Демьяна. Это стихотворение, называвшееся *«О Демьяне Бедном, мужике вредном»* (отсюда пошел и псевдоним Е. А. Придворова), складом своим напоминает позднейшие произведения Д. Бедного. А рассказывалось в стихотворении о том, как мужик Демьян говорил на сходе такие речи:

«Мол, не возьмем—само не свалится,—
Один конец, мол, для крестьян.
Над мужиками чорт ли сжалится...»

И поэт ему подговаривал: «Так, так, Демьян»!..

В результате Демьяновых речей, в деревню, где эти речи произносились, конечно, приехал становой:

Сам становой примчал в Неелово,
Рвал и метал:—«Где? Кто смутьян?
Сгною... Сведу со света белого!»
Ох, брат-Демьян!

— «Мутить народ? Вперед закается!..
Связать его! Отправить в стан!..
Узнаешь там, что подлагается!
Ась, брат-Демьян?»

Стал барин чваниться, куражиться:
— «Мужик! Хамье! Злодей! Буян!»
Буян?.. Аль, не стерпеть, отважиться?
Ну-ж, брат-Демьян!..

Последние слова—почти явный призыв к восстанию... Конечно, стихотворений такого рода нельзя было печатать в тогдашней легальной печати...

Демьян Бедный — большевик-подпольщик. Годы перед революцией (1911—1917)

Время растерянности и молодущия скоро прошло. Разбитый в схватке с царизмом, рабочий класс стал поднимать голову и собирать силы. Влияние заграничной, *ленинской*, группы с.-д. большевиков росло; ликвидаторы и «хвостисты» все более и более теряли кредит в рабочих районах. Развивалась большевистская подпольная работа, на ряду с которой наша партия (тогда формально лишь — фракция) пользовалась и всеми легальными возможностями для выявления требований пролетариата и для агитации среди рабочих.

Одной из наиболее крупных побед, одержанных пролетариатом в царской России, было создание большевистской периодической печати.

Под угрозой постоянных конфискаций, арестов, штрафов создаются наши первые подлинно-рабочие «легальные» газеты — «Звезда» и «Правда». ¹ Постоянно вынужденные из легальных превращаться в нелегальные, менять названия, редакторов, приостанавливаться и терпеть всяческие ущемления, наши газеты все же всеми «правдами и неправдами» существуют на протяжении трех с половиной лет, с конца 1910 г. до начала войны, когда они были окончательно закрыты, чтобы возродиться в 1917 году, в революционной России.

В эти годы Д. Бедный уже нашел свою дорогу. Он быстро становится одним из главных и крупнейших деятелей большевистской печати. На него обращает внимание и критика. Перед ним любезно открывают двери редакции лучших наших «толстых» журналов. ² Нечего и говорить, что среди читателей-рабочих Д. Бедный сразу завоевал огромные симпатии и стал своего рода «рекламой». Так как наши газеты вынуждены были постоянно

¹ Первый № «Звезды» (еженедельной газеты) вышел 16 декабря, ст. стиля, 1910 г.; первый № «Правды» — 22 апреля, ст. стиля, 1912 г.

² Заправила тогдашних левых толстых журналов, например, В. Л. Львов-Рогачевский, Евг. Ляцкий, наперерыв приглашали Демьяна Бедного к себе и даже чуть ли не ссорились из-за него. Впоследствии некоторые из его тогдашних поклонников переменили о нем свое мнение, увидав его в другом партийном лагере.

изменять названия¹ и официальных редакторов, то читателям трудно было иногда с первого взгляда определить, «их» ли это газета. Но если рабочий видел на первой странице басню Д. Бедного, он смело покупал газету: раз Д. Бедный пишет, стало быть газета «наша».

Этот период в жизни и творчестве Демьяна можно назвать с полным правом «подпольным». Газеты постоянно подвергались конфискациям², многие стихотворения Демьяна Бедного зачеркивались цензурой. Во время войны он почти совсем вынужден был «замолчать». Как в былые пушкинские времена, когда революционные стихи «в печати не бывали», басни Д. Бедного распространялись в переписанном виде, заучивались наизусть и проникали в самые глухие рабочие уголки, — усиленно будили мысль, организовали классовое сознание.

Как пришел Д. Бедный к большевизму и каким образом оказался одним из главных работников нашей партийной печати, он и сам хорошенько не знает. Как-то вышло это само собою. Жизнь так воздействовала на него, что в конце 1910 г. или в начале 1911 г. он стихийно потянулся к большевистской печати. Любопытные подробности о первых шагах Д. Бедного в качестве сотрудника большевистских газет передает тов. Н. Полетаев.

«Однажды в редакцию («Звезды» — Н. Ф.), — пишет он, — зашла женщина, как оказалось, жена поэта, и, обращаясь ко мне, спросила, будет ли напечатан материал, присланный в редакцию Придворовым. Я порылся в папке рукописей, присланных в редакцию, нашел там два стихотворения, подписанных Придворовым: «Праздник» и «Сынок»; вижу — вот тот материал, который необходим для газеты. Я ответил, что стихотворения пойдут в следующем номере, решив про себя, что с такими стихотворениями есть расчет пустить номер даже на конфискацию». После напечатания этих двух стихотворений автор их зашел в редакцию и познакомился с нами...»³

Демьян быстро стал «своим». И если в «Звезду» он пришел, еще как незнакомец, неуверенный, примут ли его, напечатают

¹ Так, «Правда» за два с небольшим года своего существования *более* раз должна была «переименовываться»: кроме основного, она имела еще семь следующих названий: «Рабочая Правда», «Северная Правда», «Правда Труда», «За Правду», «Пролетарская Правда», «Путь к Правде» и «Передовая Правда».

² Напр., из 565 №№ «Правды», выпущенных за два года с начала ее существования, 134 №№ были конфискованы; из 17 №№ «Рабочей Правды» конфисковано было 14 №№, т.е. почти все... Кроме конфискации, дожимали штрафы. За те же два года «Правда» штрафовалась 31 раз, всего на сумму 14.450 р. с заменой арестом на 87 месяцев, и, сверх того, редакторы были подвергнуты еще аресту на 9 месяцев без замены штрафом; так что за два года редактирования редакторам пришлось отсидеть 96 месяцев, т.е. *ровно 8 лет!*

³ Впоследствии не раз именно за стихи Д. Бедного газеты конфисковались, штрафовались, а подставным редакторам приходилось отсиживаться. Но редакция сознательно шла на это — так ценно было провести в массы демьяновским языком сказанное ленинское слово.

⁴ Н. Полетаев — «Как родилась «Звезда» и «Правда». — «Правда», 1925 г., № от 5 мая.

ли его стихи или бросят их в редакционную корзину, то в создании «Правды» он уже сам принимает деятельное и активное участие.

«Для Демьяна, как и для других участников, было большим торжеством присутствовать при рождении, т.-е. при выпуске № 1, «Правды»,—рассказывает т. К. Еремеев.—Когда, после тщательной приправки, из машины стали вылетать уже «настоящие» номера газеты, Демьян Бедный, стоя около счетчика машины, так был поглощен радостным зрелищем, что не заметил, как, нагибаясь к счетчику, он обмакивал полу своего нового «первого в жизни» пальто в ведерко с типографской краской, стоявшее на полу у машины.

Он тогда кончал университет, а машина рабочей газеты обмакивала его в типографскую краску, во имя большевиков, во имя рабочих, во имя крестьян, крестила его быть певцом пролетарской борьбы отныне и до скончания жизни». ¹

Это «крещение» в типографской краске, которой печатался первый номер нашей «Правды», явилось, действительно, прекрасным символом.

Любовно вспомнил об этом эпизоде недавно и сам Д. Бедный в стихотворении «О самом близком»:

Во дни оны,—пишет он,—
Когда буржуазных газет выходили миллионы,
Выдался счастливый, счастливый вечерок:
Верстали мы „Правды“ первый номерок...
Смотрел я на „Правду“ с такой нежной лаской,
Что не заметил, как присел на ведро
С типографской краской...
А товарищам потеха,
Валятся от смеха:
— «Ай, пола-то, пола какова!
Не горюй, голова!
Это — так называемое
Пятно несмываемое,
Большевицкая, значит, печать,
Чтоб сразу тебя отличать».
Товарищи были пророки:
Прошли немалые сроки,
Я нередко в почетном углу сажуся
На советском празднике том или ином,
Но ничем я так не горжуся,
Как моим большевицким, правдивым пятном...

Скоро обратил внимание на Д. Бедного и сам В. И. Ленин: 7-го апреля 1912 г. из парижской ленинской группы, выражая, несомненно, мысли самого Владимира Ильича, писали в редакцию «Правды»:

«Кто это у вас Дем. Бедный,—очень талантливо пишет. Не может ли на ликвидаторов басню написать? Хорошо бы». ²

¹ К. Еремеев—«Демьян Бедный—боец революции». Собр. соч. Демьяна Бедного, Изд. «Крокодил», стр. XXVIII—XXIX.

² Из эпохи «Звезды» и «Правды». 1911 — 1914. Выпуск III. М.—П., 1923, стр. 183. Цитируя эти слова, Л. Сосновский (вводная статья к I т. «Полного собр. соч. Д. Бедного», стр. XXII) приписывает их прямо В. И. Ленину. Но письмо написано, повидимому, не Лениным, т. к. в нем

Около этого времени началось и знакомство Д. Бедного с В. И. Лениным, пока, конечно, лишь заочное. Демьян Бедный относился к Ленину, разумеется, с огромным уважением и доверием, даже жаловался ему на редакцию «Правды», когда там пошли некоторые нелады в связи с проникновением туда провокатора Черномазова. Был такой печальный момент, когда Демьян чуть было не ушел из состава сотрудников «Правды». Защиту он нашел во Владимире Ильиче.

«Необходимо привлечь Демьяна.—писали из ленинского кружка в редакцию от 13 февраля 1913 г.—Нужно для газеты талантливый юмориста. Он писал сюда очень дружественное письмо. Он хочет работать у вас, но его отталкивали. Он говорит, что не гонится за большими деньгами»...¹

Отношения были налажены. Демьян Бедный стал профессионалом-писателем и партийным работником. Любопытно, что, будучи постоянно на виду у полиции, постоянно окруженный роем шпионов («даже на кухню,—вспоминает Е. А.,—приходили—попросить напиться»), Д. Бедный благополучно избежал знакомства с царскими тюрьмами. В этом была своего рода политика. Подвергая всяким репрессиям рабочую печать, царское правительство, в то же время, повидимому, сознательно до поры до времени ее терпело, так как это давало ему возможность легче учитывать настроения пролетариата и выслеживать его вождей. Поэтому те несколько человек, без которых выход «Правды» был бы невозможен, как раз и оставались на свободе.

Обращаясь к творчеству Д. Бедного за этот период, прежде всего видим, что он пишет почти исключительно басни. Форма басни оказывается наиболее удобной, чтобы, иносказательно, «эзоповским языком», говоря о вещах как будто совершенно «невинных» и к политике никакого отношения не имеющих, вести большевистскую агитацию.

Некоторые критики² считают, что басни — самое лучшее из всего, что писал Демьян. В значительной степени это суждение имеет свое основание.

Отзываясь на всё, что тогда волновало передовые пролетарские круги и широкие, еще не пробудившиеся к полной сознательности, рабочие массы, басни Демьяна столь ярки, столь остроумны,

есть строки, в которых говорится о Владимире Ильиче в третьем лице: «Кстати еще: помните, В. И. говорил вам об одной необходимой кандидатуре по СПб и пр...» В предисловии к письмам сказано: «Ряд публикуемых нами писем носит, так сказать, коллективный характер. Основное письмо писалось Надеждой Константиновной, затем шли приписочки Владимира Ильича, Г. Е. Зиновьева, иногда Л. Б. Каменева. Ряд писем Надежды Константиновны являются не ее индивидуальными, а написаны ее почерком при участии или под диктовку Владимира Ильича и др.»

¹ Там же: стр. 100

² Напр., А. К. Воронский — «Красная Новь», 1924, кн. 6, стр. 317

так насыщены меткими народными выражениями, что и сейчас, перечитывая их, испытываешь большое художественное наслаждение, хотя жизнь, на которую они откликались, давно уже отошла в прошлое, и многие лица и события, вызвавшие их, настолько сейчас забылись, что без специальных комментариев вся острота некоторых басен современному читателю уже не понятна.

Подражая, в общем, крыловской манере, Демьян Бедный является не рабом-подражателем, а вполне достойным учеником, наследником и продолжателем великого баснописца. Смелой и опытной рукой художника он набрасывает яркие картины современности, освещает новые отношения, вводит новые образы.

Деревня и город сменяют друг друга к басням Демьяна Бедного. Порою попадаются поистине художественные картины, в которых виден тонкий знаток быта. Вот, напр., колоритная сценка деревенской жизни:

Савраска стал, разок-другой вздохнул,
Упал и протянул
Худые ноги
Среди дороги.
Хозяин поскорей разматывать супонь,
Дышать коню в ноздрю то в ту, то в эту.
Не помогло. Ревет мужик, не взвидя свету.
Еще бы не реветь! Был у Мирона конь
И—нету!

(«Конь и хозяин»)

А вот картинка провинциального города:

Какой-то правый депутат
В губернский городок приехал на гастроли —
Не для погрома, нет, совсем в особой роли:
Читать предвыборный доклад.
Весь город потонул в афишах:
Афиши на столбах, заборах, фонарях,
Афиши на ларях,
На будках, на домах и чуть ли не на крышах.

(«Гастролер»)

Или вот еще такое, немыслимое в крыловские времена, окончание одной из басен:

Тут старый граммофон закашлял, захрипел,
И, в чорный свой кружок уставивши шпенечек,
Уж так-то жалостно запел:
«По-о-следний но-о-неш-ний дене-е-чек...»

(«Иные времена»)

Вновь оживают и становятся под пером Демьяна Бедного вполне современными все типичные басенные животные. Тут и правитель-медведь, и его прислужница—лиса, и голодное зверье, которое устрашает Мишку своим дружным воем («Азбука», «Голь»), и волк — рыболов («Рыболовы»), душегуб («Аппетитное вранье») или «премьер-министр» («Опекун»), порою попадающийся впросак («Волк-правитель»), и зубастая шука-начальство с ее

приспешниками — судаком, налимом («*Ерши и Вьюны*»); тут и свинья, думающая лишь «насчет помой» («*Всякому свое*») и желающая, чтобы ее «не гнали-б только от корыта» («*Умница*»), иногда, впрочем, носящая и генеральский чин («*Свинья*»), и прочие звери-аристократы. С другой стороны, в качестве угнетаемых мы находим — карася («*Рыболовы*»), щенка («*Аппетитное вранье*»), кур и овец («*Опекун*»), цыплят («*Свинья*»). Честными тружениками выступают муравьи («*Муравьи*»), собаки («*Умница*»), особенно — лошади («*Всякому свое*», «*Пробуждение*», «*Пес*»). Попадают и характерные фигуры предателей, провокаторов («*Пес*», «*Выродок*»). — в виде жеребчика или щенка.

Кроме животных, Демьян Бедный выводит часто неодушевленные предметы: у него разговаривают шпага с топором («*Когда наступит срок*»), сапог с лаптем («*Лапоть и Сапог*»), кларнет с пастушечьим рожком («*Кларнет и Рожок*»), бочонок, банка с огурцами, пивная кружка и граммофон («*Дные времена*»), ухват, горшки, заслонка, солонка — с мужичкой деревянной ложкой, кончающей от горькой доли жизнь самоубийством («*Ложка*»), и т. д.

Как и у Крылова, у Демьяна Бедного часто действуют в баснях не животные, а люди, изображаемые обычно в положении угнетателей и угнетаемых, кулаков и бедняков, хозяев и рабочих. Перед нами проходят колоритные фигуры какого-нибудь Прова Кузьмича («*Опека*», «*Бедя*»), или Пантелея Ильича («*Свеча*»), или Корнея Гордеича Дерунова («*Дерунов 1001-й*», цикл из 6-ти басен), по яркости изображения не уступающие персонажам Островского или Глеба Успенского.¹

С большим мастерством выступает Д. Бедный и в качестве переводчика басен и дает замечательный цикл знаменитых «басен Эзопа». Переведенные почти слово в слово с греческого подлинника, они, тем не менее, оказались столь «современными», что цензура никак не хотела их пропускать и на все доводы отвечала: «Знаем мы этого вашего Эзопа».

¹ Будучи изданы в 1913 г. отдельной книжкой, басни Д. Бедного вызвали восторженное отношение к себе некоторых критиков. Так Г. Зарницын в газете «Утро Юга» (1913, № 83) писал: «Новый талант! Новое замечательное приобретение литературы. Не просто — «подающий надежды», каких теперь много, а — действительное и прочное достояние искусства». Полагая, что Д. Бедный является *четвертым* баснописцем, после знаменитых трех во всей мировой литературе (Эзопа, Лафонтена и Крылова), критик восхищается языком басен Д. Бедного и, приводя ряд цитат, заключает: «Естественность разговорной речи здесь прямо поразительная» и сулит молодому и неизвестному тогда поэту блестящую будущность». Другой критик — Мирецкий («Донская Жизнь», 1913 г. №№ 110 и 112), начинает свою статью словами: «Наконец-то у дедушки Крылова нашелся внук». «Творчество Демьяна Бедного, — говорит далее критик, — это — изумительно отточенный многогранный клинок пролетарской сознательной мысли». Сочувственную заметку посвятил «Басням» Д. Бедного и Л. Войтовский («Киевская Мысль», 1913, № 103), также В. Д. Бонч-Бруевич (харьковская газета «Утро») и ряд других критиков.

По содержанию басни Д. Бедного чрезвычайно разнообразны, но тем не менее можно выделить несколько основных мотивов.

Главную твердыню, против которой тогда важнее всего было направлять стрелы — *царско-полицейскую систему управления*, приходилось штурмовать особенно осторожно и особо иносказательно. Царскую Россию в целом Д. Бедному приходилось изображать, напр., под видом... Монголии, — страны, в которой правит самодержавный деспот:

От юных лет сей князь гневлив и зверски лют
И с тяжелой строгостью своей страною правит,—
Тесня поборами покорный чорный люд,
Строптивцев без суда и давит он и травит,
Служа соседям образцом
По части крайних мер и всяких обузданий...¹

рассказывает Демьян и далее описывает ряд ужасных казней и мучений, которые придумывает князь Бадан для своих врагов («Монголия»).

Еще более иносказательно изображается царская Россия в басне «Дом» — под видом огромного, несуразного, вот-вот готового рухнуть дома, который всемерно эксплуатируется хозяином. Чтобы «отвести глаза», Д. Бедный приводит даже выписку из газеты (да еще из «Нового Времени») о том, как обвалился шестиэтажный дом, построенный из старого кирпича, но смысл ее был ясен. В написанном в 1920 г. послесловии Демьян лишь поставил «точку над и»:

«Дом» — сами знаете, стряслась над ним беда,—
«Хозяин» и «жильцы» из благородной кости
Махнули кто куда—
По большей части — к чорту в гости...

Попытки правительства кое-как подлечить готовый рухнуть «дом» и усыпить общественное мнение обещаниями всякого рода свобод вызвали у Демьяна язвительные слова о «свободе... с опечаткой» («Опечатка»), о «копеечном огарке» и о «куцей конституции». Особый успех имела в свое время басня «Свеча».

Купчина во время бури на Волге, опасаясь несчастья, взмолился богу и обещал поставить свечку величиною в... мачту, чем привел в недоумение простодушного приказчика:

— «Ты это что ж, Ильич? Про мачту-то... всуерьез?
Да где же ты свечу такую раздобудешь?»
— «Молчи, дурак, — умнее будешь!» —
Хозяин отвечал сквозь слез:
Дай только вымолить скорей у неба жалость,
Чтоб я с моим добром остался невредим,—
А там насчет свечи мы после... поглядим...
Укоротим, пожалуй, малость!»

¹ В целях сокращения цитаты, я позволил себе несколько изменить здесь пунктуацию.

Намек на невыполнение царским правительством манифеста 17 октября был слишком ясен.¹

Остроумно высмеивал Д. Бедный и всю тогдашнюю *административную систему*, начиная от министров (басни: «*Натуралист*» — на мин. внут. дел Хвостова, «*Верная примета*» — на другого мин. внут. дел — Н. Маклакова, брата известного в то время кадетского депутата), губернаторов («*Сезонное*»), до мелких сошек — городских, дворников («*Администратор*»).² Отзывался Д. Бедный и на все более или менее крупные *политические события* того времени — от Ленского расстрела рабочих³, до — Балканской войны. Группу метко бьющих в цель стихотворений написал он по поводу «щегловитовского» правосудия,⁴ особенно в связи с нашумевшим тогда скандальным процессом ни в чем не повинного еврея Бейлиса, обвинявшегося в фантастическом преступлении — «умучивании христианского ребенка» Ющинского, который, как выяснилось на суде, принадлежал к бандитской шайке и был прикончен «своими» («*Аппетитное вранье*», «*Чорное дело*», «*Убийца*», «*Разная мера*», «*Веста*», «*Портрет*» и др.).

Много внимания уделял Д. Бедный *государственной думе и политическим партиям*. Дума в целом изображена им в язвительной басне «*Притон*». Становой перепорол мужиков по «ошибке». Мужички послали ходока Афоню с жалобой в думу, но тот толку не добился и приехал с печальными вестями, что от думы защиты ждать нечего, так как порка мужиков до крови считается там в порядке вещей, — «что, дескать, было так и будет повсегда». Услыхав такой ответ, мужики набросились на своего ходока, решив, что он был не в настоящей думе, а в «разбойничьем притоне».

Очень остроумны и басни, высмеивающие отдельных депутатов: В. Маклакова, который в думе распинался «за народ», а в качестве адвоката брался, — за огромные гонорары, конечно, — защищать отъявленных мошенников («*Маклацкий*»); Родичева,

¹ Редактор, напечатавший эту басню, получил год крепости. На суде царский прокурор с возмущением раскрывал судьям зловредность басни: «Ведь под свечой с мачту автор подразумевал высочайший манифест от 17 октября 1905 года! Ведь он приписывает монарху заведомо обманные действия!» Судьи согласились с прокурором... (Л. Сосновский, примеч. к I т. Собр. соч. Д. Бедного, стр. 305).

² К сожалению, эти, часто прелестные, басни, как уже было отмечено, современному читателю непонятны во всей своей соли. Требуются обширные комментарии, чтобы стал вполне ясен их скрытый смысл. Но в то время, когда они писались, все полунамекы легко угадывались, и басни имели колоссальный успех и незаменимое агитационное значение.

³ Сильное стихотворение «*Лена*», оканчивавшееся строками:

— О, братья! Проклят, проклят будет,
Кто этот страшный день забудет,
Кто эту кровь врагу простит!..

⁴ Щегловитов — царский министр юстиции, один из самых крайних реакционеров и черносотенников, жестокий душитель рабочего класса, вытравивший из судов последние остатки справедливости и гуманности.

доказывавшего на своих лекциях о Герцене, что великий эмигрант был предшественником «кадетов» (одна из лучших басен— «*Кукушка*»); правого депутата Замысловского («*Гастролер*»), самого председателя думы Родзянко—под видом паши Али-Родзя («*Evet effendim*»), и др.

Из политических партий от Демьяна доставалось и «союзникам», этим царским фашистам («*Союзники*», «*Правда*», «*Умница*» и др.), и партиям либеральной буржуазии (прогрессистам, кадетам), но особенно—ликвидаторам и соглашателям-меньшевикам, с которыми в то время вела неустанную борьбу большевистская печать. Такова басня «*Кашевары*», с нравоучением:

Ох, ликвидаторы! Что долго говорить!
Нам с вами каши не варить!—

такова остроумная басня «*Рыболовы*», в которой рассказывается, как волк с лисицей вместе удили рыбку и, увидев в воде карася, стали каждый его уговаривать клянуть свою приманку. Демьян же в нравоучение советует карасю:

Карасик! Что тебе лукавый «рыболов»?!
Не слушая его коварно-лестливых слов,
Себе, а не врагу в угоду,
Нырни поглубже в воду!—

ясный намек на необходимость рабочим уйти в подпольные большевистские организации. Ликвидаторам-меньшевикам посвящены также басни: «*Паук, муха и пчела*», «*Честь*», «*Ерши и вьюны*» и нек. др.

Но едва ли не самой существенной группой являются басни, в которых Д. Бедный старался показать малосознательным рабочим *лицо их классового врага*—буржуазии, обрисовать *отношения между эксплуататорами и работающими на них пролетариями* и предостерегал от какого бы то ни было соглашения с хозяевами. Некоторые из этих басен принадлежат к числу лучших произведений Д. Бедного, достигая большой художественной изобразительности.

Вот перед нами «батрак Лука», который, к великому неудовольствию хозяина, захворал: у него рука—

Вся вздулась почернела.
— «Ты что же, чортов сын, слоняешься без дела
Из-за такого пустяка?»—

Хозяин. Пров Кузьмич, кричит на батрака.
Кричит, не ведая того, что подоспела
И на него беда:

к утру и сам хозяин—

Свалился на манер снопа.
Родные ошалели,
Бегут за знахаркой, зовут скорей попа.
У смертного одра сгрудилась толпа.
Бедняга Пров Кузьмич ревет, как зверь, от боли:
— «Ай, помереть бы, что ли!..»

Ай, братцы, силы нет!.. Ай, братцы, пропаду!..»

(«*Беда*»)

В чем же дело? Какая такая страшная болезнь у хозяина? Оказывается — «у Кузьмича сел чирей на зад!»...

Сопоставление болезней хозяина и работника и отношения к ним говорило само за себя. Л. Сосновский по поводу этой басни справедливо замечает, что в таком виде Д. Бедный преподносил своим читателям теорию Маркса и его учеников «о противоречиях классовых интересов буржуазии и пролетариата» (Вводная статья к I т. Собр. соч. Д. Бедного, стр. XVI).

В другой басне хозяин в благодарность рабочим за нажитое их трудами богатство дарит им «купчую на пятьдесят могил» («Благодетель»).

Когда рабочие проявляли хоть тень организованности, у хозяев начинало животики подводить от страха. В басне «Поют» Д. Бедный изображает ужас одного «буржуя» перед тем, что его рабочие стали... петь хором. Басня начинается очень живой и колоритной сценкой: жена пристаёт к «заводчику» с ласками, «как банный лист»:

«... Бесчувственный... буржуй, капиталист!
Фу, гадкий, гадкий...
Как есть, тюлень!
Ну, как не стыдно, целый день
Все у тебя в уме расчеты да раскладки!..
Хотя на часик их забудь.
Садись вот здесь... Вот так... Поговори со мною...
Ну, приласкай меня... Склонись ко мне на грудь...
Побудь,
Как муж с женою!...»

Но «буржую» не до жениных ласк:

— «Ох, матушка, не до того!..
Ты не заметила: рабочие... поют!
Поют с недавних пор, идя домой с работы.
Ох, эти песни мне покою не дают!
Попробовал певцов приструнить я поостроже,—
Так нет, спокойны все: ни криков, ни угроз.
Но стоит им запеть, как весь я настороже.
И слов не разберешь, а жутко... И по коже.
Поверишь ли... дерет мороз!

Для большей ясности Демьян присоединил еще также «нравовучение»:

Когда рабочий плачет,
Хозяин скачет,
Когда ж рабочий весел,
Хозяин нос повесил.

В другой басне купчина Дерунов видит страшный сон, от которого —

Ревет белугою:— „Ограбили!.. Разбой!..
У... воры... у... злодеи!..
Вишь... грамотей!..
Каки
Таки
Идеи?!»

Гордеич, почернев, сжимает кулаки...

Оказывается, ему снилось вот что:

— «Вхожу я это в лавку...

Иду к прилавку...

Приказчиков—ни-ни...

Где, думаю, они?

Зову. Молчок. Я в кладовую.

Ну, так и есть: все сбились в круговую —

Вот угадай ты—для чего?

Картишки? Пьянство? Ох, все б это ничего.

А тут—взобравшись на боченок,

Приказчиный журнал читает всем мальчонок.

Микитка... чортов куль... сопляк,

Что из деревни нам зимой привез земляк...

— «Товарищи»,—орет подлец:—«пора нам

Обречь лекарство нашим ранам!

Пора хозяйскую нам сбросить кабалу,

Губившую наш ум, калечившую тело!..

Объединяйтесь! Спасенья час приспел!..»

Ну, знамо дело,

Я дальше не стерпел.

Грудь сперло. Затряслись не то что жилы—кости!

Не разбуди меня ты во-время, от злости

Я б, верно, окошел!

(«Дерунов 1001-й», I, «Сон»)

Сон оказался «в руку»: вскоре один из самых преданных приказчиков заявил хозяину, что едет в Москву на приказчиный с'езд. Купчина в ужасе:

«В Москву—на с'езд!...» Убил! Зарезал! Доконал!..

На с'езде, дьяволы, затеют разговоры

Про наймы, договоры,

Про отдых, про еду... Найдется, что сказать!

Столкнутся сынки с отцами,

Сведут концы с концами.

Там долго ль круговой порукой всех связать?

Попробуй, сладь тогда с моими молодцами!

И выйдет у себя ты в лавке—не хитро ль?—

Сиди, как аглицкий король,

Не на манер расейский:

Законами тебя к стене-то поприпрут»...

(«С'езд»)

И опять не даром тревожился Дерунов: хотя с'езд и был разогнан полицией, но все же некоторые легальные способы охраны приказчиного труда оказались возможными. Закатил как-то купчина кое-кому из приказчиков «по храпу»,—думал, «воздействует», как бывало, ан нет:

Все—в крик. Кого-то там зовут по телефону.

Гляжу: каких-то два паршивца прут в лабаз:

— «За самодурство, мол, тово... мы по закону».—

— «Закон? Здесь я—закон!

Чего суетесь! Вон!»

Зову городского:

— «Бери вот этого, такого-растакого,

И этого!»—Так что ж?

Ну, прямо в сердце нож.

Городовой-то к ним. Они ему бумажку...

С печатями, как след... Из думы депутат!..
Городовой сейчас и руку под фуражку:
— «Не наше дело, грит, их право... виноват!»
Да, так-то брат...
«Не наше дело!» Чье же дело?
К паршивцам этим я опять (не так уж смело!):
— «Вам, собственно, чего-с?»
Как объяснили мне, так я повесил нос.
Выходит, молодцам защита от союза.
Как ежли у меня вновь... эта... кутерьма:
Обижу зря кого, аль хрясну там по роже,—
Союз меня—к суду, и... штраф или тюрьма!
Кузьмич! Ведь это—что же!?

(«Защита»)

Так пропагандировал Д. Бедный те слабые возможности защиты прав рабочих и служащих, которых в эпоху «куцей конституции» можно было достигнуть путем легальных и полулегальных мер и организаций. Но организованности среди рабочих масс в то время было так еще мало, что Д. Бедному постоянно приходилось напоминать о ней, пропагандировать *самую ее идею*.

Медведь-управитель пришолся зверям не по нраву. Поднялся крик:

— «Долой насильника!»
— «Долой!»—
Пронесся всюду общий вой.
«Товарищи, костями поляжем
За наше право!»
— «Все обяжем
Себя порукой круговой!»
— «В союзы!»
— «В единении сила!»

(«Азбука»)

Такой вой подняли звери, что медведь даже спать не может.

Зовет Медведь скорей Лису:
— «Кума! Скажи ты мне на милость,
Что это деется в лесу?..
Слышь? Воют! Был приказ—не выть?»
— «Был, Ваша Светлость,—как не быть!..
Да вольнодумство, что зараза:
Никто не слушает приказа..
Напрасно гневаться изволишь.
Кого молчать ты приневолишь?
Все злая голь, не будь ей ладу!
Попробуй, сунься усмирять.
Плевать ей на твою досаду.
Нет и не будет с нею сладу,
Ведь голи нечего терять!»

(«Голь»)

Можно сказать—опять пропаганда одного из догматов пролетарской борьбы: «рабочим нечего терять, кроме своих цепей, а завоюют они весь мир!»

Но Демьян еще прибавляет и «нравоучение» — для самых непонятливых:

Скажу пред тем, как ставить точку:
Глуп тот, кто воет в одиночку,
А умным надо брать скорей
Пример с моих лесных зверей.

Значению организованных выступлений посвящена и басня «*Щука и ерши*». Прослышав, что ерши хотят идти на щуку войной, она забеспокоилась — вдруг да нападет «целая колючая орда» — и строит всякие планы, чтобы обойти ершей, не дать им об'единиться.

У щуки сила есть (к чему самообман?), — заканчивает
Д. Бедный басню:
Опомнившись, она затеет новый план.
Ерши, вам надо ждать великой передраги.
Об'единяйтесь, миляги!

Призывая рабочих к об'единению и приветствуя его, Д. Бедный высмеивал всякие попытки *соглашательства* рабочих с хозяевами. Так, таганрогским приказчикам, которые заключили блок (соглашение) с хозяевами для проведения в думу кандидата «торгово-промышленного класса», Д. Бедный адресует язвительную басню «*Мудрецы*», заканчивающуюся словами:

Слыхали ль вы когда, ох горе-мудрецы,
Приказчики из Таганрога,
Чтоб сдуру мышь kota смешала с соловьем?!.
А вы...
Когда «отцы» почнут вас есть живьем,
Скажу по совести: туда вам и дорога!

Много басен посвятил Демьян и *рабочей печати* («*Звезда*», «*Газета*», «*Наш путь*», «*Всякому свое*» и пр.). В басне «*Муравьи*» он изображает тот энтузиазм, с которым рабочие-муравьи принялись за создание своей газеты, и ту радость, с какой они ее читали:

Кто не читает сам, те слушают чтеца.
— «Так!»
— «Правда!»
— «Истина!»
— «Смотри ж ты, как понятно!..»
Тот — крикнет, тот — вздохнет, тот — ахнет...
Что не осилил ум, то схвачено чутьем.
— «Вот... Сла те, господи! Дождались: муравьем
Газетка пахнет!»
— «Видать: орудуют свои»...

И Демьян Бедный призывает «муравьев» помогать материально газете, с которой случаются «чудеса: денек газета есть, а три дня — нету»...

В некоторых баснях Д. Бедный почти открыто призывал к борьбе с угнетателями:

Один за одного мы — в воду и в огонь!
Попробуй-ка нас тронь —
Мы повоюем! —

заканчивает он басню «*Лапоть и сапог*». В басне «*Кларнет и рожок*» кларнету, заносчиво хвлящемуся, что под его музыку танцуют порой графы и князья, плебейский рожок уверенно отвечает:

... нам графы не сродни.
Однаке, помяни:
Когда-нибудь они
Под музыку и под мою запляшут!..

а в стихотворении «*Превратности*» Д. Бедный затронул даже «коронованных особ», предсказывая им скорую перемену профессии и полагая, что близка пора, когда отставные королевы на улицах, «надрывая глотки»,

Начнут вопить: селедки! селедки!
За королевами ж, глядишь, и короли
В отрепьях, грязные, в пыли,
Нас мучить станут спозаранку,
Вертя под окнами разбитую шарманку.

Отметим еще ряд басен и стихотворений, в которых Д. Бедный высмеивает *буржуазную печать*, пытавшуюся опутать сознание рабочих («*Тереха*», «*Трезорова газета*», «*Газета-Копейка*» и пр.), и отдельных буржуазных писателей (И. Ясинского, Л. Андреева, Салтыкова-сына, В. Розанова), а также его мастерские сатиры на *либеральную интеллигенцию*, которая была широка на словах, на деле же при малейшем окрике пряталась в кусты и переменяла фронт, а потом опять хвасталась своею революционностью (напр., басня «*Бунтующие зайцы*»). Немало басен вызвано и просто отдельными фактами общественной жизни, часто газетными сообщениями.

Собственно *фабрично-заводскому быту* посвящено немного стихотворений. Таковы: «*Мастер*», «*Работница*», написанные на большую в то время тему о позорной зависимости рабочих, особенно молодых и красивых, от сластолюбивых мастеров и администраторов. В стих. «*Молоко*» затрагивается вопрос об отравлении рабочих недоброкачественными продуктами и о необходимости передачи организации врачебной помощи в руки самих рабочих. В имевшей огромный успех эпиграмме «*И там и тут*» Д. Бедный откликнулся на случай отравления рабочих на одной фабрике свинцом. В то же время как раз происходили рабочие демонстрации, сопровождавшиеся жертвами. И вот Демьян написал:

На фабрике—отрава,
На улице—расправа.
И там свинец, и тут свинец...
Один конец!¹

¹ Эпиграмма—небольшое, иногда всего в 4 строчки, язвительно-отточенное сатирическое стихотворение—процветала в пушкинскую эпоху, но потом была почти забыта. Возродив крыловскую басню, Д. Бедный сумел возродить и эпиграмму. От такой эпиграммы, как «*И там и тут*», думается, не отказался бы и сам Пушкин. Ср. еще остроумную эпиграмму «*Сын*»—на сына знаменитого писателя-сатирика Салтыкова-Щедрина.

Характерно еще стихотворение «Смех», намекающее на возможную расправу рабочих с неугодными администраторами:

Директор стал метать и рвать:
— «Псы! Хулиганы! Наплевать
На вашу стачку! Что мне стачка?!
Чай, это вам не «пятый» год!»—
Тут как зафыркал весь народ!
От смеха дрогнул весь завод,
А больше всех смеялась... тачка!

Не особенно часто обращается в эти годы Д. Бедный и к крестьянству. Но все же несколько ярких басен посвящены и деревне. Кроме упомянутых уже басен — «Конь и хозяин», «Притон», «Кларнет и Рожок», «Лапоть и Сапог» (последняя — по поводу выделения крестьян на хутора), можно отметить басню «Гипнотизер», в которой рассказывается о некоем помещике, обладавшем способностью усыплять крестьян, — но оказалось, что и под «гипнозом» мужик Емелька более всего думал о... земле. В басне «Правда» говорится о том, что мужика не обойдешь черносотенными сказками «на счет жида» и не отвлечешь от дум о «землице».

«Землица» — это был в то время главный вопрос для крестьянства. Как ее достать, очень хорошо знал Демьян, но говорить на эту тему открыто было почти невозможно. Приходилось ограничиваться отдаленными намеками. Так, в сказке «Клад», описав тяжолую судьбу мужика Ермилы, который, желая найти клад, идет к обирающей его знахарке, Демьян «жалеет» простака:

Жалко, братцы, мужика...
Уж такая-то досада,
Что не там он ищет клада,
А, ведь, клад-то под рукой,
Да какой!..¹

Очень остроумно изображена Д. Бедным классовая ненависть крестьянства к барам в басне «Кровное». Барчуки решили играть в войну и наняли крестьянских ребят «изображать враждебную рать». Ребята «увлеклись» и избили барчат. Вступились родители; «узнав, что их сынки ребятам заплатили, чтоб те их колотили», —

... «Ах, псы! ах, подлецы!
За медный грош убить готовы, супостаты!»

¹ Впоследствии Д. Бедный добавил к этой сказке такое «послесловие»:

После долгого ненастья
Дождлся, Ермил, ты счастья.
Не останься ж в дураках.
Клад теперь в твоих руках...
Крепко кладом дорожи,
Да в руках его держи.
Не поддайся мироеду,
Закрепить сумей победу...

— «Да рази ж,—издали ребятаушки кричат,—
Да рази ж чем мы виноваты?
Мы платы силою не брали у барчат:
Мы б их избили и без платы!»

Из других басен на деревенские темы можно назвать: «Венчание в деревне», «Правдолюб», «Хоровод», «Ложка», «Силуян», «Мокеев дар» и нек. др. Все они очень живо и верно изображают деревенскую жизнь, но все же, несомненно, в эти годы в центре внимания Д. Бедного был город, пролетариат, вопросы организации рабочего класса.

Удачную характеристику этого периода творчества Д. Бедного дает т. Сосновский:

«Основные идеи борющегося пролетариата элементарно просты и ясны,—говорит он.—Но проникновению их в головы масс мешают тысячи препятствий, воздвигнутых эксплуататорами. Учоные, жандармы, политики, попы, соглашатели, кабатчики, литераторы, педагоги, газетчики и прочие виды оружия господствующих классов—все закрывали от рабочего единственный путь, ведущий его к освобождению,—путь классовой организации и классовой борьбы.

Через их головы и туши надо было пробить дорогу к сознанию рабочих масс и запечатлеть в них нехитрые, казалось бы, истины. В чем они заключались?

Между буржуазией и пролетариатом бездонная пропасть классовых противоречий.

Господство буржуазии ведет рабочих к духовной и физической гибели.

Только непримиримая, беспощадная борьба до конца, до свержения буржуазии, выведет пролетариат из рабства. Без борьбы ничего сделать нельзя.

Для борьбы нужна не только железная воля к победе, но и сплоченная организация, проникнутая единой мыслью и несокрушимой солидарностью и дисциплиной бойцов.

Пролетариат в нашей стране является руководителем (гегемоном), ведущим за собой крестьянство.

Вот, примерно, самое главное. Из этого вытекали все очередные задачи, которые повседневно ставила перед рабочим классом партия большевиков. Текущая действительность давала достаточно материала для агитации и пропаганды. Мишени были перед глазами. Нужно было целиться и бить без промаха.

Против царизма.

Против эксплуататоров.

Против холопства и соглашательства.

Против глупых иллюзий, будто без борьбы завоевывается хоть крупица свободы.

Против интеллигентского пустословия и политического праздншатательства.

Против изменников и предателей.

Против попов в рясах и без ряс, дурманных народ (желтая пресса и т. п.).

За объединение пролетарских сил.

За классовую солидарность.

За непримиримую революционную борьбу до конца.

За разоблачение всех видов буржуазной лжи.

За рабочую печать.

За большевистскую партию.

Вот какова была программа деятельности. И то, что Ленин и его соратники говорили в статьях, прибегая к намекам и умолчаниям

чтобы обойти цензурные препятствия, то должен был поэт Демьян Бедный в яркой художественной форме пересказать, но так, чтобы любой неграмотный рабочий или батрак разжевал и проглотил всю большевистскую премудрость, даже и не подозревая, что это большевизм...

Если статьи Ленина взывали к разуму и логике мыслящего рабочего, если они вооружали его политическим классовым сознанием, если статьи Ленина политически разоружали буржуазию и ее лакеев, то стихи Демьяна Бедного находили доступ и к разуму и к чувству читателя. Он разоружал врага морально. Он делал его смешным. Он убивал его смехом...

Какие бы вопросы ни выдвигала практика пролетарской революционной борьбы, поэзия Демьяна Бедного нога в ногу с партийной агитацией и пропагандой шла по боевому пути... (Вступ. статья к I т. Собр. соч. Д. Бедного, стр. XV—XVI, XIX).

Когда разразилась империалистическая война, рабочие газеты были прихлопнуты, цензурные условия сделались невероятно строги и печататься Демьяну стало почти нигде—он делает попытки сотрудничать даже в детских журналах, за которыми цензура следила слабее. Немудрено, что некоторые из написанных им тогда произведений могли появиться в печати только после революции.

Сам Д. Бедный в 1914 же году был призван на войну в качестве военного фельдшера и пробыл около года в гвардии на западном фронте, но затем, по его словам, «прибегнул к легальному способу уклониться от военной службы» и благополучно «эвакуировался» в Петербург. На войну, на ее причины, на ее неизбежность, смысл и на неминуемость вслед за нею революционного взрыва у Д. Бедного, как коммуниста-ленинца, был, конечно, совершенно определенный и верный взгляд. Понятно, развивать его в своих произведениях он не мог. Но все же несколько басен с более или менее прозрачными намеками им было написано на «военные темы»; кое-что удалось и напечатать. Среди охватившего в то время нашу интеллигенцию, даже социалистические круги, военно-патриотического угара,—басни Д. Бедного, полные затаенного, но ясного протеста против войны, были очень заметным явлением и производили огромное впечатление.

Переводя знаменитые «эзоповские» басни, Д. Бедный старался брать из них те, которые могли быть отнесены к современным событиям. Надо было показать, что война—вовсе не «справедливая», оборонительная, освободительная и т. д., как расписывали ее буржуазные газеты, а империалистическая, грабительская; что капиталисты, посылая в огонь миллионы трудящихся, сами только обогащаются, что солдаты «неприятельской» армии—вовсе не враги, и т. д.,—показать все то, что сейчас нам ясно, как «дважды два—четыре», но что тогда было понятно лишь очень немногим. И вот Демьян прибегает к старому, испытанному средству басенного иносказания, чтобы хоть как-нибудь протащить ленинские идеи. Сущим кладом

для Демьяна являлась, напр., эзоповская басня «Брак богов», в которой говорилось, как «бог войны» взял себе в жены «богиню грабежа и гнусного бесчинства». Среди ужасных «подвигов» этой «богини грабежа» Д. Бедный отваживается приветствовать «мирный труд» (басня «Пушка и соха»). В басне «Дело хозяйское» Демьян, как бы предвидя будущее братание на фронте, изображает дружеский разговор двух лошадей, принадлежащих разным хозяевам:

— «Ну, как дела, товарищ милый?»
— «Да что! Скорее до могилы!»
Хозяин лютый у меня:
То не докормит, то отлупит»...
— «Ох, мой хозяин твоему,
Пожалуй, тоже не уступит!
Впрямь—не хозяин, а напасть!»
Ан в этот миг хозяин—шасть!
И ну стегать кнутом пегашку:
— «Ты с кем шептаться взял замашку?»
— «Как с кем? С товарищем!»—
— «Вот на!»
Да он Вавилы конь?»
— «Вавилы!»
— «Так у меня же, в бок те вилы,
Давно с Вавилою война!»

Л. Сосновский рассказывает о грандиозном впечатлении, которое производили эти басни. Один товарищ писал ему, как он по дороге на фронт купил на вокзале № журнала «Жизнь для всех».

«Самое название журнала показалось ему злой насмешкой. «Жизнь для всех», а приуготована смерть для всех. Купил же он книжку потому, что в оглавлении нашел знакомое и родное имя Демьяна Бедного. И как радостно,—пишет нам товарищ,—было прочесть маленькую басню «Дело хозяйское»... Товарищу не потребовалось никаких пояснений, чтобы понять, что речь идет о международной солидарности трудящихся, которой мешают воюющие чужими руками эксплуататоры. И, точно весть из какого-то далекого, светлого мира, воспринял он маленькую басню, сказавшую ему, что где-то, кто-то продолжает вести старую работу по сплочению трудящихся. Значит, не все изменили старому знамени!» (Вступительная статья ко II т. Собр. соч. Д. Бедного, стр. VII).

Публичное чтение басни «Пушка и соха» приводило в негодование начальство (там же, стр. VIII). Можно еще указать на басню «Товля пусей», остроумно высмеивающую доверчивых поляков, положившихся на широковещательный «манифест» главнокомандующего, обещавшего «автономию» Польше, на посвященные войне же басни «Птицы», «Феак» и нек. др.

Не забывал Демьян изображать и наживающуюся на военных подрядах буржуазию. Мы встречаемся со старым знакомым—Корнеем Гордеичем Деруновым, который теперь воспрянул:

Пришла война, с войной—подряды и поставки.
Купчина даром не зевал.
... Откуда что взялось:

Лес, фабрика, завод, товары—склад на складе!
Свои флотилии на Волге, на Неве...
Контора главная на Невском в Петрограде
И отделение в Москве.
Узнав все выходы и входы,
Приумножал купец свои доходы...

А когда проворовался, «поддевки паклею подбивши, вместо ваты, чтоб не распарились солдаты», то сумел улепетнуть от суда и, «с князем снюхавшись с каким-то или с графом, и тут отделался Гордеич только штрафом».

Д. Бедный был полон уверенности, что скоро всем «Гордеичам» и всем этим порядкам придет конец, и потому кончил басню довольно прозрачным намеком:

Живут Гордеичи! Их развелось—тьма!
В годину черную к добыче жирной трутни
Летят со всех сторон, восторженно гудя,
Но... правда вся о них немного погодя!

(«Торговый дом Карнея Дерунова», 1916)

Подобный же намек имеется и в одной из предыдущих басен этого цикла—о Дерунове. Рассказав, как ему приказчик поставил синяк под глазом и назвал это «задатком», Д. Бедный заканчивает басню так:

«За-да-ток!»... Матушка, что ж будет, ты скажи,
Когда настанут платежи?!

И смех с Гордеичем и горе.
Что будет—все увидим вскоре.

(«Задаток», 1914)

Не забывал Демьян атаковать и главного врага—царизм. В одной из лучших своих басен «Куры» (1914) он рассказал, как куры, позавидовав лягушкам, о которых еще с крыловских времен всем известно, что они выбрали себе в цари аиста, также задумали избрать царя и не нашли никого лучше... хорька. Отправили к нему посольство; хорек «произнес милостивую» речь, но потом стал обращаться с курами так, как хорьку и полагается... Оставшиеся в живых куры пошли «просить у неба чуда» к попу, который им, конечно, сказал: «нет власти, еще не от бога». Тогда куры пошли к мужику Вавиле; тот им и помог—свернул хорьку шею. Впрочем, на этот финал Демьян мог только намекнуть и лишь в 1918 г. сделал к этой басне пояснительную приписку. Написанная в 1916 г. сказка «Морока» не могла появиться в печати до революции. И не удивительно: в ней о царях говорилось следующим, довольно неуважительным, образом:

Нередко царь иной чинил такой грабеж
И измывался так над бедным черным людом,
Что становился он народу невтерпеж,
И делал он царя такого—чорту блюдом.
Но так как всякий царь всегда защитник чей?—
Известно—богачей,

То в случаях таких все богачи согласно
Вопили в ужасе, подняв переполох,
Что, как-де царь ни плох,
Но вовсе без царя беда как быть опасно,
Что царству надобен порядок, то да се...
Глядь, не успел еще народ в суть дела вникнуть.
Как уж ему нельзя и пикнуть.
Пропало все!
В порфире царской и в короне
Вновь чучело сидит какое-то на троне...

В дальнейшем излагается довольно любопытный сон царя, который, впрочем, заканчивается несколько неопределенно. Туманными намеками приходилось заканчивать Демьяну и другие свои сказки—«Диво дивное», «Широк да блин». Не мог объяснить Демьян и в сказке «Усы да борода», в чей именно портрет плевал дедушка Филат:

У деда был такой обычай постоянный:
К портрету подойдет и—тьфу ему в глаза!
— «Тьфу, разрази тебя гроза!
Тьфу, сатана ты окаянный!»

И только после революции Демьян опять мог дать дополнительное раз'яснение:

Всю правду говорить—обычай пролетарский.
Так потому скажу—какой уж тут секрет?—
Что дедушка Филат так заплевал портрет—
Чей?—Ну, известно, царский!..

Но скоро в иносказаниях, умолчаниях и «эзоповском языке» уже не было нужды. Пришла очистительная гроза 1917 года. И творчество Д. Бедного приняло сразу совсем иное направление.

На пути к победе пролетариата

«Знаю я, что путь мой—верный путь»...

(«Я б хотел»...)

С победой революции Д. Бедный стал, по выражению т. Сосновского, ее «певцом-барабанщиком». Это верно, но только отчасти. Конечно, Демьян не мог не отразить своего восторга при виде гибели старого, столь ненавистного ему строя; конечно, не мог не выразить столь понятной радости победы, но, в общем, стихи приветственно-призывные составляют небольшую долю всего, написанного Демьяном в годы революции. Как был Демьян, так и остался он прежде всего сатириком. Тот же Л. Сосновский приводит курьезное заявление одного из редакторов соглашательской газеты «Новая Жизнь», Б. Авилова, сказавшего Д. Бедному после февральской революции: «Ну, что же, ваше дело кончено. Сатирику теперь делать нечего». Большей глупо-наивности, конечно, нельзя себе и представить. Дело Демьяна не только не было кончено, но можно сказать, только лишь начиналось, так как при царизме он не мог как следует развернуться.¹

Необычайно примечательна та четкость ленинской линии, которую всегда вел Демьян. Для знающих историю партии не секрет, что не один товарищ, даже из числа «вождей», в 1917 и в начале 1918 г. испытывал сомнения и колебания. Вопросы войны и мира, организация власти, разрушение некоторых памятников старины, отношение к учредительному собранию, Брест и многое другое—все это было тяжелым испытанием для многих. Демьян ни разу не сфальшивил, не взял ни одной неверной ноты, как-то нутром, чутьем, инстинктом улавливая правильный, ленинский, путь.

Смысл февральского переворота Д. Бедному, как и всем большевикам, был вполне ясен, и он сейчас же принимается раз'яснять в своих стихах буржуазный характер происшедшей революции, указывает на невозможность для трудящихся масс помириться на первом ее этапе. В одном из написанных после февральского переворота стихотворений — «Гофута мудрый»,

¹ Окончательно «развернуться» он смог, конечно, лишь с установлением власти пролетариата.

еще не отрешившись от приема «иносказания» и ведя речь о «далеком-предалеком царстве», о «ненашем государстве», Д. Бедный пишет:

Хоть бунтовали все, но в общей суеде
Верх взяли те,
Кто посильней да побогаче,

и потому—

Пошел в народе разговор:
— «Попали мы впросак!»
— «Того ль душа хотела?»
— «Эх, не доделали мы дела!..»

Но если пока еще «не доделали», то Демьян был очень твердо уверен в том, что скоро возьмутся за ум и «доделают». И, обращая мыслью к родной деревне, Демьян советует «доделывать» разумно, не чинить бессмысленных разгромов помещичьих усадеб, чтобы потом не жалеть, «что изничтожили... свое» («Свое»). Впрочем, Демьян не обольщался мыслью о том, что «доделывать» будет очень легко; он уже тогда предвидел возможность серьезных боев и предупреждал об этом:

И если «господа», к примеру, мужиков
Землей и волею лишь по губам помажут,
Так топоры себя покажут!..

(«Когда наступит срок»)

Шаг за шагом следит Демьян дальнейшие события, отзываясь на все перебои революционного пульса, на частую смену министров, на партийную борьбу, на растущую контр-революцию, неизменно агитируя и разъясняя.

Постоянные перемены в составе «временного правительства» приводили его в радостное настроение:

А власть, едва лишь став на ноги,
Уже от смены ждет подмоги.
Несть власти, аще... аще... аще...
Сменяйся, милая, почаще.
Так, понемножечку, с подходу,
Глядь—перейдешь ты вся к народу!

(«Власть»)

Дальнейшие изменения в составе правительства, все более и более обнаруживающие стремление помещиков и буржуазии накинуть петлю на шею рабочих, крестьян и солдат, вызывают уже не шутливые, а беспокойные предупреждения Демьяна:

Пока мы слушаем хорошие слова,
Нас угостить хотят весьма преподлым делом.
Товарищи, змея двуглавая жива,—
Корону где-то чистят мелом!..

(«Оживающий», 28/15 VI, 1917)

Так называемое «общество» в то время и слышать не хотело, когда большевики говорили, что между «временным правительством» и старым царским, по существу, большой разницы нет. Не понимали этого и трудовые массы. А между тем связь была, и очень близкая. Демьян ее чувствовал и разоблачал, попадая, что называется, «не в бровь, а прямо в глаз».

Вот, напр., не поразительное ли совпадение: 8-го июля 1917 г. Николай II записал в своем дневнике:

«В составе правительства совершились перемены: кн. Львов ушел, и председателем совета мин. будет Керенский, оставшись вместе с тем военным мин. и взяв управление еще мин. торговли и пром. Этот человек положительно на своем месте в нынешнюю минуту: чем больше у него будет власти, тем лучше».¹

А 12-го июля Д. Бедный, прочтя в газетах сообщение о том, что б. царь и члены его семьи желают подписаться на «заем свободы», пишет такой язвительный памфлет:

Как бы, братцы, ни было,—
К оборонцам прибыло:
Царь с царицею вдвоем
Подписались на заем.
Демьян Бедный.

Уж и я словцо подкину.
Оборонцы корчат мину:
— «Отчего бы это вдруг
Объявился новый друг?»
Для поддержки чьей свободы
Царь пустился на расходы?»
*Музык Вредный*²

(«Заем»)

Временное правительство, как известно, думать не думало конфисковать у царской семьи ее колоссальные, награбленные у народа капиталы, имения и дворцы, лишь ограничиваясь мыслью о привлечении Романовых к платежу... подоходного налога. И вот Демьян набрасывает такие строки:

Душа-то за царя у кой-кого болит,
И помощь для него у кой-кого готова.
Забыли вы про князя Львова
И буржуазный весь синклит:
Грабителя они хотят привлечь... к налогу!
Грабитель в радости вопит на все Село³:
— «Фу, слава богу!
Немного отлегло!
Не перемена ли погоды?
Князь Львов... его рука видна из-за кулис.
Что? Как ты думаешь, Алис?
Мы сбережем свои доходы!!»

(«Оживающие»)

¹ Цитирую по сборнику «На чужой стороне», III, под редакц. С. П. Мельгунова, Берлин, 1923, стр. 117—118.

² Подчеркнуто в подлиннике. — Н. Ф.

³ Т.-е. Царское (ныне—Детское) Село. — Н. Ф.

Со всей силой своего сатирического пера обрушился Д. Бедный на империалистов, пропагандирующих «войну до победного конца», в замечательной «солдатской песне»: *«Приказано, да правды не сказано»*:

Нам в бой итти приказано:
— «За землю станьте честно!»
За землю! Чью? Не сказано.
Помещичью, известно!

Нам в бой итти приказано:
— «Да здравствует свобода!»
Свобода! Чья? Не сказано.
А только—не народа.

Нам в бой итти приказано—
«Союзных ради наций».
А главного не сказано:
Чьих ради ассигнаций?

Кому война—заплатушки,
Кому—милльон прибутку.
Доколе ж нам, ребятаушки
Терпеть лихую пытку?»¹.

Не менее остро высмеивал Демьян социал-соглашателей и представителей других политических партий и группировок, написав, напр., ряд блестящих эпиграмм в связи с предстоящими выборами в учредительное собрание по спискам (*«Всем сестрам по серьгам»*). Сильное впечатление произвела эпиграмма *«Братание после смерти»*, появившаяся в связи с меньшевистскими статьями, призывавшими к братанию после... заключения всеобщего мира. Демьян написал всего четыре строчки:

Товарищ, сойдемся вдвоем
И во всем поквитаемся:
С начала друг друга убьем,
А потом... побратаемся.

Подобных блестящих образцов революционной сатиры—меткой, отточенной, легко запоминающейся, неотразимой, немало дал Демьян в то бурное, клокочущее, как многим казалось, неразрешимыми противоречиями время.

¹ Вошла в повесть *«Про землю, про волю, про рабочую долю»*, ч. IV (см. ниже). По поводу этой песни т. Сосновский пишет следующее: «Песенка ударила буржуазию «в самое нутро». В тот же самый день, когда она появилась, «Вечерние Биржевые Ведомости» посвятили ей особую статейку, требуя от прокуратуры немедленного принятия соответствующих мер по отношению к автору «возмутительной» песни, в которой—шестнадцать строк «сконцентрировали в себе весь яд большевистской агитации». Хотя Демьян Бедный на этот раз прикрылся подписью: «Солдат Яшка—Медная Пряжка», прокуратура сразу разгадала автора, которому пришлось временно «держаться Выборгской стороны», т.е. сидеть в Финляндии и не показываться в Питере». (Примеч. к II т. Собр. соч. Д. Бедного, стр. 363).

Но тогда же Демьян написал и *первое свое большое произведение*, дающее широкую, охватывающую картину разворачивающихся событий. Имею в виду упомянутую повесть в пяти частях *«Про землю, про волю, про рабочую долю»*.¹

Эта повесть прошла как-то совершенно незамеченной в нашей критической литературе, а, между тем, она заслуживает большого внимания. Прежде всего, она очень оригинальна по форме: в основную нить рассказа о деревенском парне Ванюше, которого постепенно просвещали события и товарищи, вплетен целый ряд отдельных, как бы совершенно самостоятельных стихотворений: песен—народных, плясовых, солдатских,—частушек, басен и т. д.,—и тем не менее все вместе представляется целостным художественным организмом. Такой композиционный прием в нашей литературе почти не встречается. Как на один из редких примеров его применения, можно указать, напр., на главу некрасовской поэмы «Кому на Руси жить хорошо»—«Пир на весь мир», которая точно так же включает в себя отдельные песни, стихотворения и т. п.

Но не только по оригинальности формы интересна эта поэма Д. Бедного. Она замечательна, как блестяще выполненная и первая в нашей литературе попытка передать и правильно осветить события только что прошедших дней, *растолковать* их самым широким массам рабочих и крестьян. Задумана была эта повесть Демьяном еще на войне, но в царские времена напечатать ее было невозможно, и потому лишь с победой революции, получив возможность писать открыто, Д. Бедный принимается за эту—

Быль доподлинную, повесть,
Где нам в ровном ходе строк
Жизнь сама дает урок...

Обращается Демьян к самой широчайшей аудитории:

Ой, вы, братцы, тетки, дяди,
Я пишу не шутки ради,
Не для смеху, не для слез,
Потолкуемте всерьез:
Где болит? На что мы ропщем?
На совете нашем общем,
Ум прибавивши к уму,
Подберемся кой к чему,
Подберемся, разберемся,
Друг на друга обопремся,
Словим горе вперемет
И посмотрим,—чья возьмет.

¹ 1-я часть—«Царская война»; 2-я—«Петроград»; 3-я—«Февральская революция»; 4-я—«Демократическое надувательство» и 5-я—«Большевистский Октябрь».

Рассказ начинается издалека — с войны. Действие в глухой деревушке. Мобилизация:

На деревне тихо-тихо,
По деревне бродит лихо,
Со двора бредет во двор,—
Объявил, вишь, царь набор,
Объявил набор досрочный.
У царя расчет был точный:
Как, мол, немец ни мудри,
Как в бою он ни хитри,
С ним нам справиться нетрудно.
Наше царство многолюдно.
Все войска как соберем
Да всей силой как напред,—
Не спасут тут немца пушки;
Не война, сказать,—игрушки!
Напирай да напирай,
В день пол-царства отбирай!—
А что головы кто сложит,
То царя не так тревожит!
Миллион голов аль два,
Не своя, ведь, голова!

Призванные гуляют:

— Трень-брень!
Трень-брень!
Ты сыграй-ка,
Балалайка,
А мы песенку споем:
Завтра всем нам на прием!

Ой, вы, немцы-супостаты,
Из-за вас идем в солдаты,
Из-за вас у нас печаль:
Покидать девчонок жаль!

Как посадят нас в вагоны,
То-то будет плач да стоны.
Все вагоны—грох да грох,
Все девчонки—ох да ох!...

Попал на войну и «герой» повести—Ваня: выпало ему «в пехоту, в Курский полк, в седьмую роту».

С редким даром синтеза рисует Демьян картины военного ученья:

— Ать!—Два!— Ать!—Два!
В ногу, дурья голова!
Ать, два, три, четыре!
Шире шаг. Михеев! Шире!
Смир-рно! Что там за галдеж?
Соловьев, ты это что ж?
Сосковался по аресте?
Левой! Правой! Шаг на месте!
Стой! Оправься!.. Ну, народ:
Черти!—стадо, а не взвод!

Так—

На плацу недели две
Новобранцев муштровали,
Передышки не давали:
Целый полк, что было сил,
Грязь на площади месил...
Заставляли раз по двести
Повторять отдаче чести,
Но ружья в полку зато
Не держал в руках никто.
Перед самым уж походом
Пронесли ружье по взводам,
Показали, как держать
И откуда заряжать,
Как управиться с прицелом.
Штука мудрая! Но в целом—
Вышел полк, как все полки:
Первосортные стрелки!..

На войне Ваня познакомился с Климом Козловым, бывшим рабочим Путиловского завода. От разговоров с ним многое у него в голове прояснилось. Между тем, положение становилось все хуже и хуже. Стали это понимать и в Питере:

Втапору—не без причины—
Царь извелся от кручины
И, дрожа за ход войны,
Каждый час менял штаны,
Со штанами мысли тоже.
Драл царя мороз по коже,
Затрещал пустой чердак:
— «Заварил я кавардак»...

... Всюду—слухи, всюду—толки,
Как у нашего Миколки,
Православного царя,
Мозгу, правду говоря...
Нету мозгу, есть замашки—
Больше все насчет рюмашки.
Царь допреж того гулял,
Дядя ж фронтом управлял,
До Двины ж когда доправил,
Царь от дел его отставил
И—ликуй Расея вся!—
Фронтом править сам взялся...

Быстро понеслись дальнейшие события: зашевелилась государственная дума, началась «министерская чехарда», всплыла грязь распутиновщины... Все это нашло яркое, блестящее, меткое выражение в «повести» Демьяна. Затем перед читателем столь же мастерски разворачиваются картины революции в городе и деревне; проходят, как в живой кинематографической ленте, события лета 1917 года, вся история «демократического надувательства», и кончается повесть советом окончательно «повыкрошить клыки» у буржуазий после победы в Октябре... Герой повести, Ваня, попадает в Питер и принимает участие в событиях.

Если о знаменитой поэме А. Блока «Двенадцать» кричали на всех перекрестках, написали десятки критических статей, прославили ее подлинно-революционной и даже «большевистской» поэмой (хотя Блок, изображая «Октябрь», как стихийное событие, не заметил ни роли нашей партии, ни Ленина, ни конкретной большевистской программы, ограничившись лишь туманными словами о крушении «старого мира», о «мировом пожаре» и т. п.), то, думается нам, поэма Д. Бедного заслуживает, во всяком случае, *не меньшего внимания*. Она дает великолепный материал для истолкования смысла событий эпохи войны и революции. Ее должны знать все. *Ее должны разбирать и изучать в школах*, как лучшую иллюстрацию недавнего прошлого. Не оспаривая поэтических достоинств «Двенадцати» Блока, мы можем сказать только одно, что «Повесть» Демьяна *неизмеримо ближе нам, неизмеримо нужнее*. Ее нельзя и сейчас читать без глубокого волнения. Нельзя не поражаться мастерскому уменью Д. Бедного в двух-трех штрихах рисовать целые картины, изумительно верные, грандиозно обобщенные. Всем любителям рассуждать на тему о том, поэт Д. Бедный или не поэт, можно рекомендовать прочитать хотя бы описания Петербурга, которые дает Демьян в своей «Повести про землю, про волю». Приведу их целиком. Вот одно:

Стойте, братцы. Долог путь.
Дайте малость отдохнуть.
Чай, никто не мчит вдогонку?
На часок свернем в сторонку
И оглянемся назад:
Далеко ли Петроград?
Петербургом был он ране.
В черной копоти, в тумане
Возлежал среди болот
Мощи царственной оплот,
Всероссийский обирала.
Здесь томилась, вымирала,
Набивая чердаки,
Голь людская, бедняки.
Здесь в подвалах темных, душных
Для малюток золотушных
Из-за копоти и туч
Не сверкал весенний луч.
Здесь под сводами заводов,
Средь громадных дымоходов,
Рос могучий дух борьбы
Пролетарской голытьбы.
И не раз уж эта сила
Воли-выхода просила,—
Разметавши тьму препон,
Колебала царский трон.
Перед страшною войною
Снова грозною стеною
Стал вздыматься бурный вал:
Люд рабочий бунтовал.

Вот другое:

Чуден Питер, град-столица!
В нем живут какие лица:
Царь с царицею, чины.
Круглый год у них блины,
Что ни день—то шампанея,
Что ни вечер—то затея:
И театры и балы.
Ведь доходы не малы:
Протранжирить их умело—
Тоже, знаете ли, дело!
Как по улице Морской
Шум—движение день-деньской.
Мчат моторы и кареты...
Пешеходы разодеты,—
Им мороз трескучий люб:
Не проймет он барских шуб,
Дорогих пушных салопов.
То ли дело средь окопов!
Тут морозцу путь насквозь.
Знай солдатиков морозь!..

И, наконец, вот третье:

Питер-город, вправду, чуден,
И богат и многолюден.
От заставы до дворца
Красоты в нем без конца.
Хоть, положим, в каждой части
Красота различной масти:
Тут—дворец, а там—завод;
Тут—цари, а там—народ.
Красоту толкуют всяко.
Мне милей всего, однако,
«Трудовая сторона»,
Чтится «Выборгской» она:
«Большевицкая столица»!
У Невы тут есть больница.
Вместе с Ваней сам я в ней
Пролежал немало дней... ¹

Разве все это не яркие, незабываемые художественные образы?
Разве это *повторение* того, что уже было когда-то сказано?
Разве мы, на ряду с Петербургом Пушкина, Гоголя, Достоевского,
Некрасова, Блока, не имеем права говорить и о «*Петербурге*
Демьяна Бедного»?!

¹ Ср. еще стихотворение «*Пешроград*», где есть такие строки:

Самодержавья первый крестник,
Сын, свергший отчий произвол,
Ты—новой жизни провозвестник,
Ты—строя нового символ...
... Пройдут года,
И все паломники труда
В коммунистическую Мекку...
Стекаются будут на поклон...

Рядом с повестью «*Про землю, про волю...*» надо поставить и другую большую повесть в стихах — «*Мужики*». Правда, написана она значительно позднее, в 1919 году, но цель ее — та же: рассказать в простой, общепонятной форме о недавних событиях и на основании этого рассказа убедить крестьян в необходимости борьбы за советскую власть.

Начинается повесть эта, написанная размером «Конька-Горбунка», еще более издавека, задолго до войны, с 1907 года:

Как у деда у Нефедя
Развеселый пир—беседа.
Но не с пива, не с вина
Бабка Фроловна пьяна,
Ходит легче молодицы:
— «Сын приехал из столицы!»

Сын, Петруха, был в Питере рабочим. Он рассказывает про то, как—

Раскусили мы царя
В день девятый января;

рассказывает про думы—1-ю, 2-ю и 3-ю, про то, что—

Если б в эти дни в пехоте
Не служило дурачье,
Да не сунься казачье
Вызвать царя с дворянством,
То рабочий люд с крестьянством
Нынче, взявши в руки власть,
Не попали б в волчью пасть...

А про себя Петр говорит:

Не пустись я на уловки,
Не уйти бы от веревки.
Дома малость посижу,
Ну а дальше... погляжу...

Мужички слушали и не особенно остались довольны рассказом Петрухи:

С грустью думал дед Нефед:

Эх, ты, горькая судьба!
Век не выпрямить горба.
Я-то ждал его, злодея:
Сын вернется—вся надея.
Вот... вернулся... голытьба,
На отцовские хлеба!..

Пришлось Петру заняться хозяйством, жениться:

Петра сеял, жонка жала,
Каждый год детей рожала,
Дети мерли в свой черед.
Словом, дело шло вперед.

Но не может Петр забыть про столицу, про заводскую жизнь,
про товарищей и, наконец, решается выписать рабочую газету;

Ходит Петра веселей,
Стала жизнь ему милей.
«Правда» душу воскресила:
Крепнет снова наша сила...

И решается Петр ехать в Петербург.

Жонка взывала: «Знамо дело,
Что со мною надоело,
Вспомнил, верно, прежних краль?..»

Но не успел Петр исполнить своего намерения, как подошел
1914-й год, и пришлось ему итти на войну.

Левой, правой! Левой, правой!
Генерал Самсонов бравый
Войско царское ведет,
Уж он немцам накладет.
Шла несчастная пехота
Чрез Мазурские болота,
Шла без плану, наугад,
Не вернулася назад...

Петр попал в плен...

Петр Костров в плену томится.
Кто над пленным не глумится?...

Пленные англичане, французы—все

...одеты, сыты,
Дома, видно, не забыты,—
Присылают им всего,
А у наших—ничего...

Проходит три года. Вдруг приходит весть:

На Руси царя уж нету.
Власть вручили комитету
Из каких-то там господ,
Господа-де—«за народ»,
Подновив его оковы,
Продолжать войну готовы
Против немца-подлеца
До победного конца.

Петр Костров в плену томится.
Снег в четвертый раз валится
В чужедальной стороне.
Не видать конца войне...

Пришли слухи и об Октябрьской революции, но слухи туманные

Этот—слово, этот—два,
Крепнет темная молва,
Несуразные догадки
Про российские порядки:
— Что ни яма, то Совет,
А до пленных дела нет...

Наконец, пришла и немецкая революция:

Без указа, без приказу
Заварилась каша сразу:
Закричали немцы—гох!
Шум... пальба... переполох...
Без царей—Берлин и Вена!
Наши хлынули из плена...

Но Советская Россия встретила их тоже не особенно щедро:
дали —

. иному сапоги
С барской, видимо, ноги,
А другому—так, обноски,
Всем—табак и папироски,
Денег малость на завод.
Бедный мы теперь народ!..

Однако, Петр все же успел прихватить в Москве «газет и книг» и с волнением едет домой:

Ельник... речка... три избы...
Телеграфные столбы...

На станции встретил знакомых земляков. Невеселые ждали Петра вести: старики померли, а у жены...—

Есть ребенок... годовалый...

Явился Петр домой:

Петр вошел в свою избенку.
С воплем кинулась к ребенку
Ошалевшая жена:
— «Петр... не трожь!—Не трожь!..»—«Не трону.»
Сел бедняга под икону,—
Опершись на кулак;
Просидел всю ночь так...
Прожил дома Петр с неделю...

В деревне бестолковщина. Каждый день сходки. Пять-шесть кулаков мутят народ. Указывают на «Муромский уезд», где—

Комиссаров нет в помине,
Разогнали всех к чертям...

Петр пытается урезонить односельчан и кончает тем, что уходит добровольцем в Красную армию.

Эта простая, бесхитростная повесть производит и сейчас сильное впечатление своей неприкрашенной правдивостью; в свое же время она имела и большое агитационное значение.

Богатырский бой

Борьба—вот лозунг наш! *Победа*—
вот пароль!
(«С наступающим!»)

Мы—пожара всемирного пламя,
Молот, сбивший оковы с раба!
(«Коммунистическая марсельеза»)

События шли головокружительным вихрем. Власть буржуазии рассыпалась под натиском октябрьских волн. Наступили тяжелые годы борьбы за окончательное укрепление господства рабочих и крестьян. Если захватить власть было нетрудно, то удержать ее, упрочить, отбиться от озлобленной своры врагов стоило нам огромных, исключительных усилий, колоссальных потерь. Начались годы титанической борьбы, годы великого «богатырского боя» «с мироедской разбойной оравой»...

Пристальным взором смотрел в эти годы Демьян. Он умел соединить в себе коммуниста-бойца, сатирика-обличителя и трезвого историка событий. В эти годы часто было не до смеха. Великие завоевания стоили великих жертв. Немало было тяжелых испытаний, немало было кровавых кошмаров. Не раз казалось, что мы на краю гибели, и что все жертвы и страдания, которые мы принесли и претерпели, не будут искуплены. И в эти тяжелые моменты Демьян, всегда ясно, по-ленински мысля, выступал то с резким, гневным обличением, то с язвительной, ядом пролетарской ненависти пропитанной насмешкой, то с бодрящим призывным словом, твердо зная, что победа в конце концов должна быть за нами. Демьян понимал всю исключительную серьезность, все величие происходящего, всю грандиозную ответственность, лежащую на нас:

Впившись в грядущее мысленным оком,
В раздумьи глубоком
Сажу за работой с утра,—

писал он в 1919 г. в одном из прекраснейших своих стихотворений «На берег».—

Алеет восток. Оживает столица.
Но спит, не проснулась еще детвора.
О, дети! Спокойны их сны и блаженны их лица,

И нежным их душам чужда
Расколовшая мир вековая вражда.
Не знают мои ребятишки и ваши,
*Из какой испиваем мы чаши.*¹
Ну, что ж? Суждено,—будем пить!
Коль иною
Ценою
Нельзя нам купить
Ни счастья, ни воли
Вот этих ребят,—
Мы выпьем до капли всю горечь, весь яд.
Пусть не знают они нашей боли.
Пусть спят...

(«На берег!», — «Правда», 1919, № 246)²

Демьян никогда не преуменьшал трудностей нашей борьбы. Все тяжелые ее перипетии, все наши победы и поражения, достижения и ошибки проходят теперь перед читателем поистине исторических демьяновских стихов, которые в свое время были призывом, легко доходившим до миллионных масс, играющим огромную агитационно-организаторскую роль.

Вот еще первые месяцы после Октября. Еще не сконструировалась как следует советская власть, еще не установилась прочно пролетарская диктатура; в Совнаркоме, наряду с большевиками, входят еще левые эсеры; впереди — учредительное собрание, в которое еще верят массы. А дальше — германское нашествие, Брест, и битвы, битвы... Демьян крепко держит свой поэтический руль и верно поворачивает его по указаниям Капитана, четко и понятно разъясняет, куда лежит путь.

Вот кричат: «Вся власть учредительному собранию!» Что это? — Кто кричит? А это — «воплъ отчаявшихся буржуев» и «социал-предателей», — поясняет Демьян. Ведь в Таврическом дворце, где только что заседали помещики, промышленники и попы, теперь сошлись... Чернов с Милюковым, и трудовому люду — не отсюда ждать свободы:

Суровый хозяин равнины холодной,
Народ, ты создашь *Всенародный Совет*
Не здесь! Не в темнице свободы народной
Свобода родится на свет!

(«Таврический дворец»)

¹ Курсив мой. — Н. Ф.

² Характерно, что в то же самое время, в том же 1919 г., другой пришедший к пролетарской идеологии писатель — Неверов, живший в Самаре, в замечательном рассказе-монологе «Я хочу жить», выразил, конечно, независимо от Д. Бедного, те же самые мысли:

«Другого пути нет. А я хочу жить, — писал Неверов. — Хочу, чтобы жили и радовались Сережка с Нюской, жил и радовался весь наш квартал, выгнанный «верхними» людьми на помойки...

И оттого, что я хочу жить, оттого, что *нет иного пути сделать это и проще и легче, любовь моя к жизни ведет меня в бой*...»

Это совпадение знаменательно. О Неверове см. в моей книге: Проф. Н. Н. Фатов — «А. С. Неверов. Очерк жизни и творчества». Изд. «Прибой», Л., 1926 г., стр. 216.

Корниловцам, которые—

«В Таврический дворец прокравшись, драли
глотку:
— «Нам—власть! Вся власть! Вся власть!»—

Демьян Бедный, как подлинный представитель «народа», отвечает:

... Наглецы! От'евшиеся баре!
К чему вы рветесь в отчаянном угаре?!
Фальшивый спрячьте ваш мандат!
Утихомирьте ваши страсти!
Стал трудовой народ у власти:
Мужик, рабочий и солдат!
(«Барский нахрап»)

Дело свободы рабочих и крестьян должно быть в верных руках. Опасны сладкоречивые слова всевозможных эсэровских и меньшевистских «друзей народа»:

Не верь отравленным листкам клеветников,
Не верь словам лукавой лести.
Сквозь нежные слова ты слышишь звон оков.
И шип змеинный тех, кто жаждет страшной мести?
Не вычерпать зараз сплошного моря зла.
Мир, воля и земля.—их не получишь даром;
Наследья тяжкого проклятого узла
Не рассечешь одним ударом...
(«Предостережение»)

Предстоит трудная и тяжелая борьба. Победу надо закрепить. Сделанное дело надо доделать. Врага надо *добить* —

Чай, не о пустяках ведем мы с ними спор.
Не в том суть нашей схватки,
Что мироедов мы уложим на лопатки.
Нет, надо, чтобы враг наш лютый, — сбитый с ног,—
Подняться больше уж не мог.
Иначе, милые, сыграем мы впустую...
(«На завалинке. Беседа деда Софрона»)

И Демьян советует «завинчивать покрепче гайку»... Такие советы были тогда не лишними. Ведь в то время многие еще слишком увлекались мыслью о «гуманной», «бескровной» революции,—достаточно указать хотя бы на то, что нами был отпущен «на честное слово» ген. Краснов и ряд других, впоследствии злобно боровшихся против советской власти, белогвардейцев. Эта «гуманность» стоила нам немалых жертв, стоила рабоче-крестьянской крови. С другой стороны, очень часто и очень многие забывают, что террор мы ввели не сразу, что мы им лишь *ответили* на белогвардейский террор. И когда нам пришлось вступить на путь беспощадной борьбы, вплоть до применения

«высшей меры», то на этот путь мы *вынуждены были вступить* и делали это не с «легким сердцем». Капиталистические бандиты обвиняли нас в «жестокости» и «кровожадности», не понимая, что работа ВЧК была для нас своего рода «тяжким крестом», который нас *заставили* нести.

Да будет то, к чему зовет нас мстящий Рок,—

с суровой непреклонностью бойца, умевшего прямо смотреть правде в глаза, сказал об этом впоследствии Демьян суровым «лермонтовским» стихом:

И если суждено нам перейти порог
К высокой цели—через трупы,
Что ж? На удары мы в бою не будем скупы.
И, исторический сметая сор и хлам,
Обрекши всех врагов народному проклятью,
Мы проведем метлой с железной рукоятью
По омерзительным телам,
Отмеченным предательской печатью!
(«Предателям»)

Пока не был окончательно укрощен враг, нельзя было ослаблять возжей, нельзя было откладывать разящего бича. Об этом надо было неустанно помнить. И Демьян Бедный не забывает повторять своих предупреждений. Даже в праздник 1-го мая 1918 г.— в день впервые празднуемого не под капиталистическим гнетом первого мая—Демьян предается не только радостным настроениям, но и чувству опасения,—как бы не ослабела наша бдительность. Он предупреждает и напоминает:

Еще не все сломили мы преграды,
Еще гадать нам рано о конце.
Со всех сторон теснят нас злые гады.
Товарищи, мы—в огненном кольце!
На нас идет вся хищная порода.
Насильники стоят в родном краю.
Судьбою нам дано лишь два исхода:
Иль победить иль честно пасть в бою..
(«В огненном кольце»)

Напряженная борьба требовала от всех героических усилий, требовала полного осознания своего долга и своей ответственности, а между тем «массы» это часто плохо понимали. Измученные сидением в окопах и ужасами войны, солдаты «самотечком» бросились по домам, не думая о том, что обнажают перед немецким бронированным кулаком границы уже *Советской* России, и что войска Вильгельма, без сомненья, могут раздавить только что завоеванную нами свободу. И вот Демьян, под видом «солдата Яшки—медной пряжки», стыдит тех, кому—

Свой бы живот спасти,
А там хоть трава не расти,

которые руководствуются прежде всего принципом:

Ничего не знаю,
Моя хата с краю...

Эти невольные и не понимающие, что они делают, предатели приводили, конечно, в самое приятное настроение всех наших злорадствовавших врагов. Но рано они радовались — не все думали лишь о своей хате, «стоящей с краю». Были у нас и «солдаты Яшки—медные пряжки», которые гордо отвечали устами Демьяна приготовившейся уже встречать кайзера барыне:

Нет, барыня, еще под вопросом,
Кто останется с носом.
Не все мы испохабились,
И не все обабились.—
Есть еще бойцы смелые,
Головы умелые,
Свободные от укора,
Кому смерть лучше позора.
Они будут защищать смело
Великое дело...

(«Агитация солдата Яшки—медной пряжки», янв. 1918)

Эти защитники нашлись и создали нашу, первую в мире, Красную армию, которая, среди грандиознейшей разрухи, среди холода и голода, оборванная, разутая, при колоссальном численном, экономическом и техническом превосходстве врага—все-таки оказалась победительницей и сумела отвоевать у «его величества капитала» одну шестую часть всей суши.

Большое количество стихотворений посвятил Д. Бедный героической борьбе Красной армии. Они печатались в «Правде», «Бедноте», «Красной Газете», в фронтовых газетах и частью собраны в книжках «*Богатырский бой*», «*В огненном кольце*», «*Красный казак*», «*Красноармейцы*», «*О Митьке-беунце и о его конце*» и нек. др. отдельных изданиях.¹

¹ Некоторые из этих стихотворений пользуются огромной известностью; укажу, хотя бы, на ставшую подлинно народной песню «Проводы»:

Как родная мать меня
Провожала,
Как тут вся моя родня
Набежала:
— «А куда ж ты, паренек?
А куда ты?
Не ходил бы ты, Ванек,
Да в солдаты!..

Часто распеваящие эту песню даже и не знают, что поют стихи Д. Бедного. В этом смысле она делит судьбу с такими вещами, как «Под вечер, осенью ненастной» Пушкина или некоторые песни Некрасова («Коробушка» и др.).

Со страниц демьяновских военных стихов глядит на нас вся история красноармейских боев, всё героическое и будничное, что приходилось тогда переживать. Восточный, южный, западный фронты; Колчак, Деникин, Юденич, Врангель, польские паны — все это проходит перед нами.

Вот дело на Волге, под Самарой:

Волга жолтою волною
Моет заросли раkit;
Низко-низко над водою
Чайка белая летит...

Деревня. Серые избушки.
Кладбище. Церковка. пред ней
Повозки, кони, ружья, пушки.
Снаряды, люди у огней...

В полку был Троцкий пред обедом:
Держал напутственную речь.

Он говорил:—«Вперед! В Самару!

Друзья, в решительном бою

Пусть враг узнает вашу кару!
Добейте подлую змею!»

—«Слыхал?»

— «Слыхал!»

— «Добьем, известно!»

— «Вперед нас, гадина, не тронь!»

Глаза простые смотрят честно;

Трещит приветливо огонь.

(«Под Самарой»)

А вот—на польском фронте:

Нам прислала москва
Подкрепление.
Мы всем фронтом пошли
В наступление...

В плен мы хлопков берем,
Ухмыляемся,
Сами глупости их
Удивляемся:

— «Братцы! Разве ж мы вам

Злые вороги?

Чем вам ваши паны

Любы-дороги?...

Скоро ль будет у вас

Власть не панская,

А рабочая власть

Да крестьянская?..»

(«Большая штука—наука»)

Так, всегда агитируя, писал Демьян, и уже приходилось говорить, какое влияние имели его стихи как на «своих», так и на «врагов». Говорилось и о том, что Л. Д. Троцкий расценивал стихи Д. Бедного, как боевую силу.

Сейчас стихи Д. Бедного напоминают нам и об этой его активно-боевой роли. Вот знакомая всем участникам красно-армейских боев картинка:

Гудит-ревет аэроплан.
Летят листовки с аэроплана.
Читай, белогвардейский стан,
Послание Бедного Демьяна!..
(«На фронте»)

И вспоминаем мы, как эти послания, остроумные, меткие, а главное — понятные каждому солдату — летели в войска и Колчака, и Деникина, и Врангеля, раз'ясняя обманутым крестьянам, кто их враги и кто друзья.

Кто ¹ теперь вас ведет против «черни восставшей»? —
писал Демьян, —

Вас, убийц, «усмирителей», черную рать?
Кто ведет? И кого вы хотите «качать»?
...Откройте глаза, посмотрите вокруг:
Где враг ваш? Где друг?
Кто ваши вожди и владыки?
Такие ль, как вы и как мы, горемыки?
Или белая кость, дармоедская шайка?
Чья ж по спинам по вашим гуляет нагайка?
(«Обманутым братьям»)

Меньшевицско-эсэровская болтовня о «демократии», о «равенстве, братстве и свободе» затуманивала в то время и на нашей стороне немало кому мозги. Демьян их «прочищал», ребром ставя вопрос, за что ведется борьба и к чему она ведет:

Кто был в Ростове на Дону,
В офицерском плену,
Те знают, что там деется,
На что офицерство надеется,
Вербую полки из обманутых казаков,
Натравливая бедняков против бедняков,
Казачество — против крестьянства...

И Демьян предупреждает, что из этого может выйти: «посядут болвана на трон», — «выберут какую-нибудь харю», дьякон ему «рявкнет гласом велиим» «многая лета», —

Все, как по нотам.
Айда, ребятки, в пасть к живоглотам,
В раскрытую хищную пасть,
Долой советскую власть!
На колени, рабы, перед царем!
...Пристав хряснет «по роже», мы нос утрем:
— «За что, ваше благородие?!»

¹ Курсив здесь и ниже — в подлиннике. — Н. Ф.

— «За то, что... вперед гляди!
Мымрецов! Отведи!!»
И поведет фараон, куда надо.
«Един пастырь и едино стадо.
«Несть власти, аще не от бога».
Туда всем дуракам и дорога!

(«За свободу... дворянства»)

Но тут же Демьян давал понять, что если эти «дураки» одумаются, поймут свою предательскую роль, то мы не будем к ним слишком строги.

В белогвардейских войсках обычно пугали солдат тем, что при переходе к «красным» их ждут тяжкие кары, вплоть до поголовного расстрела. Демьян Бедный рассеивает эти страхи:

А мы браним вас по-солдатски,
Но, прекрати вы с нами бой,
Так мы готовы в час любой
Вас встретить и принять по-братски...

(«Деникинским «добровольцам»)

Умело пользовался Д. Бедный и излюбленным своим средством — насмешкой. Очень остроумно стихотворение «Вопль отчаявшихся буржуев», в котором Д. Бедный, загримировавшись под изверившихся в белых генералов, но не потерявших еще здравого смысла врагов, изобразил полный развал белогвардейских надежд на своих «вождей». Не менее удачными являются и «врангелевские манифесты», в которых «истинно-русский» барон, вещавший о «единой, неделимой России для русских», выступал в особо комическом виде:

«Их фанге ан.¹ Я начинаю.
Эс ист² для всех советских мест,
Для русский люд из краю в краю
Баронский унзер³ манифест.
Вам мой фамилий всем известный:
Ихь бин⁴ фон-Врангель, герр⁵ барон;
Я самый лютший, самый шестный
Есть кандидат на царский трон»...

Это—конечно, шарж, но шарж, метко бьющий в цель. Смешной враг уже не страшен. Осмеянный вождь—не вождь.

Когда в наших рядах, под влиянием неудач, порою падала бодрость, Демьян выступал с бодрящим словом и умел предостеречь от необоснованной паники.

Приведя сообщение украинского телеграфного агентства, что «в Одессе высадилось 7 полков зуавов, 8 полков сингалез-

¹ Я начинаю.

² Это есть.

³ Наш.

⁴ Я (есмы).

⁵ Господин.

цев¹, выгружено 150 танков и 80 машин для ослепления», Демьян пишет такие отрезвляющие строки:

«Готтентоты, папуасы...
Добровольцы—напрокат...
Генеральские лампасы...
Учредиловский плакат...
Пусть же воют живоглоты,—
Им былого не вернуть.
*Если козырь—готтентоты,
Значит, нечем козырнуть!..*
...Грозны танки-исполины,
Но и мы не дураки.
Наши русские равнины
Бесконечно широки.
По лесам, пескам, болотам
Зверю рыскать нелегко.
И на танках готтентотам
Не уехать далеко...

(«Последний козырь»)

Не скрывает Д. Бедный и теневых сторон красноармейского быта. Так, вопросу о дезертирстве, одно время раз'едавшему нашу Красную армию, Д. Бедный посвящает целую «горькую дезертирскую повесть»—«*О Митьке-бегуны и о его конце*», любопытную как по содержанию, так и своими разнообразными ритмами, начиная от плясового:

В сборе все ли?
Парни сели
На траве.
Пили смело,
Зашумело
В голове...—

до народно-песенного:

Ой, лесные вы ребяташки, зеленые,
Вы головушки-головки забубенные,
Дезертиры, бегуны вы все проворные,
А настали дни-денечки нынче черные,—
Пробежало лета больше половинушки,
А куда теперь податься нам, детинушки?

В повести идет речь о том, как Митюха сначала «прохлаждался с женой», сбежав из Красной армии, потом вынужден был прятаться в лесу, примкнул к «зеленым», вместе с ними оказался в рядах белых; наконец, вновь улепетнул домой; однако, от смерти все равно не убежал: попал под топор родного отца, которого застал с своей женой.

Те же, кто сражались честно, от смерти не бегали, имели часто основание быть недовольными тем, что творилось в их родных деревнях. От красноармейцев Демьян постоянно полу-

¹ Французы пополняли свои войска из своих африканских колоний.

чал письма, полные жалоб на непосильные поборы и всякие безобразия, чинимые «властью на местах»:

Пишут из дому родители,
Плачет каждая строка:
Там какие-то грабители
Утесняют мужика.

Мужики во всем ответчики,
Власть—как новая метла:
Где начнут мести советчики,
Все повыметут дотла.

Обернулась-де татарщиной
Власть рабочих и крестьян.
Не под новой ли мы барщиной,
Дорогой наш брат, Демьян?

И отвечает им Демьян:

Дышат правдою сгущенные
Краски вашего письма...

Воры, взяточники, бражники
Повылазили вперед...

Новый строй похуже старого
Показался мужикам.

Но,—говорит он,—уже на это обратили внимание в центре и
решили—

Сделать чистку повсеместную...

Надо всем нам понатужиться,—

заканчивает Демьян Бедный,—

...Братья милые, любимые.
Горько, горько нам теперь:
Всем нам муки нестерпимые
Причиняет голод-зверь...

Поработаем—научимся,
Первый опыт как ни туг,
Перебьемся, перемучимся
И осилим наш недуг...

(«Правда»)

А в иных деревнях вспыхивают кулацкие восстания. И вновь встречаем мы старого знакомого, Прова Кузьмича, только уж в несколько иной роли. Теперь, в 1919—20 г.г., он ведет такие речи:

На кой нам леший все Советы
И комитеты бедноты?
Все богачи уже раздеты
До наготы...

Дайте нам передохнуть
От советской пытки,
Все добро свое вернуть
И покрыть убытки...

Стали дальше толковать,—
Разыгрались страсти:
— «Надо, братцы, бунтовать
Против новой власти!..»

Ему вторил, конечно, местный поп. Темная, изголодавшаяся деревня пошла за Провом Кузьмичом и попом. Вzbунтовались, побили комиссаров и «комитетчиков».

Пров по горнице похаживает,
Пров бородушку поглаживает;
Он гостей обходит с жонкою,
Угощает самогонкою...

Но недолго пришлось побарствовать Прову Кузьмичу. Скоро пошли—

...Худые вести.
...Видали, говорят...
Уж близко... Человек, примерно, этак с двести,
Красноармейский к нам идет сюда отряд...

Мужики взялись за ум и поспешили выдать Прова Кузьмича, как зачинщика («Красноармейцы»).

Охотно отправляя Провов Кузьмичей «к праотцам», Д. Бедный всегда жалел темного, забитого, но близкого ему и родного мужика, не раз готового предать революцию по собственной глупости, за которую, конечно, винить его было бы несправедливо. И вот к этому-то темному люду, чья, в лучшем случае—

... мудрость вся—три буквы на заборе,
Да «отче наш, иже еси»,
(«Не забывайте безграмотных братьев»)—

обращается Демьян с вразумительным словом. Он сурово обличает какого-нибудь Емельку, который любил раньше говорить, что земля—«божья», а теперь, получив эту землю из рук победившего пролетариата, стал рассуждать:

Земля, конечно... божья,
А хлебец—мой,

который—

... кулаку иному не уступит:
Он хлеб продаст тому, кто купит,
Спокойно с городских рабочих, с бедняков,
За фунт муки три шкуры слупит...

Его предупреждает Демьян:

Советские враги—не о тебе радеют,
И если баре вновь землю овладеют,
То—заруби себе ты это на носу!—
Так возмещать начнут они свои убытки,

что,—

... прячась где-нибудь в овраге иль в лесу,
Начнешь завидовать ты собственному псу!

(«Зарубка»)

Кроме борьбы на открытых фронтах с белогвардейскими войсками, кроме борьбы за союз крестьянства с рабочими, приходилось в то время вести еще и постоянную борьбу по партийно-политической линии, с партиями, изменившими трудовым массам,—с меньшевиками и эсэрами, которые тогда пользовались еще известным доверием крестьян и рабочих, изнывавших под невероятно тяжелыми условиями жизни в годы гражданской войны, голода и разрухи.

Без сомнения, многие представители этих партий были личностными людьми, были искренно уверены, что отстаивают «подлинную демократию», но объективно, борясь против советской власти, они оказывались помощниками буржуазии, неминуемо встречали ее симпатии и потому всецело заслужили названия «социал-предателей», не говоря уже о тех «социал-прохвостах», которые сами понимали свою мерзостную, предательскую роль.

Борьбе с меньшевиками и эс-эрами Д. Бедный уделил очень много внимания и посвятил им немало блестящих разоблачительных стихотворений. Сейчас все эти «Либерданы», Гегечкори, Черновы и Маруси Спиридоновы нам просто... мало интересны, словно прошлогодний снег, но в те годы борьба с ними была одним из самых острых вопросов и вести ее приходилось со всею яростью. Так ее и вел Демьян. Но надо отдать ему справедливость, что хотя он и бывал весьма резок и не стеснялся «обзывал» соглашателей так, как они того заслуживали, тем не менее даже в пылу борьбы Демьян делал различие между отдельными деятелями меньшевистско-эсэровского лагеря. Напр., о Мартове Д. Бедный отзывался с уважением и сожалением, что он не с нами (стих. «*Наши лучше*»).

С большим мастерством умел Демьян всегда показать связь «социал-предателей» с иноземным капиталом. На этом мотиве построена и остроумная песенка «*Гулимджан*», высмеивающая грузинский «демократический рай»—своего рода «шедевр» политического памфлета:

Мы садился на ишак
И в Париж гулялся.
Клеманса, такой чудак,
Очень нам смеялся.

Гулимджан! Гулимджан!
Знаим свае дело:
Весь Кавказ мы за ляржан¹
Продаем умело...

Ллойд Джорджданья дверь открыл
В кабинет случайно,
Мы с Чхеизем гаварыл:
— „Рады чрезвычайно“!
Гулимджан! Гулимджан!
Знаим свае дело:
Мы Баку вам за ляржан
Уступаем смело!

¹ Т.-е. за деньги.—Н. Ф.

Закричали мы: «ай—ай»!
С невеселым физий:
— «Ради бога, посылай
Поскорей дивизий!»

Гулимджан! Гулимджан!
Знаим свае дело:
Продадим вам за ляржан
Душу мы и тело!...

Независимый Тифлис
Тут нам объявлялся.
Мы кричали: браво! бис!
И назад гулялся!

Гулимджан! Гулимджан!
Знаим свае дело:
Весь Кавказ мы за ляржан
Продаем умело!

Выше уже приводилось сообщение о том эффекте, который эта песенка произвела в... самой же меньшевистской Грузии, — в тех кругах, конечно, которые не имели отношения к «продающим за ляржан» Грузию. Опровергнуть самого факта никто не мог. Демьян это знал и потому смело бросал вызов:

Мартов! Попробуй дать «опровержение»,
Скажи громко, что я, дескать, лгу.
Я еще почище факты берегу...

Демьян крепко верил, —

... что близятся дни,
Когда будут они,

т.-е. «грузинские меньшевики — социал-духанщики, прохвосты и обманщики»,

Со всем угнетающим Грузию сбродом
Сметены, словно мусор, восставшим народом.

(«*Меньшевистский рай*»)

Не раз касался Д. Бедный и заграничных «меньшевиков», преимущественно германских. Заканчивается весь этот цикл на «социал-предателей» большою группою остроумных стихотворений, посвященных громкому эс-эровскому процессу 1922 года.

Кроме мелких стихотворений, на меньшевистско-эс-эровские же мотивы написана Д. Бедным и чрезвычайно любопытная поэма: «*Земля обетованная*», представляющая собою оригинальную попытку своеобразной перелицовки библейских сказаний на современный лад. Сам автор не без основания говорит о своей поэме:

Кто этой книги не читал,
Тот достоин сожаления.

Поэма построена чрезвычайно остроумно. Везде опираясь на подлинные библейские тексты, Д. Бедный изображает Моисея

и Аарона «настоящими большевиками», друзьями бедного рабочего люда, сторонниками смелых, революционных действий. За ними и пошли в конце концов массы, несмотря на голоса трусливых «меньшевиков»-шептунов. Когда Моисей занимался на Синае законодательством, Аарон один не справился с «соглашателями», и народ стал поклоняться «золотому тельцу». Глава VI поэмы повествует,—

Какими расправился Моисей мерами
Со своими буржуями, меньшевиками и эс-эрами,

как ему пришлось прибегнуть к «красному террору». Но всех врагов извести не удалось: «Елдад—меньшевик» и «Молад—эс-эр» опять повели свою злобную агитацию против «советской власти»,— и результат был печален: в обетованную землю евреи попали лишь через 40 лет, под руководством нового вождя—«главко-верха» Иисуса Навина. Заканчивается поэма замечательным нравоучением:

Намотайте себе это, братцы, на ус!
Берегите советскую власть—вашу скинию.
Большевистскую твердо ведите все линию!
Много ждет всяких бед вас—не скрою—
На пути к социальному строю.
Нерушимо держите завет свой и свято.
Если дрогнете вы, как евреи когда-то,
Слабость духа в беде обнаруживши ту же,
Ваш конец будет многим похуже!..¹

Отдавая столько сил борьбе с «лже-социалистами», Д. Бедный прекрасно понимал и старался убедить всех, что эта борьба отнюдь не вызвана только партийными счетами, что она—самый жизненный для нас вопрос, т. к. успех социал-соглашателей неминуемо означал бы *успех буржуазии*, означал бы гибель завоеваний рабоче-крестьянской пролетарской революции, означал бы новые потоки крови. Поэтому Демьян всегда призывал к борьбе суровой и беспощадной:

Чтоб волк эс-эровский не рвался до мясного,
Не оставляй ему не то зубов—корней!
Так будет дело поверней!

(«Корней»)

¹ Поэма написана в марте 1918 года. Впоследствии, в 1923 г., Д. Бедный сделал попытку ее продолжать, но дал лишь несколько отрывков («Земля обетованная». Часть вторая. (Отрывки)—«Правда», 1923, № от 12 марта). Очень интересен один, представляющий изложение библейского сказания об отборе Гедеоном верных воинов, трактованное Демьяном в аналогии с партийной чисткой. Нельзя не отметить и волнующего стихотворения «Моисей», в котором Демьян, вспоминая библейский рассказ о том, что главному вождю евреев, Моисею, не суждено было увидеть «земли обетованной», со скорбью думает о судьбе *нашего вождя*, о здоровье которого тогда как раз печатались тревожные бюллетени. Стихотворение это, особенно сейчас, когда мы потеряли нашего Ильича, производит очень сильное впечатление.

Предупреждения были не напрасны. Процесс 1922 г. с достаточной ясностью показал связь с.-р. с убийством т.т. Володарского, Урицкого, с покушением на В. И. Ленина, со взрывами мостов, складов продовольствия, с рядом бандитско-кулацких восстаний. Когда восстания вспыхивали, Д. Бедный не удивлялся им, лишь уверенно отмечал предательскую роль, которую играли в них «бывшие социалисты». Так, по поводу одного из последних и наиболее организованных восстаний—кронштадского—Д. Бедный писал:

Все те же карты, та ж игра
И козырь той же подлой масти.
Все те же игроки—враги советской власти:
Предатели—офицера,
Дворянские сынки—минувшего осколки,
Право-эс-эровские волки
И меньшевистская икра...
(«Предателям»)

В связи с кронштадтским восстанием Д. Бедному пришла крайне любопытная мысль—представить совершенно реально, что же бы произошло, если бы восстание удалось, если бы выкинутый эс-эрами и поддержанный Милюковым лозунг «советы без коммунистов» был проведен в жизнь.

В результате этих размышлений возникло одно из замечательных произведений Д. Бедного—его «апокалипсическая повесть»—«Царь Андрон», блестящий и остроумнейший сатирический памфлет.

Рассказ ведется от лица «мужицкого царя» Андрона, который воцарился на Руси после свержения большевиков. Написанная в манере пушкинской «Сказки о попе и его работнике Балде», повесть Демьяна Бедного отличается выдержанностью стиля, большой продуманностью и язвительной заостренностью, что делало ее для своего времени весьма убедительной агитационной вещью. К первому изданию «Андрона» приложено «послесловие», написанное К. Радеком, который разъясняет происхождение и идею этой любопытной повести.

«Это было в месяце марте ¹, — говорит тов. Радек: Москва полна была дурных известий о том, что в Тамбовской губернии антоновцы, создав банды, громили ссыпные пункты, что они пытались поднять крестьянина против советской власти; ходили слухи о кулацких восстаниях в Сибири. И пришло вдруг плохое известие о том, что под влиянием эс-эровской, меньшевистской и скрытой монархической агитации матросы в Кронштадте начали не менее плохую игру, которая могла бы открыть путь в Красный Петроград кораблям злодейской Антанты. Демьян Бедный расхаживал хмурый по Кремлю и смотрел на нас всех угрюмо. От времени до времени он заходил ко мне и спрашивал: «А что бы было, если бы произошел переворот, и что бы сделала контр-революция, если бы она победила?.. А как бы мужички построили

¹ 1921 года.

промышленность? а откуда с.-р. правительство взяло бы хлеб? и что бы сделала Антанта,—требовала ли бы от них уплаты старых царских долгов?..» Долго возился Демьян Бедный с этими мыслями... И с печалью великой думал он о том, какую же власть смог бы создать сермяжный народ, если бы он, взбунтовавшись от голода и холода, свергнул советское правительство. Без злобы думал Демьян Бедный об этом. Он смотрел на мужика, не как на дурака, ничего не понимающего; он пытался представить себе, что мог бы сделать у власти самый умный крестьянин, хороший, умный мужик, который знает, как торговаться на ярмарке при покупке лошадей, который умеет во-время посеять и побольше осенью собрать, дорого продать и дешево купить. И выдумал Демьян Бедный рассудительного мужика Андрона... мужика, который теперь, например, в Польше хозяйничает и там Витосом называется, или такого мужика, как болгарин Стамбулийский,¹ который взялся за управление своей страной.²

Вот ответом на эти-то вопросы: «А что было бы, если бы?..» — и является повесть. Таким мужицким царем, который воцарился в Москве после воображаемого свержения большевиков, и оказался Андрон, прозванный Хмурым за свой хмурый вид — от обуревающих его дум. Повесть излагается от лица царя Андрона, в виде его записок.

Мои убеждения окрашены, — говорит он, —
Мужицким доподлинным цветом;
Мои мысли мужицким сродни:
Мои мысли зимою одни
И другие — летом.

После этой «рекомендации» царя Андрона начинается самая повесть:

На четвертом году большевистского правления
Стали обнаруживаться удивительные явления:
Власть у нас хорошая, на зависть всему свету:
А порядка на Руси все нету:
То рабочие забастуют,
То мужики забунтуют,
То заварится кронштадская каша...

А вследствие того, «шут его знает, каким это вышло манером», Андрон оказался во главе народного ополчения:

Идет впереди меня мужицкая орда,
Берет за городами города —,

и вот Андрон везжает в Москву на белом коне, входит в Кремль через Спасские ворота, идет, конечно, к «священному Успенскому собору», принимает патриаршее благословение и провозглашает себя «всероссийским диктатором» —

Впредь до созыва новоизбранного Учредительного Собрания
(К чему будут приложены все мои старания), —

при чем создает «коалиционный кабинет», об'являя о том «всем правительствам союзной Антанты».

¹ Витос и Стамбулийский — представители кулацких слоев населения в Польше и Болгарии — были в свое время «допущены» буржуазией к власти, а затем убраны за ненадобностью.

² «Царь Андрон», М. 1921, стр. 101—103.

Затем начался прием депутатов:

Кого тут только не было, ты один, господи, веси:
И родовитые дворяне с остатками старой спеси,
И представители именитого купечества,
Якобы, готовые положить отощавшие животы на алтарь
отечества;

И шустрые фабриканты и заводчики,
И какие-то охотнорядские молодчики
Со значками—свидетельством их монархических убеждений;
И бывшие служащие государственных учреждений,
И депутаты мещанские,
И депутаты крестьянские,
И депутаты от рабочих текстильщиков и металлистов
(Беспартийных, эс-эров и умеренных социалистов);
И представители духовенства городского
И духовенства деревенского,
И представители монашества мужского
И монашества женского;
Татарские муллы, немецкие пасторы,
Еврейские раввины со свитками Торы,¹
Какие-то кустари, какие-то кооператоры,
Известные и неизвестные литераторы,
(Появились даже какие-то футуристы-диктатористы)
И драматические, и оперные, и балетные артисты...

Далее подробно описывается правление Андрона:

За границей мое уведомление
Привело всех в полное ошеломление...
Антантовские правительства оказались в растерянности,
Ни у кого и ни в чем не было уверенности;

однако, Ллойд-Джордж «послал под шумок политическую миссию»,
французы решили «использовать подходящую оказию и тран-
спортировать в Россию беглую буржуазию, этак больше мил-
лиончика душ», и даже прислали «почотную делегацию, вместо
постоянного официального представительства», а в то же время
усиливали доставку вооружения Польше, а —

Все средне-европейские и прочие нации,
Державившиеся германской ориентации
В великой империалистической войне.
Были ошарашены вдвойне,
Особенно волновалась Германия,
Не удостоенная моего внимания...
Польша, Финляндия, Лифляндия,
Эстляндия и Курляндия,
Верней, все окраины Российской империи,
Лишились сразу фанаберии...
Равным образом и королевская Румыния
Не могла скрыть своего уныния...

Затем идет великолепное описание «возродившейся Москвы»:

Москва гудела звонами колокольными;
Москва кишела старушками богомольными;

пошли балы в «благородном собрании» и пр. и пр.

¹ Тора—еврейское «священное писание».

Далее идут не менее колоритные описания внутренней политики царя Андрона, расправы с оставшимися большевиками, причем—

...Охранные отделения работали на славу,
Учиняя беспощадную расправу,

наиболее известных большевиков—

На Красной площади казнили публично...

Социал-соглашатели, конечно, свободно издавали свои газеты— «Вперед» и иные, при чем им не возбранялось даже печатать лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»; приехал из-за границы Чернов и явился к Андрону в качестве «председателя учредительного собрания», предлагая его немедленно созвать «путем доизбрания», явились Струве, Милюков, но последний с Андроном не сталкивался:

Был у меня и кадет Милюков.

Профессор, а странно, до чего бестолков.—

замечает Андрон; явился Гучков, Савинков, которого сочли нужным, впрочем, арестовать. Наконец, собралось учредительное собрание. Все пошло гладко, «по мною предусмотренному плану». На три четверти оно состояло из мужиков, которые быстро решили:

- Да нам, дуракам, тут и делать-то неча!
- Ни к чему нам в Москве канителиться зря!
- Рази ж можно управиться нам без царя?

Кто-то было заговорил о назначении срока выборов в государственную думу, но его не стали слушать, и Андрон был избран... императором.

Описывается коронация, приводится любопытнейший манифест. Подробнейшим образом изображается внешняя и внутренняя политика, вплоть до изменения школьных программ. Не все, конечно, шло гладко—пошли продовольственные и иные затруднения. А самое главное, «большевицкая гидра» не была уничтожена, и хотя—

О Ленине поступали каждый день донесения,
Что он окружон, и ему нет спасения,

но затем слух не подтверждался, и тут же получались такие вести:

В лесах за Мологой-рекой
Стоит отряд, неизвестно какой,
Но, как уверяет такая-то баба,
Она видела Троцкого, вышедшего из штаба.

Усиливался голод, усиливалось недовольство, промышленность стала, так как рабочие разбежались, опасаясь встретиться с прежними хозяевами. Тогда министр торговли и промышленности Рябушинский ввел трудовую повинность, что привело к возвращению в города «рабочих с настоящей классовой подоплекой»; пошли забастовки, бунты, произошло солдатское вос-

стание, а тут вспыхнула война Японии с Америкой и Польши с Германией; в войну пришлось вмешаться и России; англичане появились на Кавказе; в Польше и Берлине вспыхнула революция, образовалась советская власть, а Совнарком Московский собрался в Киеве; Англия под шумок—

Захватила Петроград и там водворила
Великого князя Кирилла;

наконец, и в Москве восстало население. Тогда Андрон, поняв, что положение безнадежно,—

В своем гардеробе доставши сермягу,
...тайком из Кремля выйдя тайной тропой,
Смешался с толпою...

В Москве восстановилась советская власть...

Такова эта любопытнейшая «апокалипсическая» повесть, в которой Д. Бедный путем художественной утопии показывает, что «свержение большевиков», если бы оно произошло, не улучшило бы положения страны, а лишь повергло бы Россию в новые испытания, возвратило бы к власти буржуазию и, в конце концов, народ опять бы неминуемо пришел к советскому строю (если бы, конечно, Антанта не сумела превратить «Андроновое царство» на долгий срок во «вторую Индию»). Написанная исключительно «на злобу дня», повесть эта сохраняет кое для кого свою поучительность и до нашего времени, не говоря уж об ее чисто художественных достоинствах.

Того, о чем фантазировал Демьян, к счастью, не случилось. Советская власть удержалась. И врагам стало ясно, что сломить ее в открытом бою нельзя. Кронштадтское восстание было последней серьезной попыткой потягаться с нами в открытой схватке. «Богатырский бой» на военных фронтах заканчивался. Советская власть неизбежно утвердилась—

От финских хладных скал
До пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижимого Китая,—

который уже... перестал быть «недвижным».

Красноармейским частям приходилось лишь заканчивать борьбу, ликвидируя кое-где по окраинам бандитские отряды и зорко охраняя советские рубежи.

Но враг наш оставался и остается все таким же, как и раньше,—ненавидящим нас, озлобленным, беспощадным и подлым. Не имея возможности победить нас, он всегда бывал рад, если ему удавалось хоть отомстить, досадить, вырвать из наших рядов хоть одного бойца. И на такие поздние, одинокие жертвы откликался Демьян.

Эту главу о «богатырском бое» в изображении Д. Бедного хочется закончить его трогательной балладой об одной из таких

поздних жертв—о «советском часовом». Приведу эту балладу полностью.

Советский часовой

Заткало пряжею туманной
Весь левый склон береговой.
По склону поступью чеканной
Советский ходит часовой.

Во мгле туманной берег правый.
За темной лентою Днестра
Припал к винтовке враг лукавый,
В чьем сердце ненависть остра.

Кто он? Захватчик ли румынский?
Иль русский белый офицер?
Иль самостийник украинский?
Или махновский изувер?

Пред ним, дразня его напевом
Рабочей песни боевой,
На берегу на том, на левом,
Советский ходит часовой.

Лукавый враг—стрелок искусный.
Послал он пулю, знал, куда.
Не не ушел убийца гнусный
От справедливого суда:

В кругу ль убийц, ему подобных,
Наедине ли, все равно,
Под вихрь и чувств и мыслей злобных
Ему мерещится одно:

Там, над Днестром, во мгле туманной,
Все с той же песнью боевой,
Все той же поступью чеканной
Советский ходит часовой.¹

¹ Об этом ст-и Л. Сосновский пишет, что «оно является едва ли не лучшим из всего, что написано Д. Бедным. Оно будет звучать долгие годы, его положат на музыку, его заучат дети в школах». («Прошу слово к порядку»). «Пророчество» Л. Сосновского исполнилось. Для «Советского часового» была написана музыка (мелодекламация) молодым, к сожалению, безвременно умершим, композитором В. Пергаментом. Им же написана музыка для мелодекламации к ст-м Д. Бедного: «Когда же он проснется», «Богатырский бой» и «Кларнет и Рожок». Ноты изданы изд-вом «Жизнь и Знание», 1922 г.

Советские будни

...В Нижний на ярмарку еду,
Как недавно ездил на боевые
фронты.

(«По старому адресу»)

Перед своим родным, перед рабо-
чим людом
Льстецом я не был никогда.

(«На перевале»)

Революционные будни начались давно, еще до «нэпа», поскольку всегда была будничная, рядовая работа, но главным образом, конечно, вступили они в свою силу с момента ликвидации военных фронтов и с нашим переходом в 1921 г. к новой экономической политике.

Наступила эпоха мирного строительства, пришли годы укрепления и внедрения завоеваний революции, повседневной трудовой борьбы за социализм.

И Демьян, как «верный солдат революции», быстро «демобилизуется», перестраивает свою «лиру» на мирно-производственный лад. Уже не «богатырский бой», не патетика военных битв, не грозные проклятия врагам интересуют его, а то, что выдвигает теперь жизнь; он бьет по иным врагам, еле уловимым, незаметным, порою ловко надевающим личину друзей. И опять ничто не ускользает от внимания Демьяна. И опять—и победы, и поражения, и ошибки, и достижения на мирном фронте, — все проходит через горнило его творчества: «нэп» с его отрицательными явлениями в быту, голод, Нижегородская ярмарка, изъятие церковных ценностей, борьба с вошью, Генуэзская конференция, сельскохозяйственная выставка, партдискуссии, борьба с вредителями в сельском хозяйстве, очередные выборы в советы, восстановление производства, кооперативные неурядицы и преступления, приезд иностранных рабочих делегаций и пр., и пр., и пр., — на все отзывается Демьян, где надо—разъясняет, где надо—агитирует, где надо—остро, смело, метко и неустанно высмеивает и обличает.

Всем известно, какие новые трудности несла с собой эта эпоха. «Новая экономическая политика» хотя и явилась совершенно необходимым шагом, но все же была некоторым «отсту-

плением», некоторой частичной капитуляцией перед капиталом, и вместе с тем — отрезвлением для тех товарищей, которые наивно мечтали ввести социализм в 2—3 года, преимущественно при помощи декретов и репрессивных мер. Многим приходилось быстро перестраивать свою психику, от революционной «романтики» боев переходить к «прозе» «гражданской» работы, приходилось «учиться торговать», к чему призывал В. И. Ленин.

И вот тем товарищам, у которых не было ленинской ясности мысли, которые, не имея понятия о сложности путей социалистической революции, наивно думали, что «нэп» — есть не временное, вынужденное отступление, не ловкий тактический шаг, а сдача позиции, чуть ли не отказ от коммунистической программы, Д. Бедный со свойственной ему ясностью, толковостью и убедительностью раз'яснял:

На какие пришлось нам итти заграждения!
Их наш бурный, бузудержный натиск скосил!
Но увы, под конец для прямого восхождения
Не хватило у нас человеческих сил.
И—в поступках своих объективно незольные, —
За собою влача черноземный народ,
Мы свернули теперь на дороги окольные,
Подойти к нашей цели стараясь в обход!
Выются эти дороги по-русски, извивами:
То над речкой, обросшей плакучими ивами,
То сыпучим песком,
То по пням, по кореньям, еловым леском,
То по хлябкой трясине,
То вперед, то назад, то вперед, то назад...
Нету вех, ни столбов верстовых и в помине,
И приходится ехать порой наугад...

Заставить крестьянина сделать сразу «прыжок в царство социализма» оказалось невозможным, а строить социализм без крестьянства в нашей стране с преобладающим крестьянским населением — также немислимо: с «мужиком» необходимо считаться...

Нам придется Митюхам-Ванюхам поддакивать...

Пролетарские мысли свои обволакивать

В цвет, приятный для их недоверчивых глаз,—

(«О нашем новом экономическом курсе»), —

прямо, без обиняков, говорит Демьян, раз'ясняя политику пролетарской партии по отношению к деревне.

Сохраняя, среди охватившей некоторые круги коммунистов растерянности, ленинскую трезвость и выдержку, Демьян поучал «ничего не понимающих» в «новом курсе» товарищей:

Пойми, что коммунизм есть свой жизни строй,

А не одни патронные заводы.

С великим строится трудом

Коммунистический наш дом.

Мы для фундамента лишь грунт еще трамбуем

И подбираем лес на сруб.

Друзья, победно мы тогда лишь возликуем,

Когда повалит дым из всех фабричных труб,

Пойдут все жернова советских мукомолен

И транспорт наш не будет „болен“.

(«Стружки»)

В то же время Демьян считал нужным успокаивать и обывательно-нэпманскую публику, никак не хотевшую понять, что поворот сделан «всерьез и надолго» и охотно верившую всяким провокационным слухам о новой «каверзе большевиков»:

Если б деревенские лошадки представляли собою грамотную нацию,—пишет Демьян,—

То, читая наши статьи про электрификацию,
Они б могли истолковать такое обстоятельство,
Как немедленное на лошадиную жизнь посягательство,
И не приписали бы нам ни капли благородства,
Сколь бы мы ни поощряли улучшение коннозаводства.
Иными словами,
Не каплет, граждане нэпманы, над вами,
Нэптесь в полной уверенности,
Что нэп рухнет не от большевистской «злонамеренности»,
Не оттого, что арестована некая самогонная баба.
А от революционных событий мирового масштаба.

(«О делах наркомфинных и пр.»—«Правда»,
1922, № от 27 окт.)

Но, «утешая» нэпманов, Д. Бедный понимал, что нам-то самим предстоят большие затруднения, и что для построения «коммунистического дома» не надо брезговать никаким «черным трудом». В эпоху, когда Владимир Ильич советовал «учиться торговать», в самых скромных делах надо было видеть большое геройство и уметь находить революционный пафос. И сам Демьян был готов подать пример, готов был делать все, что угодно, все, чего требовал момент, хоть... идти в Наркомзем, если это понадобится:

Там, встав на новую дорожку,
Писать я буду про картошку,
Про ранний взмет, про перелог,
Как мыслить план землеустройства...
В чем урожайности залог,
И если скажет кто затем,
Что я касаюсь «скучных» тем,
Что «где навоз, там нет геройства»—
Того я быстро излечу,
Послав на взбучку... к Ильичу!

(«Моя отставка»)

С нужной резкостью обрушивается Демьян на наших партийных нытиков из числа «рабочей оппозиции»:

Я не скажу, что нынче ведро.
Тут правды не зачем скрывать.
Но всё же я настроен бодро
И не намерен унывать,
Хоть на унынье нынче мода.
Из большевистского прихода.
Хоть человек я и не злой,
Я б гнал всех нытиков долой.
Одна любительница позы,
Из крайне-«левых» героинь,
Вчера шептала мне: «аминь»,
Рисуя мрачные прогнозы.
Я ей сказал: «Шалтай-болтай!
Не хочешь петь, так улетай!»

И приводит в пример мужичка, который три раза сеял просо, не унывал, когда оно не родилось, и наконец добился хорошего урожая.

Все это азбучно, бесспорно,—заканчивает свой рассказ Демьян,—
Но в этой азбуке—урок.
К чему стремится кто упорно,
То он получит в некий срок,
А в срок какой—ответить трудно.
Пороть горячку безрассудно,
Кому медлительность тяжка,
В том, стало быть, тонка кишка
Иль растянулась от натуги,—
Тогда для эдаких кишок
Партийный нужен ремешок...

(«Азбука»)

С глубоким сочувствием отмечает Демьян созвучную этим мыслям речь одного беспартийного крестьянина на X Съезде Советов:

— «Известно, мы живем покамест не в раю.
А всё же вылезать уж стали из провалу.
Зачем же думать нам о вражьей кабале
И низко кланяться чужому капиталу?
Поклонимся своей кормилице—Земле,—
И все нам даст она, что нужно!»
Съезд этой речи хлопал дружно...

(«С наступающим!»)

И поэт призывает всех к напряженной работе строительства:

Спасем работой напряженной
Коммунистическую Русь.
Работать все станки заставим,
Исправим всё и пустим в ход,—
И от смертельных мук избавим
Нуждой измаянный народ.

(«Благословение»)

В связи с переходом на новые рельсы, жизнь выдвинула много новых затруднений, которых или не существовало в эпоху военного коммунизма или которых тогда как-то не замечали.

Во всю величину встал вопрос о крестьянстве, о роли пролетариата в мелкобуржуазном окружении. Надо было создать для деревни такие условия, при которых крестьяне поняли бы, что иного пути им, как с пролетариатом, нет, чтобы они почувствовали, что им живется теперь *лучше*, чем жилось раньше. Властно встали вопросы о нашей некультурности, о невежестве, неорганизованности, неумении работать, неумении хозяйничать, неумении «торговать». С другой стороны, дали себя знать всякие «соблазны нэпа». Всплыли вопросы о «буржуазном обволакивании», о том, как понимать коммунистическую этику; пришлось заговорить о «комчванстве», о бюрократизме, пришлось устраивать партийные чистки, чтобы отместить негодные «примазавшиеся» или «разложившиеся» элементы; стала подвергаться переоценке даже партийная программа и тактика—пришлось пережить несколько всем памятных дискуссий, и т. д., и т. д.

Роль Демьяна, как писателя-сатирика, была в эти годы чрезвычайно ответственна, и надо сказать, что выполнял он ее всегда с честью, с большим тактом и смелостью.

Конечно, Д. Бедный не оставлял в покое и наших классовых врагов. Негодуя, бросает он упреки новой буржуазии, ловко и быстро приспособившейся в условиях «нэпа» и устраивающей свой мерзостный пир, если не во время чумы, то в дни голода и нищеты; язвительно клеймит Демьян «нэпманов» и всю отвратительную «нэповскую» накипь.

Проходят перед нами в новых демьяновских стихах и старые, знакомые, опять воспрянувшие Сысои Силычи, которые в диком раже справляют именины, попивая водочку и закусывая икоркой да балычком, и жертвуют на голодающих ... 45 копеек («Алтынники»); проходят и новые типы приспособившихся спекулянтов, катающихся на вновь появившихся лихачах («В Снекуляндии») и презрительно взирающих на прохожих («Эп!...»), и тому подобная «нэповская» публика, вызывающая естественное омерзение не только у пролетариата, но и у всех трудящихся.

На мотивы изнанки «нэпа» Д. Бедный задумал остроумную поэму «Нэтрад», написанную дантовскими терцинами. Начинается поэма так:

Я закричал, войдя в Нэпград:—«Ау!»
И подошел ко мне суровый некто,
Как я решил тогда: из Ге-Пе-У.
С особенным оттенком диалекта
Он молвил мне:—«Пожалуйте за мной!»—
И мы пошли вдоль Нэпского проспекта...

Тут глазам нового Данте открылась странная смесь старого с новым. Зашли в «советскую пивную»,—

Вон на стене, обрамленный изрядно,
Висит портрет... сказать неловко, чей.
Он мухами засижен весь изрядно.
Косой разрез прищуренных очей
Мне говорит...:
— «Не бойся!.. Устоим!..»

Я так прочел и, ободрившись, дал
Пошел вдвоем с водителем моим.
И очутились мы в громадном зале...

Далее описывается «игорный зал», где появляется особое существо—«Совкража»; затем пошли в Летний сад,—

Там узнаю
Крыловское зверье—как есть живое:
Проказница-Мартышка и Козел,
В больших очках и с холеной бородкой,
Ведут амур, а сзади них Осел,
Должно быть, муж, шагает с миной кроткой...
Салонный Лев (ужель воскрес «салон»?!)
За столиком Змею поит шампанским.
Веселый визг, и смех, и шум, и звон,—
Всё под гербом рабочим и крестьянским!..

К сожалению, продолжения поэмы не появлялось, а оно сулило бы немало интересного...

Но, может быть, потому Демьян и не стал эту поэму продолжать, что главную свою задачу он видел теперь не столько в изобличении возродившейся буржуазии,—в конце концов, более отвратительной, чем опасной,—сколько в бичевании *наших собственных недостатков и ошибок*.

Все знают, как Демьян направлял свои сатирические стрелы в наших «внешних врагов», но почему-то гораздо менее обращают обычно внимания на его стихи, изобличающие «врагов внутренних» или не вполне удовлетворяющих нас, не вполне находящихся на высоте своего положения *друзей*. А, между тем, роль Демьяна, как сатирика именно *советского быта*, не менее значительна, чем его выступления против буржуазии, белогвардейцев и их приспешников.

Л. Сосновский во вступительной статье к III т. Собр. соч. Д. Бедного совершенно правильно говорит, что только «невнимательные или недобросовестные читатели и критики» могли не обратить внимания на те стихотворения Демьяна, в которых он является суровым, язвительным, подчас даже придирчивым обличителем нашей советской действительности, всевозможных мелких и крупных «недостатков механизма». Те, кто наивно (или нечестно) считают Демьяна только «советским панегиристом», *грубейшим образом искажают его подлинную физиономию*.

И напрасно стали бы мы думать, что Демьян касается только мелочей, обличает лишь «мелких сошек». Нет, он нередко направлял свой сатирический бич и против весьма серьезных и существенных сторон нашей политики и против весьма «ответственных» товарищей.

Уже после того, как обнаружилось, что в обнищавшей стране, при блокаде, интервенции, разрухе, при невозможности сразу наладить транспорт и производство, *социализма немедленно осуществить нельзя*, многие товарищи все еще пытались делать вид, что у нас «уже социализм», обвиняли тех рабочих и служащих, которые, чтобы не умереть с голоду, вынуждены были прибегать к «самоснабжению», и не хотели допустить и мысли о возможном переходе на тот путь, на который повернула партия под руководством Ильича в 1921 г. Демьян *еще в 1919 году* обличал таких наших «горе-социалистов»:

...Ну, а как же насчет провианта?
Что вы все, извините за выражение,
Талдычите нам про «самоснабжение»!
Человек я на что крепкий смолоду,
А без «самоснабжения» давно подох бы с голоду;
У меня—жена, трое детей. да три старушки.
Прокормить их тоже не игрушки,—
И я бы от «самоснабжения» отказался с удовольствием,
Но снабжайте же вы меня, ради бога, продовольствием,
А не пищей... туманно-словесною!
Не кормиться же нам манной небесною!..

Демьян попадал не в бровь, а прямо в глаз тем «продовольственникам», которые полагали, что достаточно выдать населению продовольственные карточки и произносить агитационные речи насчет общего котла.

Тот, кто разорен до-тла,
Не откажется от «общего котла»;
Но вот что обидно—
«Котла» до сих пор не видно
А вы еще большую пророчите беду.
Имейте, товарищи, в виду,
Что вас слушают не ухом,
А брюхом!
И меньшевики это понимают.
Когда нас «критикой» донимают.
Средство одно против их доук;
Вышибать у них «голодный козырь» из рук.
Покажите-ж, какая у вас карта?
Не передохнем ли мы к концу марта?

Конечно, были об'ективные причины, от которых мы тогда голодали и устранить которые было не в нашей власти. Но на ряду с этими об'ективными причинами было, несомненно, много и бюрократизма, неорганизованности, головотяпства, легкомыслия; делалось немало тех «глупостей», которых в одной из своих новогодних речей Владимир Ильич язвительно пожелал «не делать в следующем году».

И Демьян все это понимал:

«Мне не сказ: не попрешь-де супротив рожна,
Мне победа нужна!—говорит он открыто,—
А уж по какому она совершилась плану,
Я победителя судить не стану.

Одни твердят насчет плана,
У других—кишки вопиют «из нутра».
Продовольственный Петр кивает на транспортного Ивана.
А Иван кивает на Петра.
Транспорт всем бедам причина:
Не везет паровая машина!
А машина свистит—она тоже права:
Подай мне дрова!
С дровами-ж заминка другая.
И стоим мы, друг друга ругая...

(«Матушка-Русь»)

Был такой у нас период, когда как-то словно у всех отвалились руки, и то, что раньше делалось просто и естественно, стало казаться непреодолимым препятствием. Водопроводы почему-то обязательно мерзли и лопались, хотя во-время отеплить их никакого особого труда не стоило и технически было вполне возможно и просто. Фонари и стекла в окнах оказывались почему-то обязательно разбитыми, хотя благополучное их существование, кажется, никак уж не затрагивалось интервенцией и блокадой. Имущество с фабрик и заводов расхищалось и исчезало неизвестно куда, хотя охранять его вовсе не было уж так

трудно, и т. д., и т. д. Кто не помнит случаев, когда какой-нибудь уездный городок, расположенный в самой что ни на есть лесной стороне, оказывался на зиму без дров; когда никак не могли усилиями чуть ли не всего населения счистить снег с улиц; когда почему-то всё стало необычайно грязно, неприбрано, заплывано... Разумеется, и для всего этого, как и для голода, имелись налицо и объективные причины, но... ой, как много тут было и разгильдяйства, и сознательного саботажа, и бессознательного «махания рукой», и обломовщины, вдруг безудержно хлынувшей через край, и некультурности, неорганизованности, глупости. Все это грозило затопить и поглотить завоевания революции, отпугивало от нее значительные слои населения; все это грозило запятнать в сознании масс светлые идеалы коммунизма,—и потому было в высшей степени *контрреволюционно*. И со всем этим боролась наша партия в лице ее подлинных (а не «примазавшихся») представителей. Против всего этого сильно и настойчиво восставал и Д. Бедный.

Он призывает всех «бороться с самими собой»—

С нашей косностью, с ленью природной,
С темнотою вековою народной,
Облегающей нас, словно море, кругом.

С социальным управимся, братцы, хозяйством,—говорит он,—
Лишь покончив с последним, но злейшим врагом:
С безответственным, рабским, тупым *разгильдяйством!*..

(«Матушка-Русь»)

Проклятое наследие прошлого, казенный чиновничий формализм и бездушный бюрократизм немало вставляли палок в колеса нашему советскому строительству. И часто у нас, вместо того, чтобы действительно что-либо сделать, делалась только *видимость дела*, только формально-бумажная его сторона: учреждение работало,—стучали машинки, писались бумажки, служащие получали пайки и жалованье, производили «учёт»,—а результатов работы не оказывалось никаких. У обывателей невольно возникало убеждение, что если что-нибудь взято «на учет», то в результате оно... вовсе исчезнет—неизвестно куда. В шутовском стихотворении «Снежок» Д. Бедный намекает именно на эти обычные последствия «учета»:

Эвон, снегу сколько, шутка!
Нет ни краю, ни конца.
Не горюй—не плачь, Машутка:
Жди от Вани письмаца.

Мы дороги все исправим
Без особого труда:
На учет весь снег поставим,—
Снег исчезнет без следа!

Одно время мы особенно болели «централистскими» увлечениями и создавали всевозможные «главки» и «центры», вплоть

до самых мифических, вроде «Центролекта»¹ или «Центрутиля». ² Этой болезни Д. Бедный посвятил одно из самых остроумных и язвительных своих стихотворений, которое приведу целиком, вместе с эпиграфом.

Главмех или центросмех.

Вологодский губпродком просит повысить цену на белку, так как вздорожали охотничьи припасы, и цена выстрела выше цены белки.

Главмех ответил, что цены надо не повысить, а понизить, ибо охотник должен на 10 выстрелов получить минимально 15—20 белок. «В Сибири каждый промышленник берет на ружье до 150 белок в день».

(Отношение № 22 от 9 дек. 1918 г. Главного Упр. предприятиями меховой промышленности. Отдел снабжения).

Главкоцентры, центроглавки,
И хвосты у каждой лавки,
Главкоругань, центрошум,
Без бумажечки Главбум,
Ходишь всюду—брови хмуришь,
Главкоспичкой не закуришь,
Главтабак без табаку,
Главтелега на боку.

У Главмеха нету меха,
Да зато помрешь со смеха:
Комиссар—из первых док
И в мехах большой знаток.
Замечательный работник—
Помечтать большой охотник.
Вот, идет стрелок в лесу,
Белки прямо на носу,—
Дело—сушие безделки:

«Раз пальнул—убил три белки.
Куда хочешь, туда день.
Полтора ста белок в день.
Не охота, а забава:
Белки слева, белки справа...
Бей, зарядов не жалей,—
Выстрел стоит пять рублей.
Белка стоит рубль с полтиной!»

Почему же с кислой миной
Смотрит вместе со стрелком
Вологодский Губпродком?

¹ Не помню точно, как это слово расшифровывалось, но оно нечто вроде всероссийского распределителя лекторов. Дничилося несколькими заседаниями, на которых присутствовал век 15—20 московских лекторов. Затем это знаменательное было ликвидировано, т. к. никакого смысла в его существовании не было. Какой смысл был его учреждать—это, как говорится, «покрыто мраком неизвестности». рассеет котс быть, будущий беспристрастный историк Наркомпроса.

² Так называлось центральное управление по утилизации отбросов. Деятельность этого учреждения, кажется, степени также протекала на бумаге. Скоро и оно было

означало
ело огра-
ало чело-
; учрежде-
ествовании
тся в таких
рый, может

и (использова-
в значительной
ликвидировано.

Рядом с этим стихотворением надо поставить и другую замечательную сатиру Д. Бедного—стихотворение «О дохлой кобыле». Произошло такое, в те годы обычное, обстоятельство: на улице у извозчика сдохла кобыла,—да как раз у самого Кремля, на Неглинной. Не пропадать же ей зря:

За клячу дохлую вступили в спор—Главжир,
Центроутиль, Главкость, Главшерсть, Главмыло...
Сначала главков пять иль шесть,
А после—трудно перечесть.

Поднялись: «Высовнархоз» и Химоснова, Главтук, Главкож, Наркомвнудел, Наркомздрав, даже Наркомпрос, так как кобыла лежала на Неглинной—«к ТЕО недоходя»¹; было созвано специальное заседание Московского Совета.

Заволновались депутаты,
Пошли горячие дебаты:
Кому, когда, куда кобылу убирать?
Как помирить враждующие Главки?
Ведь не на улице ж кобылу раздирать...

Когда, наконец, решение было вынесено, оказалось, — что дохлая кобыла—

Искали—не нашли!—пропала без следа...

Но дело и на этом не кончилось. Пошли споры на тему: «кобыла-то была ли?» Вмешалась Ве-Че-Ка, которая установила (показали «каких-то два отпетых смельчака»):

— «Кобыла дохлая была!
И на Неглинной,—да, к Воздвиженке с угла,—
Лежала две иль три недели,
Пока ее собаки всю не с'ели!..»

Волокита, бюрократизм, пристрастие к бумажкам за номерами, необходимость часто из-за мелочей тратить массу времени на хождение по различным инстанциям заставляют Демьяна написать характерный «воплъ благонамеренного обывателя», все сступление которого состояло в том, что завелся у него парнишка,—

Двухгодовалый парнишка,
Топотунчик такой, вылитый папаша...

И вот, оказывается, целых два года никак не удастся вписать «наследника» в трудовую книжку. Как будто все в порядке: отец налицо, из родовспомогательного заведения соответствующая бумага имеется, даже с отметкой, что «младенец

—Театральный Отдел Наркомпроса—помещался тогда на Неглинной,—как раз против окон Демьяновой квартиры.

¹ ТЕО Неглинной, 9

остался без крещения»; члены домового комитета также готовы подтвердить, что требуется.

Казалось бы, какого еще рожна?
Ан, еще какая-то бумага нужна,
Требуют еще каких-то подтверждений.
В результате наших хождений
Туда, и сюда, и неизвестно куда!
Получили мы адрес... народного суда
Что ж это такое за глумление? — недоуме-
вает «обыватель», —
Какое мы с женой учинили преступление?..

И, пожалуй, замечает Демьян, не удивительно будет, если, желая избавиться от таких, неизвестно чем вызванных, мытарств, иной обыватель обратится к «попу Агафону»:

— «Валяй, батя, по старому закону!
Сынок у меня — по второму году,
Не сынок, а советское злодеяние.
Окунай его скорее в воду
И отпусти мою душу на покаяние!»
(«Доколе же?!»)

В таком же духе, но уже без юмористического оттенка, а в тоне явного недовольства на творимые у нас иногда «именем закона» безобразия, рассказывает Демьян печальную историю мытарств учительницы Бездомной, у которой украли жакетку. Вор нашолся и жакетка нашлась, но... владелице ее не вернули, а приобщили в качестве «вещественного доказательства» к делу. И вот, чтобы получить свою же собственную вещь, учительница зимой в летнем пальто скиталась из милиции в «Мур» из «Мура» в Народный Суд, из «Нарсуда» — опять в милицию и т. д. — без конца («Вещественное доказательство» — «Правда», 1923, № от 27 мая).

На ряду с подобными «недостатками механизма», Демьян бичует и *прямые преступления*, старательно выискивая сообщения о них в газетах и собирая соответствующие материалы. Например, в марте 1921 г., когда еще наш транспорт не был налажен и перевозки необходимейших грузов совершались с трудом, некий Хознин, состоявший комиссаром западных дорог, посылает комиссару Бахмачского уезда *Красновскому* следующее «отношение»:

«Прошу оказать содействие товарищу Севрук. Этот товарищ покупает коз для меня и помощи начальника тяги. Прошу дать вагон для перевозки этих коз. Буду очень благодарен. Вагон дадите будто бы для поездки за материалами и частями».

Если бы гр. Красновский был честным работником, то, понятное дело, это знаменательное отношение «комиссара» Хознина он должен был бы направить в ВЧК или в Раб.-Кр. Инспекцию или Наркомпуть. Но гр. Красновский считал более для себя удобным угодить ближайшему «начальству» — комиссару Хознину, — и, разумеется, просимый вагон был дан, а козы были благополучно доставлены... Только потом вся эта история попала в газеты.

И вот Демьян, узнав об этом, пишет острое стихотворение-вызов «*Про козу*»:

Ой вы ноги мои. ноги!
Ой ты пешая стезя!
На железные дороги
Уповать теперь нельзя.

Сесть на буфер—путь опасный,
А в теплушку не попасть.
Коль вагон прицеплен классный,
Значит, едет наша власть.

Подошел я для поклона,
Глянул—выпучил глаза:
Ходит важно средь вагона
Комиссарская коза!

После этой передряги
Я очухался с трудом.
— Комиссар, начальник тяги —
Неужель не под судом?..

В таком же духе стихотворения «*Миколки*» и «*Мотоциклет*», предваряемые характернейшими эпиграфами, которыми Д. Бедный выводил «на свежую воду» наших подлецов-шкурников. Оба эпиграфа столь характерны, что привожу их целиком:

1. Состоявшееся на-днях совещание ж.-д. окружных транспортных отделов вскрыло некоторые интересные стороны нашего ж.-д. хозяйства.

Было, прежде всего, указано на деморализованность ж.-д. охраны. Представитель моск. отдела подтвердил, что среди охраны замечается пьянство и крупная картежная игра. Самым большим вопросом является хищение грузов. В нем *принимает участие и охрана, и ж.-д. служащие (!)*, наравне с профессиональными бандитами. Хищения начинаются с фунтов и кончаются вагонами. Выставляя караул и не допуская никого близко, ж.-д. охрана самым наглым образом расхищает продукты и ценные грузы. Не раз дело доходило до вооруженных столкновений. В хищениях замечены дежурные по станции. Они намеренно отделяли вагоны, из которых похищались грузы, а затем вновь накладывались пломбы (1919 г.).

2. Машин в нашем гараже шесть и смеси выписывают на шесть, но ходят только две машины, а смесь расходуется очень быстро, так что я замечал: когда только привезут смесь, то со всех сторон бегут с бутылками и чайниками—из своей команды и посторонней публики; командный состав тоже берет понемногу,—когда бутылки две, а когда и больше нальют, и всем этим заведует старший гаража, который не успевает выписывать... За одну неделю израсходовано на две машины и одну мотоциклетку 100 пудов, а следующая получка смеси, в количестве 100 пудов, хватила *только на три дня* и то на одну машину, так что заведующий работает во всю... («Из письма шоффера»).

От всего этого сейчас веет уже далеким прошлым, но в те годы это были такие «мелочи», которые грозили погубить собою все наши завоевания, и самая яростная борьба с ними была первейшим долгом каждого коммуниста, каждого честного беспартийного. Демьяновские стихи неуклонно напоминали о необходимости этой борьбы.

Не скрывает Демьян и темных сторон партийной жизни:

К чему неискренняя лесть?
Я говорил довольно часто,
Что коммунистов дельных на сто
Отнюдь не сто, а... то, что есть.
Недурно б их иметь поболее,
Но что поделаешь? Увы,
Коммунистическое поле
Тож не без мусорной травы.

(«Светолечение»)

Смело бичует Демьян «комчванство» и «коммешанство» в замечательном стихотворении «Новогоднее». Сначала он иронически подделывается под тот тон, который можно было нередко слышать:

Теперь я шествую сторонкой
И, озираясь назад,
Пишу, хе-хе, на общий лад.
Пишу ни весело, ни скучно—
Так, чтоб довольны были все.
На Шипке все благополучно.
Мы—в новой, мирной полосе.
Программы, тезисы, проекты,
Сверхсветовые сверхэффекты,
Электризованная Русь..
Все перечислить не берусь...

А затем он говорит уже серьезно, «от себя»:

Нам приходилось очень круто.
Но труд—мы верим—нас спасет.
Все это так. Но почему-то
Меня под ложечкой сосет.
Боюсь, не шлепнуть бы нам в лужу.
Я вижу лезущих наружу—
Не одного, а целый стан—
Коммунистических мешан.

Мешанство.— вот она отрав!—
Его опасность велика.
С ним беспощадная расправа
Не так-то будет нам легка.
Оно сидит в глубоких норах,
В мозгах, в сердцах, в телесных порах
И даже—выскажусь вполне—
В тебе, читатель, и во мне...

Где есть мешанские привычки,
Там налицо—мешанский быт.
Там (пусть советские) иконы,
Там неизменные каноны,
Жрецы верховные, алтарь...

Там—общепризнанное мнение.
Там—новый умственный Китай,
На слово смелое гоненье,
На мысль нескованную—лай;
Там—тупоумие и чванство,
Самовлюбленное мешанство,
Вокруг него обведена
Несокрушимая стена...

Немало стихотворений написал Демьян для иллюстрации отдельных проявлений этого «коммешанства». Таково, напр., стихотворение «Укрепляют советскую власть», начинающееся, после длинного эпиграфа—выписки из «Правды» о том, как состоялось в г. Ярцеве торжественное бракосочетание «комиссара»,—такими строками:

Как в Ярцове комиссар,
Комиссар,
Настоящий лейб-гусар,
Лейб-гусар!
Вот он в церкви под венцом,
Под венцом,
Смотрит бравым молодцом,
Молодцом!
Сторонися млад и стар,
Млад и стар:
Это едет комиссар!
Комиссар!..

И т. д.

Подобные типы были, конечно, в изрядном количестве вычищены из партии. О них Д. Бедный с презрением говорит в стихотворении «Призыв»:

«Коммунисты», «коммунистки» —
В Петрограде и в Уфе...
Шик советской машинистки.
Блеск советских галифе.

Шумный бег автомобилей,
На столе — балык с икрой
Пред голодным простофилей
Воплощали новый строй.

Но Демьян знает, что окончательно избавиться от этой «моли» трудно, и он призывает к особой и неустанной бдительности:

Будьте ж, братья, все на-страже:
Надо моли прыть унять.
Чтоб случайно нечисть та же
Не пролезла к нам опять...

Место в партии — рабочим,
Лишь для пчол — пчелиный рой;
Выгнав трутней, мы упрочим
Трудовой советский строй.

Одним из проявлений «комчванства», соединенного с провинциальной некультурностью, является неоднократно имевшее место *комсомольское хулиганство*, против которого в начале 1925 г. на учительском съезде произнес такую резкую речь тов. Бухарин. Не проглядел и Д. Бедный этого печального, столь дискредитирующего советскую власть, партию и комсомол явления.

Он колоритно рассказывает (ст-ние «О кривых наростах деревенской комсомолки, о ненужном озорстве и своеволии», — «Правда», 1925, № от 25 марта) о том, как —

... Комсомольцы устроили увеселение,
«Агитацию» в некотором роде:
При всем честном народе
За попом, отцом-Иваном,
Гонялись по улице с арканом...

и замечает по этому поводу:

Несмотря на зимнюю стужу,
Вся глупость у них выперла наружу...

Тут же передается и другой, не менее дикий, эпизод, как комсомольцы повытаскали ночью все кресты с кладбища и порасставили их около изб. Создается Демьян, что есть у него и еще «материальцы», но до поры до времени он уж считает лучшим о них помолчать...

Отразил Демьян и наши партдискуссии последних лет. Нечего и говорить о том, что сам Демьян всегда стоял неуклонно на ленинской, цекистской линии и ни к каким фракциям, ни к каким «уклонам» никогда симпатии не имел. Не даром сам Ильич как-то раз сказал:

У нашего Демьяна хорошая ноздря!

(«Чья правда правдистее», — «Правда»,
1924, № от 11 янв.)

В связи с острой полемикой о политике ЦК и партаппарате Демьян вспоминает эту Ильичовскую аттестацию и поясняет, что она означает:

Станет чуткий человек перед замысловатым вопросом,
Потянет этак ноздреватым носом
И, сморщившись иной раз преуморительно,
Покачает головой неодобрительно:

«А душок-то как-будто не таё...

Чувствуется гнилье...

Не подвергнуться бы нам гнилостному заражению!...

Вот что значит чутье,

Или «ноздря», по Ильичовскому выражению.

Руководясь этим «чутьем», во время дискуссионных споров, зимой 1923—24 г. г., когда —

... пошел такой дым,
Что некоторым партийцам, особенно молодым,
Не удалось удержаться от головокружения,—
Послышались «угорелые» выражения. —

Демьян в качестве «партийного старообрядца» не замедлил выступить со своим словом вразумления, предупреждения и ободрения. Растерявшимся товарищам в январе 1924 г. он говорит:

Видали мы всякие виды! —

и хотя теперь—

Игра обогащена новой фигурой
Этакого, скажем, львиного наименования.
Впадать в панику нет основания:
Стальной слон нашего фронта единого
Не задрожит от рычания львиного,
Как не дрожал он до 17 года,
Когда фигура этого рода,
Большевистской игре не особенно мирволя,
Пребывала вне шахматного поля.

Переходя к сути дискуссии, Демьян говорит, что она — «общий грех», а пуще всего виноваты те, которые

Расплодили идолопоклонников:
— «Вождь! Вожди! Вождей! Вождя!»
Вождей, как грибов после дождя!
Рядом с Лениным, гениально скромным.
Дали раздуться самомнениям огромным,
Сами на них пальцами тыкали,
А теперь захныкали,
Кое-где обнаруживши «новую» настройку:
— «Партию — к чорту! Аппарат — в помойку!»
Не троньте нашего недотрогу! —
Недотрога укажет верную дорогу»...

И Демьян, «избегая ненужного улюлюканья и свиста», дает хороший совет: не надо особенно гоняться за «вождями», за «партийными сверх-мудрецами», а прежде всего прислушиваться к голосу «рабочих простецов», —

Рабочих простецов — испытанных бойцов,
У которых все этапы к пролетарской диктатуре
Отложились большими рубцами на «собственной шкуре». —

тогда сразу и будет видно, «чья правда правдистее».

Демьян указывает на то, что перед партией стоят более ответственные и неотложные задачи, что ей нужно обратить главное внимание не темную крестьянскую массу:

До междоусобного ли тут куражу,
Когда пароход еще тянет за собой громадную баржу,
Крестьянскую баржу, неохотливую,
Неподатливую, неповоротливую.
Тут, знай — следи за прочностью смычки,
А у этой смычки — тридцать три заковычки...

(«Про то же, про главное», — «Правда»,
1924, № от 15 янв.)

И Демьян, без обвиняков, дает категорический совет — *кончить дискуссию*, потому что она *вредна* для партии, вредна для дела пролетарской революции:

Злой дискуссии семя посеяно злобное.
Больше некуда ширить распутство подобное.
Будет — партию этак мотать и качать!
С безобразием этим надо кончать!

(«Чья правда правдистее»)

Конец дискуссии положило событие, которого никто в этот момент не ожидал и не предвидел, — смерть великого и подлинного вождя — Владимира Ильича. Как бывало мирил он при жизни нередко всякие разногласия и всегда указывал правильный путь, так и смертью своей он сразу «вымел мусор раздора из партийной избы», — по выражению одного из бесчисленных, написанных на смерть вождя, скорбных стихотворений. Но, прекратившись в дни великого горя и небывалого под'ема, дискуссия менее чем через год вновь вспыхнула, внешне по другому поводу — в связи с «Уроками Октября» Л. Д. Троцкого.

И Демьян опять не преминул сказать свое слово партийца-сатирика (остроумнейшее стихотворение «*Бумеранг*», — Правда, 1924, № от 28 нояб.), хотя сделал это и не с легким сердцем:

Считаться с Троцким, почти как с врагом,
Разве этого сердце хотело?..

Но тут же Демьян отмечает, что «нет худа без добра». Всем памятно, как выступление тов. Троцкого вызвало необычайно дружную отповедь со стороны крупнейших партийных теоретиков, заставило их осветить и научно обосновать ряд важнейших проблем ленинизма и привлекло к этим вопросам широкие круги партийцев и даже беспартийной советской интеллигенции.¹ Это и имеет в виду Демьян, когда говорит:

Из-за пресловутых «уроков октября»
Получилась не малая пря.
Закатали «учителю» сплошные октябрины....

но —

Вот эта самая пря.—
Все это было не зря,
Не пустым все было словесным потоком:
Все, и в шумной Москве, и в глухой трущобе,
Подверглись партийной учобе...

(«К шапошному разбору», — «Правда»,
1924, № от 21 дек.)

Касается Демьян и тех отдельных вопросов, которые, не доходя до размера «партдискуссий», время от времени возникали в последние годы, вносили немалую сумятицу и порою, особенно «на местах», решались крайне упрощенно и неразумно. Так, напр., в связи с появившейся опасностью «буржуазного обволакивания», которому подвергаются коммунисты, местами договаривались до явных нелепостей, видя чуть ли не измену партии в том, если партийный работник... нанимал прислугу, чисто одевался, обзаводился некоторым хозяйством, напр., приобретал корову, и т. д. Особо остро ставился этот вопрос в деревне где склонны были иногда считать «кулаком» чуть ли не всякого мало-мальски успешно ведущего свое хозяйство крестьянина.

¹ Главнейшие статьи собраны в книге: «За ленинизм», ГИЗ, М.—Л. 1925.

Вот в связи с подобными «недоумениями» Д. Бедный пишет одно из остроумнейших за последние годы своих стихотворений— «Хрюкающий нэп». Приведу его полностью:

Хрюкающий НЭП.

Парт-прокурору т. Ярославскому, секретно.

Тому, примерно, год назад (не мной, не мной!)
Моей женой
Был куплен поросенок в совхозе,
Буржуйчик этакий породистый, свиной,
Жил в чистоте он, не в навозе,
Жрал сытно, рос и креп,
А назывался—«НЭП».
«Нэп» этот самый годовалый
Имеет нынче вес немалый:
Двенадцать пудиков! Расперло подлеца!
И вот на мне теперь от страха нет лица.
Ну что, как ЦКК проведает об этом?
Не лучше-ль с заднего крыльца
Мне к Ярославскому толкнуться за советом?
Раз кой-кого из нас уж время взять в зажим,
Раз в центре, а равно и по углам медвежьим
Стал отдавать душком несвежим
Партийно-бытовой режим,—
А в положении нелепом
Нэпомврежденного быть не хочу я тож.
То как же поступить мне с хрюкающим «Нэпом»?
Вогнать ли в бок ему, немедля, острый нож
Иль нет на это разрешенья?
Откудова считать «начало прегрешенья»?
Что делать? Я на все готов,
Не привлекаться б лишь к ответу.

— «Нэп», хрюкай!—До скольких, однако же, пудов
Рекомендуется растить скотину эту?!¹

(«Правда», 1923 г., № от 4 ноября)

¹ В примечаниях к VII т. Собр. соч. Д. Бедного комментатор т. Лелевич не понял сути этого стихотворения и поясняет его так: «Некоторые нестойкие коммунисты истолковали НЭП в том смысле, что и коммунистам следует обрести мещанским довольством и богатством. Когда партия тянула таких любителей уюта к ответу, многие из них лицемерно ссылались на то, что «грешили», мол, не они, а их жены. Демьян Бедный метко ударил по этим болезненным явлениям. Басня (!) имеет и другой, более глубокий и общий смысл: она лишний раз указывает, что НЭП введен не на вечные времена, что «эту скотинку» и пролетариат должен сейчас кормить, но что он будет кормить ее лишь до определенного предела» (Стр. 317). Всякому, не зараженному «левым уклоном» т. Лелевича, совершенно очевидно, что смысл «Хрюкающего нэпа» совершенно иной: не в тех коммунистов, которые заводят поросят и ссылаются на своих жен, метит *на этот раз* Демьян, а, наоборот, в тех, кто склонен видеть «кулака» в любом середняке, покупающем, скажем, вторую лошадь. О том, что «нэп» не вечен, в *этом стихотворении* Д. Бедный и не собирался говорить: его в данный момент интересовал совсем другой вопрос—о чрезмерном испуге перед псевдокулачеством.

Не раз попадало от Демьяна и отдельным «ведомствам» — комиссариатам, при чем он нередко затрагивал также очень существенные стороны нашей политики и весьма ответственных товарищей. Особенно возмущало Демьяна, когда он видел, что на словах говорится у нас одно, а на деле выходит «совсем даже напротив».

Вот, напр., попал он как-то в вагонные мастерские Курской ж.-д., — думал обойти все цеха, но, «попавши в цех кузнечный», «скапустился сразу, угоревши от какого-то газу», — оказалось, что отсутствует необходимая вентиляция, и все попытки добиться ее устройства не принесли никаких результатов. Демьян пришел в ужас — ведь

Рабочие среди этого чаду
Томятся восемь часов кряду, —

и пишет «ходатайство» в НКПС, «кому следует, кто этим делом заведует», — сделать распоряжение «насчет этого самого мотора», без которого нельзя наладить вентиляцию. И тут же, обратив внимание на то, в каких условиях рабочие живут, пишет другое ходатайство, в МКХ, тоже «кому следует, кто этим делом заведует», в частности, — тов. Лаврову:

Многие рабочие Курских железнодорожных вагонных мастерских
Живут в условиях не-людских;
В каких именно, не стоит рассказывать,
Печальную истину доказывать.
Сколь их ни улещай «пролетарской диктатурой», —
— «А вот-де буржуи в лагеря угодили!» —
Стоят рабочие диктаторы с головою понурою:
— «Эх, лучше б нас в эти лагеря посадили!
В них светло,
И тепло.
Не дует ни сверху, ни снизу,
Голуби воркуют по карнизу,
Садик и двор.
Воздух, простор...
Вот Новоспасский монастырь, между прочим.
Отдать бы его под жилище рабочим!
Какая же это, скажите, тюрьма
Для всякого преступного дерьма?»
Товарищ Лавров, я такого же мнения.
Надо поступить без стеснения:
В настоящую тюрьму — жулье
И всякого рода эксплуататоров!
А Новоспасский монастырь — отдать под жилье
Для живущих в подвалах «рабочих диктаторов»...

(«Мои ходатайства»)

Тяжелое материальное положение рабочих в стране, в которой они являются правящим классом, всегда вызывало особое сочувствие Д. Бедного. Прекрасно, конечно, учитывая наши общие материальные ресурсы, которые не позволяют для всех трудящихся немедленно же создать вполне удовлетворительных условий жизни, Д. Бедный не может помириться с тем положением, когда полуголодное существование рабочего считается как бы

чем-то нормальным; когда на него не обращают внимания на «верхах»; когда эти «верхи» фактически отрываются от масс и, довольные чисто внешним с ними общением, пребывают в сладкой уверенности, что «на Шипке все благополучно». Со всем недавно, летом 1924 г., Д. Бедный написал на эту тему замечательное стихотворение, посвященное также быту железнодорожников.

Начинается оно такой «умилительной» картиной:

Нагляделся я на большие собрания:
В глазах пестрит от электрического сияния,
Народу в зале—не счесть,
Давка—ни стать, ни сесть,
На эстраде—президиум солидный,
Ораторствует большевик видный,
Стенографистки его речь изувечивают,
Фотографы его лик увековечивают,
Журналисты ловят «интересные моменты»,
Гремят аплодисменты,
Под конец орут пять тысяч человек:
— «Да здравствует наш вождь имя-рек!»

А дальше рисуется в контраст с этой иная картина: на захолустной ж.-д. станции, в Евпатории, служащий тяги Дмитриенко Емельян, который один и в праздник и в будни бессменно «мордуется»—и подметает, и таскает кули с углями, и убирает поездной состав—с утра до ночи бессменно на ногах, и за все это получает *девять рублей в месяц*. Но 9 руб.—это так только говорится; на деле же из них *четыре* «добровольно» отчисляется: в профсоюз, в МОПР, в Воздухофлот, в Доброхим, на «долой неграмотность», в кассу взаимопомощи, на газету «Гудок» и еще неизвестно куда и на что,—и в довершение всего, он, этот самый Дмитриенко, бегая с раз'еденными солью босыми ногами, еще и не унывает и даже как будто стесняется, что пришло такое настроение—пожаловаться на свою судьбу:

...Простите же нас, дорогой,
Что вчера мы перед вами маленько похныкали.
Это верно: бывает порой чижало,
Точно рыбе, попавшей на сушу,
А в беседе-то вот отведешь эдак душу,
Глядь—совсем отлегло...

(«Тяга»,—«Правда», 1924. № от 17 июня)

Вот обо всех этих серых, незаметных тружениках, об этих бегающих босиком и обходящихся на 5 р. в месяц «рабочих диктаторах» и считает нужным напоминать Д. Бедный «имя-рекам» в центре, чтобы предостеречь их от столь опасного бюрократического самообмана, приводящего порою к забвению о действительных целях революции.

С босыми железнодорожниками могли (чуть ли еще не в прошлом году) успешно потягаться в споре—кому меньше всего

перепадает от «советского пирога» — *просвещенцы*.¹ Учитывал и это Демьян и немало от него доставалось Наркомпросу, — и вообще и в частности. Задавшись вопросом, когда же, наконец, у нас будет применено к рабочим и крестьянам «культурное светолечение» и как его применять, Демьян говорит, что этот «вопрос»...

...решает Наркомпрос —
И все решить его не может...
Из-под словесных позолот
Наружу плесень прет сырая,
Доселе нет конца и края
Просторам умственных болот.
А Наркомпрос наш — вроде «турки»
С несокрушимой головой.
Мы не имеем световой
Не то Каширки, хоть Шатурки²,
И в темноте до сей поры
Средь городов и средь селений
Ползут, ползут все те ж пары
Гнилых болотных испарений.
(«Светолечение»)

Д. Бедный понимает, конечно, что главная причина и тут — наша общая бедность, но справедливо полагает, что и при том финансовом положении, которое тогда (1922 г.) существовало, все же можно и должно было изыскать добавочные средства для народного просвещения, напр., путем введения специального целевого налога на «нэпманов» или принудительного займа. Сильное стихотворение написал он по этому поводу 29 нояб. 1922 г. — к «неделе помощи школе», озаглавив его «*Подайте*». Приведя в виде эпиграфа сообщение о бойке торговли, которую ведет «самогонщица Шура», и слова А. В. Луначарского: «Положение Наркомпроса хуже, чем когда-либо», Д. Бедный писал:

На Наркомпрос гляжу я косо,
Хотя он в жалобах не лжив.
Что ходит наго он и босо
И рад тому уже, что жив.
Но, вспомнив о народной школе
И все растущей темноте,
Я закричать готов: «Доколе
Здесь правит — сей, и тот, и те?»³
Мне причитанья их так жалки.
Беда не в том, что «нет монет»,
А в том, что нет у них смекалки,
Изобретательности нет...
Перебиваясь еле-еле,
Сидят с протянутой рукой, —
Нет агитации на деле
За просвещение никакой!

¹ Так, еще летом 1924 г. «высшая ставка 17-го разряда» по Наркомпросу, которую получали профессора, равнялась... 30 руб. в мес., в то время как низший технический служащий по другому «ведомству» получал 60—80 руб.

² «Каширка» и «Шатурка» — электростанции, построенные при советской власти. Первая значительно более мощная, чем вторая.

³ Курсив мой — Н. Ф.

И Демьян предлагает ввести на нужды просвещения, напр., штрафы с самогонщиков, заставить содержать школу хотя бы ту же «Шурку-самогонщицу».

Пусть мирно спят Белинский, Гоголь,—
заканчивает Демьян,—

Некрасов ту-ль сулил им часть?
Как будем жить? И стоит много-ль
Без просвещения наша власть?

И вот, вопя: «Мы босы, голы»,
Стоит на улице МОНО.
— «Подайте, граждане, на школы!
Подайте—нищее оно!»

И я, готов печатно, устно
— «Подайте!»—тоже прорыдать,
Но как обидно мне и грустно.
Я не могу вам передать.¹

Недоволен был Д. Бедный и театральной политикой Наркомпроса, особенно когда в связи с нэпом у нас широкой волной разлилось по Советской стране псевдоискусство, преисполненное всякой пошлятины, являющейся порождением буржуазных вкусов, вроде разных цирковых трюков (по существу один из возмутительных видов эксплуатации «человека человеком» в угоду мещанской сытой публике), всякие оперетки, «кабарэ», «казино», «потрясающие» кинематографические драмы и т. п.

В Москве нынче каждый забор,—
писал по этому поводу Демьян,—

Кричащий позор.
Тысячи объявлений, и каждое объявление
Явное, наглое, хамское глумление
Над искусством и над терпящими неслыханные беды
Нищими голодными людьми...

(«О Петлюре, украинском хоре и московском кричащем позоре»,—«Правда», 1922, № от 12 февр.)

Но особенно возмущен Д. Бедный тем, что эта буржуазная пошлятина у нас нередко проходила под флагом «политпросветов» и как бы рекомендовалась в качестве здоровой пищи для пролетариата. Одному из своих стихотворений Д. Бедный предпосылает выписанный из афиши эпиграф:

«При фабрике бывш. Э. Циндель (Кожевники) состоится концерт-бал. Два золотых приза: дамский за *танго* и мужской за мазурку. Конфетти, серпантин, почта-монстр *Конкурс юмористов* (салонный куплетист Жорж Леон, комик чичетки(?)—Валдин, комические танцы мисс Балей, дуэт комических лапотников Сивцовых). Фокусник Кулявский и т. д.

Афиша. Внизу афиши красуется надпись: «Райполитпросвет».

¹ См. стихотворный «ответ» Наркомпроса на это стихотворение в «Известиях» от 6 дек. 1922 г. за подписью А. И. Наркомпросу посвящен и ряд других, очень остроумных и язвительных стихотворений Д. Бедного, напр., «Сколапендрузы» (едва ли, впрочем, справедливое по существу), «Мемория», «Славословие» и др. (см. т. III Собр. соч. Д. Бедного).

И Демьян возмущенно предупреждает:

...Друзья, должны смотреть мы в оба глаза,
Чтоб нам не проглядеть доподлинной беды:
Чтоб наши крепкие рабочие ряды
Не стала разлагать мещанская зараза...¹

Достается от Д. Бедного и Госиздату, который, бракуя иногда такие вещи, как «Андрон непутевый» Неверова, печатал произведения, совершенно ненужные и даже непонятные нашей читательской массе. По поводу выхода в свет одного из таких изданий, книжки стихов В. Брюсова «Дали», Д. Бедный посвятил Госиздату чрезвычайно остроумную пародию², начинающуюся такими строками:

Спиралей пляску, друг, давно понять пора нам,
Миллета милая, раскрой мне тайну «пи».
Не называй меня, молю, алиберданом,
Я—цербер, лающий в аиде на цепи...
(«Я памятник себе воздвиг нерукотворный»)

В таком «стиле» В. Брюсов немало писал стихов в последние годы.

Острит Демьян и над «советским языком», пересыпаемым всякими нелепыми сокращениями. Упомянув о статье Ю. Ларина про наш «всечеквалап»³, Д. Бедный пишет:

Я в новый стиль вхожу, склонившись над тетрадкой,
И тещу я зову—«товарищ запипу»,⁴
А теща крестится и слезы льет украдкой.
Семья моя—«колхоз»,⁵ столовая—«компрод»...
(«На-ощупь»)

Порою Д. Бедный в своих сатирических выпадах заходил так далеко, что их...неудобно уж было печатать, и у Демьяна иногда попадаются сетования на «цензуру»:

Я вообще... Я не уверен...
Я, так сказать... Согласен, да...
Я препираться не намерен...
Прошу простить, что я так резко...
Твое, читатель, мнение веско...
Спасибо. Я себе не враг:
Впредь рассчитаю каждый шаг.
Я тож, конечно, не из стали,—
Есть у меня свои грехи.
Меня печатать реже стали —
Вот за подобные стихи...
(«Новогоднее»)

¹ Ср. еще фельетон «Феномен» «Правда», 1922, № от 14 окт. (Г), где Д. Бедный вместо стихотворения перепечатал целиком афишу, извещающую о «гастроли знаменитого певца, поющего одновременно разными голосами», и подписанную: «С почтением Губполитпросвет» (Царицынский).

² Вообще к пародии Д. Бедный прибегает чрезвычайно искусно. У него есть блестящие пародии, напр., на «И скучно и грустно» Лермонтова, на «Черногорцев» Пушкина, на «Двух гренадеров», или стихи в стиле «Евгения Онегина», «Горе от ума» и пр. (см. III и IV т. Собр. соч.).

³ Всечеквалап—всероссийск. чрезвычай. комиссия по валенкам и лаптям.

⁴ Запипу—заведующая питательным пунктом.

⁵ Колхоз—коллективное хозяйство.—Примечания Д. Бедного.

Но это, конечно, лишь в виде редкого исключения.

Д. Бедный прекрасно понимает, что говорить о наших недостатках надо так, чтобы от этого получалась *польза*, а не из простого зубоскальства; что сатирик должен обладать известным тактом; что с словом вообще надо обращаться осторожно, всегда взвешивая *последствия* сказанного:

...Где что скажи, а где и помолчи,
А не пускай всякие слова, как из самострела.

(«Светопредставление», — «Правда», 1925, № от 1 мар.)

Демьян прекрасно учитывает, что если писать исключительно о темных сторонах нашего быта, то это порою может оказаться и *вредным* делу пролетариата, который должен быть *бодрым и трезвым* и не придавать *чрезмерно* большого значения своим недостаткам. И потому Демьян не раз готов «обуздывать» свою печаль:

Души неясная тревога
И скорбных мыслей смутный рой, —

говорит он в стихотворении («Печаль»), 1924) —

В окраске их моя дорога
Мне жуткой кажется порой

О, если б я в такую пору,
Отдавшись власти черных дум,
В стихи отправил без разбору
Все, что идет тогда на ум!
Какой восторг, какие ласки
Мне расточал бы вражий стан,
Все, кто исполнен злой опаски,
В чьем сердце — траурные краски,
Кому все светлое — обман!

И поэт нередко сознательно настраивает себя на бодрый тон; иной раз ему даже кажется, что он перегибает палку и заслуживает упреков в *чрезмерном оптимизме*.

Пишет Д. Бедный в том же стихотворении:

...Я сросся с бодрой маской.
И прав, кто скажет мне в укор,
Что я сплошную красной краской
Пишу — и небо и забор.

Но надо сказать, что в этих строках Д. Бедный уж несколько на себя наговаривает. Чрезмерному оптимизму он предавался крайне редко, и из приводимых выше цитат, кажется, с полной несомненностью следует, что в «сплошном расписывании красной краской» нашей советской действительности Демьяна вовсе укорять не приходится. И потому Демьян, без сомнения,

более правильно охарактеризовал себя в следующих прекрасных строках, вылившихся у него в одну из лучших минут его «вдохновения»:

Перед своим родным, перед рабочим людом
Льстецом я не был никогда.
Я знал: мне верит мой читатель,
Как ни суров я был в моих стихах порой.
Я честно говорил герою — ты герой!
И трусу говорил: ты трус и ты — предатель!

Но, бичуя предателей и трусов, высмеивая «комчванство», бюрократизм, разгильдяйство, шкурничество и глупость, Д. Бедный никогда не был заражен интеллигентски-барским презрением к трудовым массам, к рядовому рабочему и мужику. Пусть «массы» темны, невежественны и грубы, пусть они часто совершают «глупости», не понимая сами своей пользы, презирать их может только классовый враг. Мы же знаем и чувствуем, что в своей темноте и «глупости» трудовые массы не виноваты; знает это и Демьян и потому «слова гневного — позор» он не может сказать, узнав о «неурядице» на какой-нибудь распропагандированной меньшевиками фабрике:

И если поутру, склонившись над газетой,
В рабочей хронике прочту я бюллетень,
Что неурядица идет такой-то день
На фабрике на той иль этой,
Мне, братья, скорбная слеза туманит взор,
И слова гневного «позор!»
Я не могу сказать, судя рабочих строго.
Я говорю: «друзья, не слушайте лжецов!
Мы победим в конце концов!
Я знаю: горько вам живется и убого,
Но цель заветная близка, ее видать.
Все силы напряжом — не будем голодать.
Страдали много мы. Осталось немного
Перетерпеть, перестрадать!»

(«На перевале»)

С таким же чувством подходит Демьян и к родной ему деревне. Знает он, что там не особенно хорошо живется.

Конь хромает — нет подков,
Вот порядок, брат, каков!..—

передает Демьян в повести «Старым людям на послушанье, молодым на поученье» обычные в то время сетования,—

Коль сосед зайдет в обед:
«Хлеб да соль!» — а соли нет.
Нет махорочки в помине...
Ночью плач о керосине...
Вот он, брат, для мужиков
Большевицкий рай каков!

Не удивительно, что находились такие «умники», которые были не прочь пожалеть о прошлом и с горя,—вместо того, чтобы с полным сознанием своего долга и своей пользы заняться производительным трудом и помочь пролетариату в его титанической борьбе,—«утешались» самогонной отравой:

На беду простому люду
Самогонщиков повсюду
Развелось без числа,—
Нет доходней ремесла!..
Только пошла припаси,—
Пьяниц хватит на Руси!..

И Демьян рисует такую невеселую, жуткую картину:

Пьют Вавилы, пьют Памфилы,
Пьют Нефеды, Саввы, Нилы,
Пьют, не ведая стыда.
Пусть там где-то города
Погибают с голодухи,
Пусть там дети мрут, как мухи:
Нету хлеба, нету дров...
А в деревне Клим да Пров
Пьют с Иваном, Фалалеем,
Со Степаном и Корнеем,
Пьют до одури порой
И бранят... советский строй...

Земляки мои, миляги,
Крепко жаль мне вас, бедняги:
Ваша подлинно-ль вина,
Что башка у вас темна?..—

говорит этому темному люду Демьян Бедный и раз'ясняет ему, кто виноват в переживаемой разрухе:

Царь, когда войну затеял,
Сколько он добра развеял?
Все, что было, прострелял,—
Шаткий трон свой укреплял...

Демьян упрекает крестьян-кулаков в корысти, в спекулянтстве и обращается с призывным словом к крестьянской молодежи, так как на стариков, выросших в рабстве и темноте, уж мало надежды.

Дикое занятие пьянством, этот печальный пережиток царских времен, заставляет иногда Демьяна обратиться к деревне и со словами *укоризны*:

Старая вы деревня, не новая!
Пьяная деревня, бестолковая!
Темная деревня, богомольная,
Пьяным начальством довольная...

(«Деревня Новая, а навыки старые», — «Правда», 1924,
№ от 9 марта)

Но чаще всего эта народная темнота вызывает у Демьяна слова не укора, а глубокой скорби. Таковы, напр., прекрасные строки в уже упоминавшемся стихотворении «Печаль», в котором описывается такая знакомая картина:

Дрожит вагон, стучат колеса,
Мелькают серые столбы.
Вагон, сожженный у откоса,
Один, другой... следы борьбы...
Остановились. Полустанок.
Какой? Не все ли мне равно.
На двух оборванных цыганок
Гляжу сквозь мокрое окно.
Одна — вот эта, что моложе,
Так хороша, в глазах огонь...
Красноармеец, рваный тоже,
Пред нею вытянул ладонь.
Гадалки речь вперед знакома:
Письмо, известье, дальний путь...
А парень грустен. Где-то дома
Остался, верно, кто-нибудь...

Этот оборванный красноармеец, обращающийся с своим горем к... гадалке, наводит поэта на особо печальные размышления:

Колеса снова застучали,
Куда-то дальше я качу.
Моей несказанной печали
Делить ни с кем я не хочу...
...Но — полустанок захолустный...
Гадалки эти... ложь и тьма...
Красноармеец этот грустный
Все у меня нейдет с ума!
Дождем осенним плачут окна.
Дрожит расхлябанный вагон.
Свинцово-серых туч волокна
Застлали серый небосклон.
Сквозь тучи солнце светит скудно.
Уходит лес в глухую даль.
И как на этот раз мне трудно
Укрыть от всех мою печаль!

Но, болея этой печалью, Демьян никогда не уйдет в беспросветный пессимизм: ведь он всеми корнями своего существа связан с классом, перед которым — будущее, который силен и мощен, который победил. И потому как бы ни было сильно «проклятие» прошлого, сколь ни была бы тяжела, трудна и длительна борьба с ним, Демьян ясно и твердо, *по-ленински*, знает, чего мы *уже достигли*, что нами *уже завоевано*; по-ленински твердо верит в несомненную конечную победу пролетариата, и в этом корни демьяновской бодрости, демьяновского здорового оптимизма.

Эта вера даже в самые тяжелые минуты поддерживала и питала его пролетарскую бодрость. Ею вдохновлено одно из лучших

демяновских стихотворений — «Воронье», которое привожу целиком:

При свете трепетном луны,
Средь спящей смутным сном столицы,
Суровой важности полны
Стоят кремлевские бойницы.
Стоят, раздумье затая
О прошлом, страшном и великом.
Густые стаи воронья
Тревожат ночь зловещим криком.¹
Всю ночь горланит до утра
Их черный стан, об'ятый страхом:
— «Кра-кра! — Кра-кра! — Кра-кра! — Кра-кра!
— Пошло все прахом, прахом, прахом»!
О, воплощение мертвых душ
Былых владык, в Кремле царивших,
Душ, из боярских мертвых туш
В об'ятья к чорту воспаривших!
Кричи, лихое воронье,
Яви отцовскую кручину:
Оплачь детей твоих житье
И их бесславную кончину!
Кричи, лихое воронье,
Оплачь наследие твое,
С его жестоким крахом! Крахом!
Оплачь минувшие года:
Им не вернуться никогда.
Пошло все прахом, прахом, прахом!

Прекрасное стихотворение с тем же настроением написал Д. Бедный к 1 мая 1921 года:

С тех пор, как мир стоит, — не три, четыре года, —
Две силы борются: владыки и рабы, —
И он неотвратим, как приговор судьбы,
Час предрешонного исхода
Их титанической борьбы...
Пускай порой ликует враг.
«Рабы отброшены, ряды их стали шатки!»
Мы, маневрируя и обходя рогатки,
Несем уверенно наш пролетарский стяг...

И нечего смущаться тем, что еще *не всё* завоевано, что не окончательно еще упрочена победа пролетариата, что живучи еще последыши буржуазии. Конечно, печально и противно, и больно, когда у нас «слева — пролетарии всех стран», а «справа — пьяный ресторан», когда у нас с одной стороны — лопающиеся от жиру «нэпманы» и «советские дельцы», а с другой — сотни тысяч беспризорных детей, 50% неграмотных и поголовный сифилис во многих деревнях, но все же это не основание для пессимизма:

¹ На деревьях Кремлевского (б. Александровского) сада, куда как раз выходят окна квартиры Д. Бедного, зимой обычно собираются огромные стаи ворон и галок; их карканье, невольным слушателем которого является Д. Бедный, и дало ему тему для этого стихотворения. — Н. Ф.

Да, может, вы не раз, герои-ветераны,
Отступите то здесь, то там перед врагом,
Уступите в одном, чтоб выиграть в другом,
Но близок час, когда, воспламенив все страны,
К твердыне вражьей вы приставите тараны,
Громя убийц, круша последний их оплот,
Свершая наш обет и боевые клятвы.
Всё жарче солнца луч. И близко время жатвы.
Мы сделали посев. И мы получим плод.

(«Предрешенное»)

Но, быть может, сильнее всего это настроение уверенности в конечной победе и сознание колоссальной значимости *уже достигнутого* удалось выразить Д. Бедному в двух замечательных стихотворениях, написанных к двум Октябрьским годовщинам — 5-й и 8-й. Первое — поэма «Главная улица», широко известная и часто публично исполняемая.¹ В этой поэме Д. Бедным мастерски использован прием, так сказать, психологического контраста. Посмотреть на «советскую улицу», — так как будто и нерадостная для трудового люда картина:

Улица...
Залита светом вечерних огней.
Чистая публика всякого звания
Шаркает, чавкает снова на ней,
Чавкает с пошло-тупою беспечностью,
Меряя срок своих чавканий вечностью,
Веруя твердо, что с рабской судьбой
Стерпится, свыкнется «хам огорошенный»,
Что не вернется разбитый, отброшенный,
Глухо рокошущий где-то прибор...

Но вот — смятение среди «нэповской» публики с Главной улицы:
в день пятилетия Октябрьской революции —

С волей единою, с сердцем одним,
С общею болью, с кровавыми пятнами
Алых знамен...
Из закоптелых фабричных окраин
Вышел на улицу новый хозяин...,

который властно заявляет:

— «Это мое!!
Улица эта, дворцы и каналы,
Банки, пассажи, витрины, подвалы,
Золото, ткани, и снедь, и питье —
Это — мое!
Библиотеки, театры, музеи,
Скверы, бульвары, сады и аллеи,
Мрамор и бронзовых статуй литье. —
Это — мое!!»

¹ Между прочим, по методу «коллективной декламации» небезызвестного артиста т. Сережникова. Поэма эта чрезвычайно интересна и своими ритмическими и звуковыми достижениями, прекрасно передавая ритмику стихийного шествия пролетарских масс.

В этом и вся разница. Пусть новая буржуазия «чавкает». Но—*хозяева* не они, эти новые буржуа, об'едающиеся сейчас. Пришел новый, настоящий, *подлинный хозяин* — *трудовой люд*, с мозолистыми рабоче-крестьянскими руками:

Движутся, движутся, движутся,
В цепи железными звеньями нижутся,
Поступью гулкою грозно идут,
Грозно идут,
Идут,
Идут
На последний, всемирный редут.

(«Главная улица»,—«Правда», 1922, № от 1 ноября).

Так сильно, ярко и убедительно сумел Д. Бедный показать, чего *уже достиг пролетариат* к пятой годовщине Октября, несмотря на временное, вынужденное отступление, несмотря на нашу бедность, неналаженность производства, несмотря на незалеченные еще раны.

Другое стихотворение—«*Разгадка*», написанное сильным кованым классическим стихом к 8-й годовщине Октября, говорит о том, что *уже получил* от советской власти *крестьянин*. Д. Бедный начинает с вопроса, мучащего белогвардейски настроенных обывателей: в чем разгадка крепости советского строя, и очень оригинально отвечает на этот вопрос.

Поэт уносится мыслью сначала к седой старине, к тем временам, когда —

Великий государь, боярин или князь
Дремал, под пышное забравшись одеяло,
А дед-баюн, скосясь на дрыхнувшее сало,
До полночи пред ним плел сказочную вязь,—

и дает блестящую характеристику нашей народной сказки:

Привыкнувши всю жизнь таиться и бояться,
Пред сильным ползая ползком, ложась ничком,
Мужик прикинуться умеет дурачком,
Когда над сильным он захочет посмеяться.
А в сказке был ему простор:
Он в сказке шельмовал царя и царский двор...

В сказках народ создавал себе то, чего *не было в жизни*. И знаменательна эта мечта «Иванушки-дурачка» о полцарстве, о волшебных коврах-самолетах, о скатертях-самобранках, о гусях-самогудах, о шапке-невидимке, о живой воде, о дубинке-самобой и прочих завоеваниях сказочной «техники»... И вот, прошли года—

Не слышно клекота двуглавого орла,
Истлели когти, клюв. два сломанных крыла.
Русь чернососная доверилась Советам:
Они несут ей все, чего она ждала,
Согласно сказочным заветам.
Жар-птица?! Вот она, гляди:
С гербом советским на груди
Горит несчетными огнями!

Жар-птицей овладеть — все ночи станут днями,
Русь темная была и — поросла быльем:
Все наши города, посадки, деревушки,
До самой худенькой избушки и клетушки,
Не брезгуя ничем, ни хлебом, ни жильем,
Мы электричеством зальем!
Сверкай, советская деревня и столица!
Свет электрический — чем не твоя *жар-птица*?!
Теперь любуйся: вот она перед тобой —
Волшебная *дубинка-самобой*!
Враг знает, больно как дубинка эта бьется,
Что Красной армией зовется...

А вот — «стальные чудо-журавли» — разве это не наши *ковры-самолеты*?!. А вот идет агроном, который знает, как достать из земли спрятанный в ней клад, — и разве земля, которую пашет уж не «прабабушка соха», а «богатырь железный самопахарь», — не *скатерть-самобранка*? А вот в избушке старики и старухи слушают Москву по *радио*, — разве то не наши *гусли-самогуды*?!.

Ивашка-дурачек бредил *полцарством*. Но пришел к нему другой богатырь —

Рабочий, бывший без усталы с царем,
В час горький подоспел Ивашке на подмогу:
— «Эй, паря-простота! Чудак же ты, ей-богу!
Пол-царства ты хотел? *Все царство* заберем!..»

Сказочными *дворцами* бредил в сказках мужичок:

«На, получай, дворец, где не жились цари!»
И вот в Ливадии всем мужикам — смотри! —
Рабочий преподнес, а не святой Егорий,
Дворец — крестьянский санаторий!..

Вот в этом и *разгадка*. Крестьянин уже сейчас многое получил от советской власти¹; дальнейший союз с рабочим сулит ему неисчислимые блага — осуществление грез, которые не снились и в сказках. И это чутьем понимает мужицкая Русь, и в этом разгадка, — почему она идет за нами:

Порфиноносные российские цари
Не раз пытались ей, жующей сухари,
Внушить великие славянские начала:
— «Христолюбивая! Вперед!
За Русь святую!» — Но молчала
Христолюбивая, воды набравши в рот.

¹ Тов. Дзержинский в одной из своих речей приводил следующие цифры, характеризующие улучшение экономического положения нашей деревни по сравнению с царскими временами: помещикам крестьяне платили 200 млн. руб. аренды в год и кроме того — налоги, которые сейчас платит крестьянин на 800 млн. меньше налогов при царе; так. обр., *миллиард*, который ранее деревня уплачивала своим эксплуататорам, теперь остается в ее распоряжении.

А те, чьи черепа пустые малоемки,
Твердили, что „душа народная — потемки,
И русский-де народ — загадочный народ!»
Загадка для господ была неразрешима.
Разгадка не совсем по вкусу им была.
И старина для них казалась нерушима,
Ан вот — вся старина разрушена до тла.
Свершились на-яву чудесные явления,
И над седым Кремлем — залог осуществленья
Уже не сказочных, а ставших явью благ —
Горит-полощется советский красный флаг!

В таких подлинно прекрасных строках сумел Демьян передать подлинный пафос нашей революции.

Но Д. Бедный, конечно, знает, что завоевания Октября не ограничиваются только «Русью», что значение их — *интернационально*. Не даром в своей «Главной улице» он говорит о победном шествии рабочих масс —

На последний *всемирный* редут.

Это сказано не даром. Тот, кто, подобно нашим «сменовеховцам» и «пильняковствующим» писателям, не учитывает интернационального размаха и значения нашей революции, ничего ровно не понимает в ней. Пусть силен еще по всей земле, которая не входит в Советский Союз, гнет капитала; пусть временно разбито там революционное движение и еще не пришло время ему вспыхнуть вновь, — все равно с 1917 года *уже началась* мировая социалистическая революция, — так скажет будущий историк. Это твердо должны знать и мы, современники. И Демьян Бедный никогда не забывает, что СССР — единственная страна, где *уже строится социализм*, — является светочем и прибежищем для угнетенных трудящихся всего мира.

Всегда приветствуя приезд к нам — вольный или невольный — иностранных рабочих, Д. Бедный отмечает огромное воспитательное значение для иностранных товарищей знакомства с нашими порядками.

В ст-ии «*Лица беда — начало*» он радостно отмечает, как итальянские матросы, прибывшие в Одессу, для улажения конфликта с судовладельцем обратились в наш «райкомвод»:

Наши пролетарские Соломоны,
Осуществляя советские законы,
Вынесут итальянскому судовладельцу приговор,
Какой ему не снился до сих пор:
— «Вот какова наша коммунистическая линия,
Это тебе не твоя Муссолиния!»

Придравши домой из Одессы,
Синьор отслужит три благодарственных мессы
А потом возьмет своих матросов в зажим:
— «Это вам не советский режим!»

Матросы после столь наглядного обучения
Поймут, откуда их злоключения...

Заканчивает стихотворение Демьян характерным «нравов-учением»:

— «Эх, матросы, матросы! Народ вы боевой.
Пора вам райкомвод устраивать свой!..»

Приветствуя одну из многочисленных делегаций трудящихся, посетивших нас летом 1925 г., Д. Бедный обращается к гостям, приглашая их всмотреться в то, что они видят у нас:

Товарищи! Ваш взор теперь не затемнен.
Соединило нас общение живое.
Смотрите, сколько лиц под заревом знамен...
Здесь нет коварства, лжи, испуга, рук по швам.
Герои двух фронтов навстречу вышли вам,
Вчера—военного, сегодня—трудового,
Бойцы, свершившие в грядущее пролом...

(«Всмотритесь! Прислушайтесь!».—«Правда»,
1925, № от 19 июля)

Время от времени кидает свой взор Демьян и в отдаленные от нас концы земного шара. Напр., по поводу событий в Китае он пишет стихотворение «Тихий океан», где, указав, что есть —

... два слова чудотворных,
Крепких, огневых, задорных,
Гремящих ключом революционным
Над китайским народом пятисотмиллионным,
И понимает весь Китай эти слова:
— «Л е н и н! М о с к в а!» —

дает великолепную картину обычной европейской «просвети-тельной» политики по отношению к «диким» народам. Прежде всего —

Посылали попов. Потом открывали школы,
Где изрекали евангельские глаголы.
На первом пароходе приезжали святые отцы,
На втором пароходе—купцы,
На третьем—солдаты для их «охраны»,
Потому—«варварские страны».
Но чем больше варварских китайцев просвещали,
Тем больше китайцы нищали...

Однако—прошли эти времена, и вот —

Богатырь пятисотмиллионный,
Досель тихостонный,
Огретый вражьим бичом,
Гневно двинул плечом
И голосом зычным,
Для вражьего слуха таким непривычным,
Прогремел, раздраженный и злой:
— Д о л о й!..

Беспощадно срывает Д. Бедный фиговый листок со всех де-мократически-пацифистских антантовских вождей, с пресловутой

Лиги Наций, показывая, что представляет собою эта «лига победителей», которые

Столковались в два слова,
Подмахнули векселя.
Кружка общая готова.
Лица Наций. Вуаля!
Лига Наций!—Карты ясны!—
Мировой торговый дом.
Пять разбойников согласны
Честно жить... чужим трудом!

(«Лига»)

Лиге «разбойников» противостоит пролетарская твердыня — СССР, которому пока что приходится поддерживать с капиталистическим миром «дружественные» отношения, то там, то здесь, однако, благодаря наглости, глупости и озлобленности буржуазии, готовые порваться.

Немудрено, что область «иностранных дел» приобретает для нас огромную важность. И Демьян выступает «в помощь» тов. Чичерину со своими «дипломатическими нотами» и «дружескими письмами» Ллойд-Джорджу. Эти оригинальные «ноты» Демьяна должны быть особо выделены, так как имели в свое время немалое значение. «Настоящие» дипломатические ноты неминуемо пишутся несколько условным языком, и несмотря на исключительную прямоту и правдивость наших «чичеринских» нот, все же в них не всегда «все» говорится. И вот тут Демьян, действительно, «помогает», не считаясь уже в своих «нотах» ни с какими условностями и говоря, о чем надо, с своей обычной «демьяновской» ясностью. Приведу для примера выдержку из его «очередного» послания к Ллойд-Джорджу в связи с бесконечными, предъявляемыми нам, обвинениями в коммунистической пропаганде:

Мистер Ллойд-Джордж, мы ж не играем с вами в прятки
Вы все нас тащите за Индию к ответу,
Будто мы собираемся вас подвесьть.
На кой черт вам выдумывать то, чего нету,
Как будто мало того, что есть!
А есть (лорд Керзон скажет: «К несчастью»!)—
Есть Советская Россия с рабоче-крестьянской властью.
Самый этот факт есть мировая агитация,
С которым не сравнится никакая прокламация.
В этом смысле наш грех, конечно, тяжек.
Не фабрикуйте тогда фальшивых бумажек,
А говорите открыто,
Что у вас есть свиньи на наше корыто,
Что вы рады—чему угодно рады!—
Только бы снова нас взять в кольцо осады,
Только бы, какой угодно ценою,
Заменить худой мир доброй войною
И, сокрушив (коль удастся!) силу советской власти,
Распотрошить Россию на части.

(«На помощь Чичерину»)

Очень хорошо охарактеризовал значение этих демьяновских «нот» т. Сосновский:

«Революция, — пишет он, — открыла новую область отношений, ранее скрытых от народных масс, — дипломатию. Дипломатия всегда была наиболее темным местом в газетах. Большевики приблизили ее к уровню понимания широких масс. Но, поскольку не обо всем приходилось говорить вполне откровенно, поскольку военно-дипломатические трудные условия СССР обязывали к величайшей осторожности и сдержанности, — полушутливые, неофициальные «ноты» Демьяна Бедного помогали массам разобраться в сути наших отношений с другими державами. Любой красноармеец или крестьянин по нескольким намекам догадывался, как надо понимать тот или иной шаг нашего правительства или наших противников.» (Вступит. статья к III т. Собр. соч. Д. Бедного, стр. XXI—XXII).

Угнетенные нации только в СССР получили *полную свободу*, при чем особенно велико значение раскрепощения *восточных народов*, которые теперь гигантскими шагами идут в братском союзе с пролетариатом и трудящимися более передовых республик Союза к свету культуры и ленинизма, быстро сбрасывая с себя оковы варварских обычаев и преодолевая колоссальные трудности борьбы с косностью своего быта. Одно из характернейших явлений нашего времени — *пробуждение восточной женщины*. О ней Д. Бедный недавно написал одно из лучших своих стихотворений — глубоко-трогательное по содержанию и оригинально-сильное по форме — «*Клятва Зайнет*», восторженно посвященное т. Зайнет Хесмитовой.

Жена у Мирзы — его третья жена —
Юна и, как тополь высокий, стройна.
Средь женщин бухарских прекраснее нет
Зайнет.
Узбекам, двум братьям ее удалым,
Большой за нее уплатил он калым¹.
И третий замок он навесил на дверь
В ичкерь².

Но — не спасают теперь и замки. Пошла Зайнет раз в мечеть, а попала к... комсомолкам, и сразу открылись у нее глаза: муж стал «проклятым», домой она пришла без «паранджи» — лицевого покрывала:

— «Зайнет! Откуда ты, скажи,
Пришла домой без паранджи?
Ты осквернила дом изменой!
Где ты была, шакалья кровь?» —
Шипела яростно свекровь,
Кривя злой рот, покрытый пеной.
И отвечала ей Зайнет:
— «Была я там, где светит свет,
Где учат ленинским законам,
Где объясняют, как найти
К свободе верные пути
Бухарским девушкам и жонам!..»

¹ Калым — выкуп за невесту.

² Ичкерь — внутренний двор. — *Примечания Д. Бедного.*

Зайнет бежала из дома, просвещала «бедных дехканок», сражалась в рядах Красной армии—

Рвалась к подвигам—и тем была жива,
Всегда на скакуне иль полковой двуколке,
И легендарная уже росла молва
О черноглазой комсомолке.

Но не дремал и Мирза—он нанял убийц. Каким-то счастливым случаем Зайнет осталась жива, хотя и подверглась зверскому нападению. Ее вылечили. И вот она, изувеченная, в Москве:

Зайнет свезли в Москву. Москва сильна наукой.
Зайнет возвращены и речь и взор и слух,
И в комсомолке однорукой
Зажогся вновь бунтарский дух.
«Коммунистический университет трудящихся Востока»
Зайнет мерещится во сне и наяву,
У гроба нового пророка
Она сказала: «я живу!»

*И ты—живешь во мне заветами твоими
На родине моей—в кишлак из кишлака¹—
Дехканкам² темным я их понесу, пока
Сумеет начертить твоё родное имя
Моя последняя рука!»*

(«Правда», 1925 г., № от 8 марта)

Сильна еще власть империализма, сознательно державшего в темноте угнетенные народы всей остальной земли—Востока, Запада и Юга, но все они имеют свое прибежище, свой боевой форпост в Коминтерне, и Демьян знает, что—

...он непобедим—злой враг капитализма,
Пока пылает перед ним
Великий факел ленинизма!

(«Факел», — «Правда», 1925, № от 22 марта),

а факел этот будет пылать неугасимо, все более и более разгораясь, и приведет к той светлой эпохе, когда—

Наступят дни: весь мир цветущим будет раем...,

когда кончатся привилегии эксплуататорских классов, когда уничтожатся самые классы.

Неудивительно, что сильна вражда к Коминтерну среди капиталистов, которые обливают его помоями всяческой клеветы, так что даже относительно передовые умы прогрессивной буржуазии смотрят на Коминтерн как на «чудище». В таком духе, напр., не особенно давно высказался известный английский писатель Б. Шоу, который вовсе не считает себя врагом пролетариата и очень высоко ставит Ленина. Но дух буржуазного мещанства захватил и его, и вот он ополчился против III Интернационала, сыграв в руку своей буржуазии. Этому скандальному выступлению Б. Шоу Демьян посвятил один из остро-

¹ Кишлак—деревня.

² Дехканки—бухарские крестьянки. — Прим. Д. Бедного.

умнейших своих фельетонов под заглавием: «*Вяленая вобла а лянглез, или мистер Бернард Шоу*» («Правда», 1925, № от 1 янв.).

Всемерно проповедуя союз и единение трудящихся всего мира под флагом ленинизма, Д. Бедный считает своим долгом ополчаться против того, что этому единению препятствует, между прочим, и против одного из позорнейших явлений, к счастью, теперь у нас уже изживаемого,—против *национальной вражды*, всемерно разжигаемой в капиталистическом мире господствующими классами. Один из отвратительнейших видов национальной вражды—*юдофобство* (т.-е. гонение на евреев, нѣнависть к ним), с которым постоянно приходилось иметь дело царской России и которое, к стыду нашему, не вполне еще исчезло и сейчас. Этому позорному явлению Д. Бедный посвящает две поэмы—«*Дурман*» и «*Каиново наследство*», протестуя в них, как против юдофобства вообще, так и против одной из самых нелепейших легенд, будто «большевизм» является делом евреев, разоблачая погромную политику царского правительства и белогвардейцев и попутно внося в еврейский вопрос единственно правильный классовый подход.

Перед читателем проходят кошмары недавних еврейских погромов:

Мать с рассеченною грудью,
Плач раздетой детворы...
Человеческою кровью
Обагрённые дворы...

Женщин вырванные груди...
Оскверненные тела...
—Гей, вы, русские вы люди,
Это ваши что ль дела?

После—шум на все Европы,
Срамота для нас одна:
Мы-де,—вроде эфиопы,
Людоедская страна...

А «начальство» не дремало.
Русь дика. Народ сырой,
Одного позора мало,—
Так устроили второй.

Суд состряпали нелепый,
Подогнали свод статей,
Мол, жида—народ свирепый,
Пьют на пасхе кровь детей.

Найден был и жид—«убийца»:
—«Аспид истинный с лица!
—«Ен умучил, кровопийца,
Христеянского мальчика!»

Суд вести пришлось гласно.
Как подделать приговор?
На суде открылось ясно,
Что малец убитый—вор...¹

¹ Речь идет об известном процессе Бейлиса (см. выше, стр. 44).

К нашему стыду и позору, и во дни советской власти не умолкает легенда о «жидовском засильи», и время от времени раздаются обывательские речи:

—«Не жидовская ль порода
Нынче силу забрала?»
—«Комиссаром жид Иудка?»
—«Обжидовлена Москва?»—

твердят разные кумушки, шептуны и сбитые ими с толку невежественные «патриоты своего отечества».

И с недоумением спрашивает Демьян Бедный, зная, что у настоящего, простого русского крестьянина не может быть никакой ненависти к евреям, что мотивы национальной травли, если только они искусственно не прививаются со стороны, ему чужды:

Может, мой язык Демьянов—
Не язык уж наш родной?
Может, Ленин—не Ульянов,
С нами крови не одной?

Троцкий? Это жид патлатый?
Но его в любых местах
Первый жид,—но жид *богатый*
Разопнет на трех крестах.

Маркс был жид? В том нет секрета!
Я задам другой вопрос:
Плотник, жид из Назарета,—
Разве это не Христос?

Кто распял Христа?—Евреи.
Бедняки? Иль богачи?
«Сонм старшин, архиереи»—
Вот кто были палачи.

(«Дурман»)

Всех тем, затронутых Д. Бедным в последние годы, не исчислить¹.

¹ Отметим лишь цикл произведений, посвященных Д. Бедным поволжскому голоду 1921—22 г. Они собраны в книжке «Проклятье». Сильными стихами изображает Д. Бедный ужасное бедствие.

С весны, все лето, ежедневно
По знойным небесам он плыл, сверкая гневно,
Злой, огнедышащий дракон.

Ничто не помогло: ни свечи у икон,
Ни длиннорылые колдующие маги...
Ни ходы крестные, ни богомольный вой:
Ожесточилась земля без доброй влаги,
Перекаленные пески сползли в овраги,
Поросшие сухой, колючею травой.

И нивы, вспаханные дважды,
Погибли жертвою неутоленной жажды.

Пришла великая народная беда...

Демьян Бедный призывает всех к помощи и с «проклятьем на устах» говорит о том, «как они помогают»,—они, которые

Жизнь почти ежедневно дает Демьяну все новые и новые сюжеты и темы для сатирического изображения и бичевания. И можно только порадоваться зоркому глазу Демьяна, неиссякаемости его остроумия, бесконечному разнообразию его словаря.

Но нельзя также не высказать и одного *пожелания*. При всей значительности отдельных мелких произведений Д. Бедного, мы вправе ждать от него теперь и *большого сатирического полотна*, новой *сатирической поэмы*. Правда, Д. Бедный, подобно его антиподу, салонно-буржуазному певцу — Игорю Северянину, мог бы самодовольно и с полным правом сказать:

Все творчество мое поэма,

но все же какая-нибудь эдакая сатирическая «Илиада» и «Одиссея», вскрывающая все основные недостатки нашего советского быта, — которую, конечно, *кроме Демьяна, никто сейчас написать не сможет* (и тем более *он написать ее обязан!*), — дала бы неизмеримо больше, чем отдельные, разрозненные фрагменты этой «поэмы».

Попытки писать большую бытовую сатирическую поэму у Д. Бедного были, таковы упоминавшиеся его произведения: «Ад и рай», «Нэтрад», такова же интересно задуманная (но оборванная в самом начале) «Курология»; однако, все они, к сожалению, остались незаконченными. В настоящее время, казалось бы, ничто не мешает Д. Бедному создать ряд крупных произведений. Ведь это раньше он —

...из-за натиска белогвардейского племени
Для писания книг не имел времени,—

теперь же мы имеем длительную передышку, быстро упрочивающееся экономическое положение советских республик, а потому и *полную возможность* интенсивного и обстоятельного труда.

Д. Бедный находится сейчас в полном расцвете своего таланта, что он так блестяще доказал, написав весной 1925 г. в сравнительно короткий срок (5-6 недель) значительных размеров и больших художественных достоинств произведение («Новый Завет»).

укрылись в «Лондоны, Парижи и Берлины», которым столько радостных надежд несет весть,

Что обезумевший от голода народ,
Избушки бросивши пустые и овины,
Идет, неведомо куда, бредет вразброд...
Что голод, барский друг, «холопскому сословью»
Впился когтями в грудь, срывая мясо с кровью,
И что на этот раз придушит мужика
Его жестокая, костлявая рука...

(«Братское дело»)

Демьян еще достаточно молод и полон сил, так что мы, читатели, имеем полное право, не стесняя «свободы» его творческих устремлений, не предлагая ему тем, все же дать ему наш *читательский заказ*.¹

¹ Отрадно отметить, что это наше пожелание, повидимому, уже исполняется. После большого перерыва Д. Бедный принялся за крупную вещь, о чем и оповестил недавно своих читателей. В стих. *«Опасный дух»* («Правда», 1926, № от 11 апр.) находим такие строки:

Про себя тож скрывать я не стану.
Я начал работу по широкому плану:
Пишу эпопею немалую,
Почти небывалую
(Не по качеству, так по длине).
Я ее напишу... если не...

Кроме того, за последний год Д. Бедный написал около 50 стихотворений, как мелкого «текущего» характера, так и довольно больших вещей. Главное внимание Д. Бедный за этот год уделял вопросам нашего быта. Из лучших его произведений отметим прежде всего большой «юридический трактат» — *«Всерьез и... не надолго, или советская женитьба»* («Правда», 1925, № от 3 дек.) — блестящий образец художественной бытовой живописи; затем — *«Об отчаянном газетном сотруднике товарище Дуднике»* («Правда», 1926, № 13 июня) — бичующая и яркая сатира на безобразия провинциальных властей. В других произведениях Д. Бедный осмеивает хулиганство (*«Чертополох»*, — «Правда», 1926, № от 24 сент.), преступные хищения в кооперации (*«Хорошо»*, «Правда», 1926, № от 8 янв.); *«Птах»*, — «Правда», 1926, № от 23 сент.), рабочие прогулы (*«Опасный дух»*, — «Правда», 1926, № от 11 апр.), зазнавшееся кулачье (*«Деревня на переломе»*, — «Правда», 1926, № от 18 июля) и пр., нерациональную деятельность Госиздата (*«Красные Ситины»*, — «Правда», 1926, № от 16 сент.) и пр. На ряду с темными сторонами быта Демьян попрежнему умеет рассмотреть и светлые. Особо замечательно стих. *«Черкасские мужики»* («Правда», 1926, № от 15 сент.), в котором Демьян мастерски показал, чем стала наша теперешняя советская деревня, какой *колоссальный путь* проделала она по сравнению с деревней царских времен. Не менее замечательно стих. *«Товарищ-борода»* («Правда», 1926, № от 1 мая) — своеобразная ода новому герою наших дней, 42-летнему «вузовцу», дорвавшемуся до возможности «грызть гранит науки». Ряд мелких стихотворений, написанных прекрасным легким хореем, — откликаются на политические события, на скандальные выступления лидеров нашей оппозиции и пр... Демьян попрежнему неуклонно стоит на своем посту.

Против религиозного дурмана

Пишу я, православные тети, дяди,
Вашей пользы ради...

Глупость живуча ..

(«Новый Завет без изъятия
евангелиста Демьяна»)

Есть еще большая группа произведений Д. Бедного, которых мы до сих пор не касались: это произведения *антирелигиозные*. Мы их выделяем в особую главу, так как они имеют, до некоторой степени, «вневременный характер» и не могут быть приурочены к какому-либо одному периоду творчества Д. Бедного.

Религиозные верования, абсолютно несовместимые с научными представлениями о мире, но тесно связанные с примитивными производственными отношениями, господствующими в нашей деревне, усиленно насаждались до революции властью имущими классами и потому держатся, особенно в деревне, крепко еще и до сих пор.

Вопрос о борьбе с ними—очень трудный и сложный.

К антирелигиозной пропаганде можно подходить разными путями, и наиболее верный путь—конечно, путь *подлинной науки*. Но прежде, чем вступить на этот путь, обычно бывает необходимо разрушить в массах непоколебимую уверенность в истинности и святости религии и особенно ее представителей, тем более, что в условиях нашей революционной действительности «святые отцы» обычно выполняли прямо контрреволюционную роль. И здесь первейшим орудием является *насмешка*, лучше всего разрушающая ореол «святости».

Д. Бедный и подходит к антирелигиозной пропаганде прежде всего со стороны бытовой, вскрывая полное несоответствие поповской проповеди с тем, как «отцы духовные» и их «благочестивая паства» себя ведут в жизни, и рисуя такие картины, против правдивости которых не сможет возражать даже самый религиозно настроенный человек, если он, конечно, не утратил элементарной честности. В этом—главная сила демьяновских антирелигиозных стихотворений.

Зная великолепно быт деревни, ее нравы, ее язык, Д. Бедный оказывается не меньшим знатоком быта, нравов и языка нашего духовенства. Стихотворения, посвященные быту духовенства, написаны в разное время и собраны в отдельной книжке:

«Отцы духовные, их помыслы греховные, сиречь—про поповские „чудеса“ правдивые словеса!»¹ Сюда вошел ряд басен, сатирических песен, повестей, в том числе большая «поэма»: «О попе Панкрате, о тетке Домне и явленной иконе в Коломне, сиречь—про поповский карман и поповскую совесть душеспасительная повесть».

Все эти произведения блещут остроумием, прекрасным народным языком и ярко-правдивы, разоблачая для тех, для кого это еще недостаточно ясно, страсть к мздоимству, к сытой и веселой жизни, развращенность и цинизм российского духовенства.

Прежде всего Демьяну надо было показать тесную связь «церкви» и религии с денежными благами и с самыми что ни на есть земными расчетами.

То, что в евангелии может быть истолковано в пользу трудящихся, попами усиленно скрывается. В поповском толковании «евангелие—что дышло»: его поворачивают так, как это выгодно власть имущим, и эти последние,—

...прикрываясь святою благодатью,
Стегают в три кнута свою «меньшую братью»,
Которой жизнь не в жизнь, хоть не гляди на свет.
Вот у господ каков «евангельский завет»!

(«Толкователи»)

У неискушенных в богословской мудрости наших доморощенных буржуйчиков отношение к религии на редкость упрощенное и во многом напоминает лавочку. В ярко бытовом стихотворении «В церкви», имеющем подзаголовок «Старый быт», Д. Бедный рассказывает, как «Сысой Сысоич, туз-лабазник», перед сияющей иконой выпрашивал себе барыш в сто тысяч—такие уж у него были скромные аппетиты:

Пусть наживает там, кто хочет, миллионы,
А для меня барыш в сто тысяч... в самый раз...
Всю жизнь свою потом я стал бы... по закону...

Но спокойное течение торговли... то, бишь, молитвы, было нарушено тем, что рядом с Сысоичем оказался «бедняк портной», который тоже вымаливал себе денег, но мечтал всего-навсего лишь о «четвертной»:

Купчина к бедняку прижался тут вплотную,
От злости став белей стены:
—«Слышь? Лучше замолчи!.. На, сволочь, четвертную.
И не сбивай мне зря цены!»

Удивляться этому сведению молитвы к торговле не приходится, так как и сами «отцы духовные» не прочь были обычно проповедывать именно такое отношение к религиозным обязанностям. В стихотворении под заглавием «Урожай» поп Ипат произносит, напр., такую проповедь:

¹ М. 1921. ГИЗ; Полн. Собр. соч. Д. Бедного, т. VII и VIII.

«Почто мятетесь и плачетесь вскую?
 Бог видит вашу скорбь и всю нужду людскую,
 Казня и милуя нас, грешных, поделом.
 Не судьи мы господней воле.
 Идите же со мною в поле,—
 На всходах отпоем молебен всем селом.
 И ущедрит нас бог зерном по вашей вере.
 И будет хорошо приходу и попу.
 С вас много ль надо мне: с копенки по снопу,
 Аль с закрома по мере...»

Заключение гласит:

Читатель, не мудри и зря не возражай:
 Поп линию свою ведет примерно:
 Помолится, и будет урожай—
 У мужиков? Бог весть! А у попа — наверно.

В упоминавшейся повести «*О попе Панкрате и тетке Домне*» разворачивается колоритная история о поисках «чудотворной» иконы и о происшедших в результате ее «обретения» выгодах для поповского кармана. В других вещах ярко изображен союз церкви с контр-революцией. Остроумно подмечены некоторые явления в связи с советской политикой и новыми настроениями деревни.

Вот, напр., одна из характерных басен—«*Христос Воскрес*»:

У батюшки Ипата
 Водились деньжата.
 Конечно, дива в том особенного нет:
 Поп намолил себе монет!
 Однако же, когда забыли люди бога,
 И стали сундуки трясти у богачей,
 Взяла попа тревога:
 — «Откроют, ироды, ларек мой без ключей!»
 Решив добро свое припрятать повернее,
 Поп, выбрав ночь потемнее,
 Перетасил с деньгами ларь
 В алтарь
 И надпись на ларе искусно вывел мелом:
 «*Сей ларь — съ Христовымъ тѣломъ*».
 Но хитрый пономарь,
 Пронюхав штуку эту
 И выудивши всю поповскую монету,
 Прибавил к надписи... «*Нѣсть божьихъ
 здѣсь тѣлесъ:*
Христосъ Воскресъ!»

Среди других стихотворений этого цикла особым остроумием отличается—«*Крещение*»:

Дьячок Кирилл да поп Ипат
 У старенькой купели
 Под писк ребят
 Козлами пели.
 Кто думал про детей, а батя—про отцов:
 — Ужотко проучу я этих подлецов:
 Довольно мне они, злодеи, насолили!
 Церковный сенокос и поле поделили,
 На требы таксу завели...

стыяństwa тяга к церкви еще сильна, и победить ее не так-то легко и просто.

С чувством понятной досады говорил иной раз Демьян о тех «умниках», которые, жалея гроши на школу или на другие общественные нужды, щедро оплачивают совершенно бесполезных тунеядцев-попов и готовы давать им, сколько они ни попросят за свадьбы и иные «требы». Вот, напр., село Ясневое,—и не где-нибудь в глуши, а в самой что ни на есть Московской губернии, да еще (словно в насмешку!) в... *Ленинской* волости—

Мужики-яснёвцы
Суть «духовные овцы».
Пастырь стада имеется тоже.
(Видать по гриве и по роже).
Держа сего пастыря на своем горбе,
Ясневцы забывают о себе.

По дороге в Москву, скажем, есть мост, через который ездить нельзя—

Бранятся мужики: «неч-чистая сила!»,
А не поправят настила,
Шпалят через овраг мимо моста,
Язвы их короста!
Поездки нет без поломки.
Не сломают оси, порвут постромки,
Увечат несчастных лошадок.
Вот какой у яснёвцев порядок!
А кому жаль лошадам причинять муку,
То делают восемь верст крюку,
Теряют драгоценное время.

Но на всякие разговоры о необходимости ремонта отвечают:

— «Поди ты с мостом к лешему!
— По полтине с души причисляется!
— Полтина тож на земле не валяется!»—
Вот про мост разговор каков
У яснёвских мужиков.
А восемьсот рублей в год израсходовать рады
На церковные обряды
Да две тысячи стоят хлеб и крупа,
Что идут на церковь и на попа,
Да они же тратят свободно
По восемьсот рублей ежегодно
— Повелось так испокон—
На привоз из Москвы двух чудотворных икон,
Иверской да Спасителя,
В сопровождении важного священнослужителя.
Тычутся яснёвцы в иконную ризу,
Чмокают ее сверху и снизу,
Друг от друга болезнями заражаются,
Ни на кого не обижаются.
Прямо сказать—дикари;
Вот с такими поговори!..

(«Светопредставление»,—«Правда», 1925 г., № от 1 марта)

Действительно, доказать и раз'яснить что-либо такому народу трудно.

Порою у Демьяна почти-что руки опускаются:

Сколько лет путем прямым и окольным
Подходим мы к людям богомольным,—говорит он,—
Не жалею ни бумаги, ни труда,
Раз'ясняя, что религия—ерунда,
Что загребисты поповские руки,
Что пора нам светом науки
Прочистить гнойные гляделки.
Сколько раз мы поповские проделки
Выводили на чистую воду,
А дуракам все нет переводу,
А темнота ждет небесного чуда.
А поп с одураченного люда
Продналог свой берет
За то, что орет,
Лужоную глотку натужа:
—«Жена да боится своего мужа!»

(«Провинция»,—«Правда», 1924, № от 20 марта)

Впрочем, Демьян не был бы Демьяном, если бы он не сумел рассмотреть и некоторых светлых явлений в этой области. А они, вне сомненья, есть. Наука, проникающая в деревню, кое-где уже освещающую «ленинскую лампочкой», как в деревнях окрестили электричество,—вот верный рычаг против опиума религии, и он, этот рычаг, начинает уже действовать.

На эту тему Демьян написал любопытное стихотворение «Убедил». В нем говорится, как, прочитав в «Бедноте» о предполагаемой постановке опытов искусственного дождя¹, —

Благоутробнейший отец Елпидифор
С Панкратом, мужиком солидным, богомольным,
Завел душевный разговор...

Поп, конечно, возмущен. Как можно бороться с посылаемой богом засухой какой-то машиной! —

...«Дерзнем ли мы перечесть божьей воле
И не пойдем с молебном в поле?
А купим дождевой советский аппарат?..
И богу—скорбь, и пастырям—обидно.
Приходят времена последние, как видно.
Несть духа божьего в машине дождевой!..»

Но «убеждения» попа не подействовали на «богомольного мужика». Достав клочок бумажки и огрызок карандаша, он, проводив попа, немедленно стал писать:

—«Масква. Ледахтору, в газету Бедноту.
Прошу вас прописать все про машину ту,
Што дождейкою заветца;
Какая тоись ей цена,
И где галубушка она,
Машина ета, продаетца?»

(«Правда», 1925, № от 3 июня)

¹ Сведения о результатах этих опытов см. «Известия ЦИК СССР», 1925 г., № от 16 окт.

Покойный А. С. Неверов мечтал незадолго перед своей смертью о том, что «надо мужика заставить поверить в науку...»¹ Мы можем с чувством удовлетворения сказать, что *мужик уже начинает верить в науку*, в машину, — и потому с надеждой можем бросаться на борьбу со всякой темнотой:

Куется новый быт заводом и селом,
Где электричество вступило в спор с лучинкой,
Где жизнь — и качеством творцов и их числом —
Похожа на пирог с ядреною начинкой, —

говорит по этому поводу Д. Бедный в ст-и «О соловье».

Но, конечно, темноты еще много, борьба еще трудна, и вести ее надо неустанно, не щадя сил. Демьян учитывает и это, и в частности антирелигиозному фронту посвящает немало внимания.

Одно из последних больших произведений Д. Бедного (написано весной 1925 г.) — «Новый Завет без из'яна евангелиста Демьяна», как раз посвящено антирелигиозной пропаганде².

На этом произведении надо остановиться с особым вниманием, так как появление его в свет есть несомненное литературное и общественное *событие*, а среди демьяновских антирелигиозных произведений оно знаменует собою новый этап. Если в предыдущих своих вещах Демьян, как уже было сказано, бичевал лишь бытовую сторону религии, то тут он *поднимается ступенькою выше* и бьет уже по самым *основам религии*. Цель в этом произведении Демьян поставил себе совершенно определенную — показать «православным тетям, дядям», которые еще наивно продолжают верить в «боговдохновенность» евангелий, в непреложность, святость и истинность каждого слова «священного писания», — сколь нелепа их вера, и показать это *на основании самого евангельского текста*.

А я пишу не на глум, а на ум, —

говорит сам Демьян о целях и методе своей работы, —

Из пальца ничего не высасываю,
Я крючок в евангелия забрасываю,
А потом говорю: — „Полюбуйтесь, каков
Улов!“

Нет, я не глумослов!

Пишу я, православные тети. дяди,
Вашей пользы ради.

Пишу,

Не спешу,

Докладываю обстоятельно.

А вы проверяйте внимательно.

Проследите мою работу:

Изменил я в евангелиях хоть одну йоту.¹ (гл. XIV)

¹ Рассказ «Гайка»; см. Собрание соч. А. С. Неверова (под редакцией Н. Фатова), Изд. «Земля и Фабрика», т. 5-й. Ср. также книгу: Проф. Н. Н. Фатов. «А. С. Неверов. Очерк жизни и творчества». Изд. «Прибой». Л. 1926.

² Отрывок о «Новом Завете» Д. Бедного, под заглавием «Евангелие от Демьяна», был напечатан в № 1 журн. «Молодая Гвардия», за 1926 г., стр. 247—254, в несколько отличной редакции от текста настоящей книги, с некоторыми добавлениями и сокращениями. — Н. Ф.

В евангелиях, как известно, если подойти к ним не предрассудочно, не с суеверным поповским страхом, прежде всего поражает полная несогласованность излагаемых фактов, явная и наивно-неумелая их подтасовка, бездна никак неразрешимых, несмотря ни на какие поповские уловки, противоречий. С этой путаницей сталкиваешься на первой же евангельской странице, излагающей «родословие» Иисуса Христа. Как на-грех, евангелист Лука тоже дает родословие Христа, при чем оно абсолютно не сходится с родословием, приводимым Матфеем. По Матфею, от Давида до Христа было 29 родов, или поколений, по Луке — целых 43, при чем указываются совершенно разные имена. У Матфея генеология идет по царям: Давид — Соломон — Ровоам и т. д. У Луки предки Христа оказываются другими: Давид — Нафан — Маттафей и т. д. Дед Христа, по Матфею, называется Иаковом, по Луке — Илием. Второй курьез заключается в том, что обе родословные приводят ко Христу *через Иосифа*. Как это согласовать с утверждением евангелий, что Иосиф *не был отцом* Христа «по плоти», — ведь Мария зачала «непорочно», от «духа святого», и Иосиф, собственно говоря, *никакого отношения ко Христу не имел*, — совершенно неизвестно. Чтобы доказать происхождение Христа «по плоти» от царя Давида (как того требовали «пророчества»), надо было выводить от него генеологию не Иосифа, разумеется, а *Марии*, которая все-таки (хоть и «непорочно зачала»), как-никак, но была настоящею матерью Христа. Остается предположить, что или — легенды о непорочном зачатии (один из основных «догматов» христианства!) в то время, когда писались эти родословные, еще не существовало и евангелисты считали Иосифа действительным отцом Христа и «подгоняли» под него род, ведущий к царю Давиду, или — евангелисты были столь бестолковы, что не заметили такого сразу бросающегося в глаза противоречия. Имеется масса и других неточностей и натяжек, как в той же родословной, так и в других местах, не исключая даже изложения самого учения Христа, который у одного и того же евангелиста часто говорит взаимно друг друга исключаящие вещи¹. Все эти противоречия, конечно, в корне разрушают убеждение, что в евангелиях все истинно, что нужно беспрекословно верить каждому евангельскому слову, что евангелие — «боговдохновенная» и потому не подлежащая критике книга.

Для трезвого ума это совершенно очевидно, но, к сожалению, люди часто бывают столь бестолковы и столь умеют уверять себя в том, *во что им выгодно или приятно верить*, столь легко поддаются поповскому гипнозу, что не замечают разницы между $2 \times 2 = 4$ и $2 \times 2 = 5$. Но стоит посмотреть на дело непредубежденно, как все нелепости сразу обнаружатся:

¹ См. список этих противоречий в отдельном издании «Нового Завета» Д. Бедного. Изд. «Прибой», Л., 1925, стр. 182—188.

Не нужно иметь ученого диплома,—говорит Демьян,—
А только, чтоб в голове были мозги, а не солома,
Да быть грамотеем мало-мальски приличным,
Чтоб сто раз накрыть этих вралей (т.-е. евангелистов—Н. Ф.)
с поличным (гл. XXXIII).

Демьян и начинает с указания на путаницу евангелий:

Всё прочитать—голова пойдет кругом;
Четыре евангелиста не спелися друг с другом,
Поверить Марку—не поверить Луке,
Разногласия чуть не в каждой строке.
Манера писать—самая боговдохновенная:
Получилась путаница несомненная.
Правда, каждый евангелист,
Дописывая свой последний лист,
Мог бы сказать о своей книжке:
—«Сие мною писано—по наслышке,
А после подправлено святыми отцами».
Так иль сяк
Может видеть всяк.
Что в евангелиях концы не сведены с концами. («Введение»).

Иллюстрируя эту путаницу и несогласованность, Демьян приводит несколько ярких примеров. Вот для образца один—об отношении Иоанна-крестителя к Иисусу Христу:

Припомним евангельское сообщение
Про Иисусово крещение.
Какие при этом были чудеса!
Иван Захарыч видел разверзшиеся небеса,
И святого духа „в виде голубине“
И услышал глас божий о возлюбленном сыне
И сам свидетельствовал о нем:
— «Он будет крестить вас духом святым и огнем!»
Иван Захарыч, думать надо.
Знал, что крестит «божье чадо».
Ан оказалось—ерунда.
Крещенья не было никогда.
Не было духа «в виде голубине»,
И не было гласа о божьем сыне.
Иван Захарыч—до тюремного уловления—
Не имел об Иисусе никакого представления
И, прослыша о нем с чужих слов,
Послал к нему двух послов.
Чтобы узнали они, в его речи вникая.
Что он за личность такая? (гл. VII) ¹

Основной прием изложения у нового «евангелиста» такой: Демьян, срывая всякую поэтическую и мистическую маску с евангельских событий, стремится изобразить их *реально*, так, как они *могли бы происходить на самом деле*, на наших глазах, если отнестись к евангельскому тексту, как к историческому документу. Результаты получились изумительные, при чем самый образ

¹ Д. Бедный имеет в виду следующие слова ев. Луки: «Иоанн, призвав двоих из учеников своих, послал к Иисусу спросить: ты ли тот, который должен прийти, или ожидать нам другого?» (Л., VII, 19).

Иисуса Христа принял совсем иные, правда, несколько непривычные и неожиданные, но совершенно реальные очертания фанатика-проповедника, каких были сотни и до него и после него. Д. Бедному удалось, пользуясь этим методом, нарисовать ряд ярких художественных картин, изображая которые (и в этом весь эффект), он слово в слово почти следует за подлинным евангельским текстом, везде подкрепляя свое изложение точными ссылками и приводимыми тут же выписками из евангелистов.

Вот IV-я глава. Имеет она такое стихотворное (как и все другие главы) заглавие:

Первый блин комом,
Или—как трудно признать бога в человеке знакомом,
С которым в детстве едва ли
Не горох вместе воровали.

Предваряется глава текстами:

«Не плотников ли он сын? Не его ли мать называется Мария, и братья его: Иаков, и Иосий, и Симон, и Иуда? И сестры его не все ли между нами? Откуда же у него все это? И соблазнялись о нем...
...И пришел в Назарет... и вошел... в синагогу, и встал читать:
«...Дух господень на мне, ибо он помазал меня...» И... начал говорить им: «Ныне исполнилось писание сие, слышанное вами». Все в синагоге исполнились ярости. И, встав, выгнали его вон из города, и повели на вершину горы... чтобы свергнуть его... И не мог совершить там никакого чуда...»

Затем идет Демьяново изложение:

Во время оно, когда
Вошел Иисус в года
И попробовал назаретянам плести разное
Несуразное
Про своего отца, «иже на небесех»,
Он так ошарашил всех,
Знавших Иисусова отца до старости,
Что они в великой ярости,
Как говорит евангелист Лука,
Взяли Иисуса за бока
И помяли весьма основательно.
Не зря, уповательно:
Не морочь назаретских жителей!
Не порочь своих родителей!
И пришлось Иисусу улепетывать оттуда,
Не сотворив ни единого чуда...

Чудеса только там бывают,—замечает Демьян,—
Где дураки рты разевают
И, не выходя из обалдения,
Видят чудесные видения...

Почему назаретяне не оказались такими «дураками», Демьян тут же поясняет:

Древние назаретяне,
Как и наши неграмотные крестьяне,
На чудеса были тоже падки,
Но не бывает чуда без загадки,

А тут об'явился им «агнец божий»,
 Не какой-либо неизвестный прохожий:
 Им этот божий ягненок
 Был известен с пеленок.
 Вот почему—дело естественное—
 Осмеяли они его происхождение божественное
 И даже, рукава засуча,
 Чуть не кокнули бога сгоряча.
 Никакого чуда поэтому не вышло.
 Пришлось богу поворачивать дышло...
 Когда Иисус был провален Назаретом,
 То были при этом
 И могли его бредням внимать
 Его братья, сестры и мать.
 Но никто из них не дал подтверждения
 Его чудесного рождения.
 Да и как могли, не спятив с ума,
 Почитать его богом сестры и братия,
 Если мать родная сама
 Не имела об этом никакого понятия,—

что опять же подтверждается соответствующими выписками из евангельского текста.

В своем роде «шедевром» является и глава VI-я, в которой реалистически толкуется «чудо в стране Гадаринской». Так же по-просту изображается и Иван-креститель в виде бродяги-святоши,

Каких и в нашу пору
 По российскому простору
 Бродит столько, куда ни погляди,
 Хоть пруд ими пруди (гл. VII).

Редкой яркости художественно-бытовую картину создает Демьян, описывая знаменитое «изгнание торгующих из храма»:

Возле храма был двор,
 Где шла торговля спокон веку
 Всем тем, что нужно богомольному человеку.
 Обычай уж был такой:
 Всё под рукой.
 Не мотаться же средь города громадного
 Из-за фунта масла лампадного;—
 Не искать же цыгана,
 Чтоб купить жертвенного быка или барана
 И тащить семь верст купленное животное,
 Даяние храму доброхотное;
 Не обращаться же по трактирам и чайным
 К менялам случайным,
 К которым доверия нет,
 Для размена монет...
 Все, что нужно для обихода
 Пришедшего в храм народа,
 Продавалось не в алтаре,
 А в специальном дворе,
 Не имеющем к алтарю прямого отношения.
 Никто не видел в том особого прегрешения,
 Хотя всякому было известно,
 Что не всё тут обделывалось честно,
 Что у каждого из саддукейских богачей

Вертелся тут собственный казначей,
 Не ради дохода с одних свечей,
 Голубей и баранов.
 Храм был окружен десятком ресторанов,
 Кошельки богомольцев разгружающих,
 Гудели сотни гостинниц «для приезжающих»,
 С бесконечным числом «номеров»,—
 Не счесть было кабаков и постоялых дворов,
 Невероятной вместимости,—
 Была улица из одних домов терпимости
 (Для богомольцев—предмет первой необходимости!).
 Весь этот вертеп неопрятный
 Приносил храму доход невероятный,
 Набивая бездонный зоб
 Саддукейских преосвященных особ.
 Вышеназванное торговое помещение.
 Вызвавшее в Иисусе такое возмущение,
 Становилось в праздники ярмаркою бойкою,
 Где сделки кончались нередко попойкою,
 Где быки мычали,
 Торговцы кричали,
 Пьяницы песни горланили,—
 Все вместе святыню поганили.
 Была правда в Иисусовом крике свирепом:
 —«Дом молитвы сделали разбойничьим вертепом!»
 (Гл. XXVII)

Идя этим путем, Д. Бедный на основании евангельских текстов вырисовывает и образ Христа, как сказано, с несколько неожиданными чертами. Прежде всего ярко выступает пристрастие Иисуса, и особенно его учеников, к земным благам, к яствам, питьям и богатству. Отдельную главу посвящает Демьян изображению «без из'яна» первого евангельского «чуда» в Кане Галилейской—этого своеобразного фокуса с вином, заставляющего вспомнить о сказочных «скатертях-самобранках» и не заключающего в себе ничего «божественного». Демьян дает этому «чуду» также остроумное и вполне реалистическое истолкование (см. гл. XIII). В другом месте, приведя евангельские тексты:

«...Вот человек, который любит есть и пить вино, друг мытарям и грешникам» и «...сказал им Иисус: могут ли поститься сыны чертога брачного, когда с ними жених?»—

Демьян рисует такую «евангельскую» картину:

Богач Левий, получив апостольское посвящение,
 Устроил Иисусу роскошное угощение,
 Созвал на пир своих друзей и приспешников,
 Таких же, как сам, мытарей и грешников.
 Иисус со всей апостольской братвой,
 Прельстившись обильной жратвой,
 Возлегли в блестящей мытарской обители,
 Так как—по свидетельству евангелиста Луки—
 И поесть они были большие любители,
 И выпить не дураки...

(Гл. XII)

Пьянство «учителя» смутило даже фарисеев, и они—

На полном, так сказать, основании,
Судили об Иисусе по его компании:
— Хорош, дескать, гусь,—
Какую облюбовал себе гнусь:
Мытарей, купчиков
Да темных субчиков,
Да распутных гуляк.
Пьяный пошляк!—
И рече им Иисус, потемнев от злости:
— «На то свадьба, чтоб напивались гости,
Особливо, когда среди них...
Неб... бес... ный... ж-жених!»
Таков был ответ и Распутина Гришки,
Падкого на вино и любовные интрижки.
Когда его кто корил беспутными друзьями—
Банкирами да князьями:
— «Ет-та... хто-ж... распутен?.. Я-то?!
Игде я, так все свято!..
Понятно, кажись?
Ат-твяжись!!»

Цитируя другие места из евангелий, где говорится, как Иисус охотно с учениками пировал в домах фарисеев и мытарей, в сообществе «грешниц», Демьян рисует одну яркую картину за другой. Говоря о евангельских «женах», Демьян, процитировав евангелиста Луку, у которого перечислены—

«некоторые женщины: Мария, называвшаяся Магдалиною... и Иоанна, жена Хузы, домоуправителя Иродова, и Сусанна и многие другие (женщины), которые служили ему имением своим»,—

дает им такую, «документально удостоверенную», характеристику:

Про Марию Магдалину известно в точности,
Что она была далека от непорочности.
Иоанна, другая спутница Христа,
Была столь же чиста.
Жена Иродова домоуправителя,—
А не какого-либо простого служителя.—
Она, как говорится, взбесилась с жиру,
Бросила казенную квартиру
И осточертевшую ей обузу—
Старого сановника Хузу,
Бросила не столько из-за Иисусовых поучений,
Сколько из-за любви к жизни, полной приключений.
Сусанна была из того же теста:
Нигде себе не находила места.
Спутницы «другие многие»
Тоже не были праведницы строгие:
Уж одно то, что они с великим рвением
Служили Иисусу своим *имением*,
Не вызывает на сей счет разногласия:
Все жены-мироносицы,
Трепавшиеся длинным хвостом
За излюбленным Христом,
Были не скромные рыбачки,
Не смиренные батрачки,
А несомненные богачки...

(Гл. XII)

«Выуживает» Демьян из евангелия и то, что там нет протеста против рабовладения; наоборот, этот институт считается как бы вполне естественным, и на него Иисус даже опирается для подтверждения своих мыслей. И вот Демьян, сославшись на гл. XVII Луки, в своей XVIII главе рисует такую «евангельскую» картинку:

— «Ты, хозяин, сам не ешь, а работника накорми!» —

Так говорят у нас в Твери и Перми.

Говорят, конечно, работники.

Поступать так хозяева не большие охотники, —

Они помнят на сей счет Христовы слова.

Обычно такова

Хозяйская воля:

Пришел голодный раб с поля,

Голодный и усталый,

А хозяин орет, как шалый:

— «Ты чего, дьявол, хватаешься за ложку?»

Успеешь похлебать свою окрошку.

Порядок нужен.

Приготовь сначала хозяину ужин.

Умой неумытую рожу свою

И служи мне, пока я ем и пью.

А потом уж на свою бурду нацеливайся.

Ну, живей пошевеливайся,

Скотина ты неповоротливая!

Ох, ты, жизнь хозяйская заботливая:

От одной только ругани потей!

За что я вас кормлю, сукиных детей?!»

Вскрывая далее, шаг за шагом, нелепости, противоречия и непригодность к жизни евангельского учения, Демьян обращается к «раз'яснению» притч, выбирая, конечно, наиболее странные, как-то: притчу о «десяти талантах», с ее «похвалой скопидомству», или притчу о «неверном управителе». Если первая допускает еще иносказательное толкование, то вторая всегда являлась «камнем преткновения» для богословов, потому что истолковать ее «по-христиански» было никак невозможно, и неудивительно, что, как говорит Демьян, —

Наткнувшись на притчу небесного учителя

Про «неверного управителя»,

Многие красноречивые попы

Превращались в соляные столпы,

Начинали экать,

Мэкать

И никак не могли раскумекать,

Как им быть с притчею такою,

Преподнесенной евангелистом Лукою

(Остальные три евангелиста были поумней:

Не заикнулись о ней).

В этой притче рассказывается о том, что когда хозяин стал учитывать своего неверного управителя, то тот подговорил всех должников выдать фальшивые расписки с уменьшенными цифрами взятого в долг, при чем господин его похвалил, как оказалось, за догадливость. Притча оканчивается довольно странным

нравоучением: «И я говорю вам: приобретайте себе друзей богатством неправедным». И вот Демьян дает реальнейшее и современное истолкование этой притче, так, «чтоб это стало понятно каждому мужику и каждой бабе»:

Всякий знает, как бы ни был он сер.
Что хозяин нашей Эс-Эс-Эс-Эр —
Рабочие и крестьяне,
В большинстве, пока, православные христиане.
Обращаюсь к этой «верующей» части:
Что, если бы при советской власти —
Этакой беды не хотите ли? —
Все главные советские «управители»
Поступали по «Христову завету»:
Гнали б себе в карман монету,
Только б о «неправедном богатстве» заботились,
Только б за личной наживой охотились,
Чтоб, например, Калинин, Рыков и иные прочие
Прожигали денежки крестьянские да рабочие,
С богатыми друзьями якшались,
Неправедных «комиссаров» не гнушались,
Были бы жуликами главными,
Но были б людьми из православных православными,
Почитали б в Иисусе божью ипостась?
Хорошо это было бы? Ась?
Спросим первую тетку Настасью.
Она скажет, небось: «Леший с ней, с ипостасью!
Мы мерина ценим по езде, не по масти.
Пушай советские власти
Что хотят, то и делают богу,
Нам бы сбавили малость налогу!»

(Гл. XVII)

Столь же нелеп и нереален евангельский завет о «непротивлении злу», о необходимости бросить заботу «о завтрашнем дне» по примеру птиц небесных, которые «не сеют, не жнут, не собирают в житницы». Демьян показывает, к чему бы привела на практике такая евангельская «философия труда» (гл. X). Что же касается «птиц небесных», то Демьян приводит даже соответствующую цитату из Брэма (который, к слову сказать, является одной из настольных книг Демьяна и немало ему дал для великолепных характеристик его басенных животных). По Брэму оказывается, что нет существ трудолюбивее птиц, вследствие их чрезвычайной прожорливости по отношению к весу и об'ему своего тела. Так, скворец приносит своим детям по улитке через каждые 3—5 минут и, чтобы прокормить себя и скворчат, должен в день раздобыть 364 улитки. На основании этих сведений Демьян делает вывод:

Иисус доказал примером наглядным,
Что он был невеждой изрядным:
Наплел таких небылиц
Про несчастных птиц,
Небесного царя сопрестольник,
Каких нынче не скажет заурядный школьник,

который сумеет прочесть лекцию —

Про то, что «сын бога-отца творца»
Не знал честной жизни работяги-скворца,
И не то, чтоб пасти в наше время народы.
Не годился бы он в простые птицеводы...

ведь —

...самые бедные Макары
Не позавидуют жизни скворечной пары,
Для которой голод — безжалостный кнут.
Вот вам и не сеют, не жнут,
Не собирают в амбары!

(Гл. X)

Таким образом, логически подготавливается заключение:

Евангельский «жених» с первого взгляду приятен,
Но на нем столько пятен,
Его проповедь настолько убога,
Что видеть в нем бога,
Жизни подателя,
Мироздателя,
Могут только неразумные чада
Поповского стада,
Наипаче — старухи вздорные,
В невежестве упорные,
Выжившие из ума старики
Да безнадёжные дураки.

(Гл. XIV)¹

Другой основной прием Демьяна заключается в иллюстрации евангельских событий *картинами из современного быта*. Уже в приводимых цитатах эти параллели с современностью попадались: сравнение Христа с Распутиным, Ивана-крестителя — с теперешними странниками, назаретян — с нашими «мужиками», упоминания о Калинине, Рыкове и пр.² Теперь остановимся специально на этом приеме и приведем еще несколько примеров.

Прежде всего, Демьян старается показать, что в «пришествии Христа» не было ничего особенного, небывалого. «Христов» родит народная темнота и тяжесть жизни эксплуатируемых масс. Не даром «христы» появлялись у нас без конца:

В царской «богоспасаемой» России,
Не ждавшей «обетованного Мессии»,
Так как про него знали в каждом дворе и в каждой хате,
Что он был «распят за ны при Понтийском Пилате

¹ Чтобы не перегружать изложения цитатами, и так в достаточном изобилии приводящимися, укажу только еще на гл. XIX, в которой ярко изображена глупость и крайняя привязанность к земным благам апостолов, и на гл. XXVII, где нарисована живая картина комического «входа» Иисуса Христа в Иерусалим верхом на осле, при чем на гвалт, поднятый учениками и кучкою любопытных, в конце концов никто, даже «полицейские», не обратил никакого внимания.

² Ср. еще остроумное уподобление Пилата графу Воронцову-Дашкову, быв. кавказскому «наместнику».

И, претерпев до конца,
Воскрес и воссел одесную бога-отца»,—
В царской России, тем не менее,—
Таково было духовное очумение!—
Не случалось ни одного года,
Когда б по распоряжению святейшего синода
Не закатывали в Сибирь,
В Соловецкий или Суздальский монастырь...
Штундиста или хлыста,
Новоявленного христа.
Но скольких христов ни сажали в колоду,
Христам не было переводу...

К сожалению, не переводятся они и в наши дни. Правда,
теперь уж—

Немало попов посбрасывало рясы,—
Остальные гривотрясы
Грызутся меж собой, аки
У обглоданной кости собаки.
Но тьма еще глубока,
Придется ждать долго, пока
Рассеется последняя туча.
Глупость живуча!
И потому-то у нас поныне
Не в одной, так в другой расейской Палестине
Объявляются иконы и кресты
И объявляются новые христы.

(Гл. XI)

Изобразив красочно, как Иисус не побрезговал итти в гости
к «грабителю из грабителей»—мытарю Закхею, Демьян про-
должает:

Подобных примеров бывало
И на Руси немало.
Обратимся хоть к тому же Кронштадтскому Ивану.¹
Он своему святительскому сану
Не видел никакого умаления,
Идя в гости в начальнику жандармского отделения.
Все наши доморощные святители
Любили посещать роскошные обители,
Обивали пороги дворцов,
А наипаче перли в хоромы купцов,
«Общались духовно» с обжорами и кутилами,
Биржевыми воротилами...

(Гл. XV)

¹ «Отец» Иван Кронштадтский—в своем роде «знаменитый» поп, который в конце прошлого и начале нынешнего столетия пользовался огромной всероссийской славой, как «святой жизни» человек. К нему в Кронштадт съезжались бесчисленные паломники, чающие исцеления от болезней и всякой помощи в жизненных делах. Иван Кронштадтский был окружен целым штатом «благочестивых жон», обиравших богомольцев. Несмотря на то, что сам Иван Кронштадтский слыл «бессребренником», он очень уважал «сильных мира сего» и был ярым монархистом. Особенно возмутительны были его выступления, оправдывающие еврейские погромы.

Приведу, наконец, еще замечательную картинку, которую рисует Демьян Бедный в связи с описанием изгнания торгующих из храма. Упомянув, что саддукеи были люди осторожные и не решились сразу прихлопнуть «чудака провинциального», возмущившегося их торгом, Демьян, желая показать, что наши «саддукеи» были куда почище евангельских, продолжает:

Перелицуем евангельский фасад—
Возьмем Троице-Сергиев посад.
Что, если б во времена оны,
Когда перед царем били поклоны
Его верноподданные пленники,
Когда были в силе наши первосвященники,
В лавру, где тлел Сергей-чудотворец,
Явился бы этакий святоборец
И, узревши там ярмарку тоже,
Звезданул бы архимандрита по роже
И стал бы разгонять всю братью,
Торговавшую Сергиевой благодатью...
Что ежели б такой святоборец у Сергиевой раки
Довел из-за торговли дело до драки?
Будьте уверены, что отцы Ипатии,
Авениры да Игнатии,
Агафангелы, Акакии,
Ионы, Павсикакии,
Да послушники всякие,
Митюхи, Федулки,
Не положили бы на руку охулки:
От святоборца—не то, что кровавое тесто,—
Осталось бы мокрое место.

— Вот тебе!

— Вот!

— В печонку!

— В живот!

— Должен был понимать,

Распрамать, перемать,

Как монахов замать!—

Перед нашими саддукеями—говорю без насмешки—
Евангельские саддукеи были жалкие пешки.

(Гл. XXVII)

Исключительные литературные достоинства «Нового Завета» вне всяких сомнений. Приведенные цитаты показывают, какое богатство языка, остроумия, какое мастерство бытовой живописи явил Демьян в своем новом произведении.

Но содержание «Нового Завета» может вызвать известные возражения¹ по вопросу о том, насколько Демьяново «Еван-

¹ Я имею в виду, конечно, не отрицательное отношение к Демьянову «Евангелию» со стороны так наз. «верующих», для которых уже самая мысль о таком произведении представляется «кошунственной»; не говорю и о «христианствующей» интеллигенции—нашей и зарубежной, обвиняющей Демьяна в том, что он «снял с Иисуса хитон», «распял Христа вторично» и т. д. Я имею в виду те возражения, которые исходят из партийных и близких к ним кругов. Такие возражения приходилось, напр., слышать на литературных диспутах о «Новом Завете» Д. Бедного, имевших место в прошлом году.

гелие» пригодно в целях антирелигиозной пропаганды. Некоторые товарищи указывали, что Христос у Демьяна расписан красками, не соответствующими тому впечатлению, которое дают подлинные евангелия, и потому-де «перелицовка» Д. Бедного может иметь обратное действие, т.-е. вызвать вспышку религиозных чувств в темных массах, а не рассеять религиозные предрассудки. Антирелигиозникам известно, что чрезмерная грубость, неуместная насмешка, неправильное истолкование «текстов» — может лишь озлобить «верующих», сделать их фанатичнее. Но в применении к «Новому Завету» Д. Бедного эти возражения совершенно неуместны и говорят лишь о том, что те, кто их делает, сами не вполне еще освободились от рецидива религиозности.

Евангелие есть произведение *литературное*. Мы можем считать вполне научно установленным, что того Христа, о котором рассказывается в евангелиях, — Христа, родившегося «от девы Марии», совершавшего чудеса, распятого и воскресшего, — *никогда в действительности не существовало*. И отношение к образу Христа у всех научно мыслящих людей может быть только одно — как к *персонажу литературного произведения*.

Демьян Бедный пишет *пародию*. Самый жанр пародий «священного писания» (и исторических легенд), которым пользуется Д. Бедный, не нов: он был создан еще французскими писателями XVIII стол. — Вольтером, Парни («Война богов», «Орлеанская девственница») и др., и вызывал протесты лишь в реакционно-католических и иных «христианских» кругах. В этом же жанре написана и у нас «Гавриилиада», знаменитая поэма Пушкина, — и Д. Бедный, создавая «Новый Завет», является в данном смысле лишь *его учеником и продолжателем*, с тою, впрочем, разницею, что Пушкин для своей замечательной поэмы ограничился только одной евангельской легендой о «благовещении», Демьян же «перелицевал» все евангелие, отвергнув, между прочим, пушкинскую трактовку вопроса об отце Христа.¹

¹ Тов. Лелевич в примечаниях к VIII т. Собр. соч. Д. Бедного, стр. 305—306, оспаривает эту литературную параллель: «Это мнение Фатова, — пишет он, имея в виду мою статью в № 1 «Молодой Гвардии», за 1926 г., — представляется мне ошибочным. У поэмы Пушкина и книги Демьяна совершенно *различная* установка. Б. Томашевский в своих примечаниях к «Гавриилиаде» правильно утверждает: «Пушкин кощунствовал не для пропаганды антирелигиозных идей». Вяземский очень точно определил «Гавриилиаду», как «шалость»... В блестящей и остроумной поэме Пушкина нет ударов против религии, как таковой... «Новый завет без из'яна»... продолжает линию не «Гавриилиады» и других образцов легкого барского кощунства, а идейных антирелигиозных произведений Вольтера, Парни и других борцов XVIII столетия». Эти возражения т. Лелевича никак нельзя признать основательными. Частью они построены на непонимании того, что я хотел сказать, частью же просто неверны. Я вовсе не говорил, что у Пушкина и у Д. Бедного была одинаковая установка, одинаковая *цель*. Само собою разумеется, что Пушкин не ставил и не мог ставить тех целей, которые ставил «евангелист Демьян». Я говорил лишь о *литературной*

Пародия есть пародия. И пародируемые персонажи, конечно, выступают всегда с чертами смешными, комическими, отрицательными. И никого никогда это не может оскорбить. Герои какой-нибудь «Энеиды» Вергилия не менее «поэтичны», чем персонажи «Евангелия», но разве кто-нибудь находил украинскую перелицовку «Энеиды» Котляревским — «кощунственной»?

Поэтому-то я и сказал, что те товарищи, которые обвиняют Демьяна за «принижение» образа Христа, *сами, повидимому, не вполне отделались от рецидива религиозности*, так как возмущаться демьяновской пародией можно *только в плоскости религиозной*, а не литературной.

Наконец, нельзя винить Демьяна и в «неверном» изложении и истолковании текстов. Уже говорилось, как пунктуален в этом смысле «новый евангелист» — всякую свою характеристику он подкрепляет ссылками на евангелия и лишь пытается взглянуть на сказанное *просто, трезво*, без всякой религиозно-поповской предвзятости. Само собою разумеется, что согласно поставленным автором целям, в силу основной пародийной установки, на первое место выступают не привлекательно-поэтические черты Христа, а черты *отрицательные*. Но было бы совершенно неверным считать, что Демьян рисует Христа *только с дурных сторон*.

Настроенный так сказать «богохульно», — замечает он сам по этому поводу, —

Я не все хую в старых евангелиях огульно.
Попадают в них, в виде исключения,
Весьма неглупые изречения (гл. XIV).

Так, Демьян признает «правду» в Иисусовых словах по поводу торгующих в храме, — отмечает его сильные гневно-обличительные речи против нечестивых городов и фарисеев (гл. XX и XXVII); казнь Христа считает «драмой» и описывает ее вовсе не сатирически — Христос на кресте жалок, а никак не смешон, и т. д.

преимущественности, об одинаковом подходе к евангелию. Пушкин взял легенду о благовещении и изложил ее вольно и реально — то же делает и Д. Бедный по отношению к своему евангелию. Странно указание, что Д. Бедный подражал не Пушкину, а Вольтеру и Парни — ведь «Гавриилиада» написана именно в стиле пародий этих писателей. Ссылка на Б. Томашевского несколько не убедительна: дав прекрасный историко-литературный комментарий к «Гавриилиаде», он совершенно оставил в стороне ее общественно-антирелигиозное значение. Наконец, пусть даже сам поэт смотрел на тему, как на «шалость», *объективно* она имела по тем временам колоссальное антирелигиозное значение. Да и совершенно неверно утверждение, будто Пушкин этого не понимал. Достаточно вспомнить слова Пушкина о том, что «Зевса нет» и «Греции навек угасла вера», и сопоставить с этими словами мастерское изображение еврейско-христианского бога точь-в-точь такими же чертами, какими изображались обычно боги греческого Олимпа. Курьезно, что т. Лелевич не замечает, как сам побивает себя, ссылаясь на мнение... самого Д. Бедного: «Демьян в стихотворном предисловии к «Гавриилиаде» восторженно отзываясь об антирелигиозных качествах поэмы Пушкина» (стр. 305—306).

Но у Демьяна мастерски показано, что образ Христа, получаемый на основании трезво понятых евангельских слов, совершенно *не похож* на образ поповского Христа, не похож прежде всего *на бога* или «богочеловека». Об этом и сам Д. Бедный говорит в «Послесловии»:

Это—*первый этап* антирелигиозной работы:—«Посмотри, сколь твой бог жалок и омерзителен».¹

Второй этап:—«Ни хорошего, ни плохого бога не было. Выдумка!» (Собр. соч., VIII, стр. 232—233).

Но приведенными соображениями еще не разрешается, конечно, практический вопрос—о пригодности «Нового Завета» Демьяна для целей антирелигиозной пропаганды. Проверить эту пригодность, разумеется, можно лишь *на практике*.

Такая «практика» *уже имеется*, и говорит она всецело *в пользу* демьяновского евангелия. Д. Бедный рассказывал мне, что он получил *несколько сот писем* от читателей по поводу своего «Евангелия». Часть этих писем—«ругательная»², но другие письма показывают, что книга Демьяна «попала в точку».³

При сверке крестьянами приводимых вами евангельских текстов получается хороший эффект: *растерянность и недоумение*,—пишет Демьяну один из его корреспондентов.—Не только молодежь, но и старики *становятся на точку сомнения в правдивости евангелий*...

¹ У Демьяна Бедного И. Христос прежде всего «слишком человек». В этом отношении образ, нарисованный Д. Бедным, напоминает знаменитую картину художника Ге, на которой Христос перед Пилатом изображен столь жалким, столь непохожим на бога, что царское правительство одно время даже пыталось «запретить» эту картину (теперь она находится в Третьяковской галлерее).

² Об этих «ругателях» Д. Бедный написал еще и особое стихотворение—«Послесловие»:

Получил я уйму писем читательских,
Среди них—немало ругательских.
Для площадной ругани защитников Христа
Иной раз не хватало почтового листа.
Ругались православные выразительно,
Порой прямо омерзительно:
И в веру, и в бога, и в мать.
Похабщины им не занимать.
Ругаются крепко православные миряне,
Особливо остро ругаются купцы,
Еще гуще—бывшие дворяне,
А уж всех погуще—духовные отцы.
Вот до чего, стервецы, наловчились.
Сразу видать—в семинарии учились.

(«Тема, от которой не уйдешь»)

³ «Руганью меня не проймешь,—замечает Демьян в «Послесловии». Ругаются потому, что в точку, в больное место попал». (Собр. соч., VIII, стр. 231).

У меня был случай, когда я прочел крестьянам ваше сочинение и ссылки евангельские, то мне не поверили,—одна крестьянка взяла и прочитала эти ссылки в евангелии сама и опять не поверила, говоря «Это евангелие русское, а в латышском, наверное, не так написано» (она сама—латышка). Но когда достали евангелие на латышском языке, и прочитала она в нем то же, что и в русском, она оказалась в растерянности и недоумении.

Такие результаты нельзя не считать положительными. Ими вполне доволен и сам автор.

Растерянность и недоумение...—пишет он, приведя процитированные слова письма.—Большого я и не добивался. Я взял канонические евангелия, какие они есть, и попытался точно, придерживаясь этих евангелий, показать, что Иисус выглядит совсем иначе, чем принято его изображать... Для большей жизненности и убедительности я привлек к делу многочисленных русских христов и мироносиц. Получилось густо, но психологически верно. Этим и вызывается в читателях *растерянность и недоумение*.

«Новый Завет» Демьяна уже сейчас получил широчайшее распространение. На лиц, не искушенных в богословских тонкостях, не привыкших толковать евангельские тексты символически и ловкими софизмами обходить противоречия, даже этих противоречий в «простоте сердечной» и не замечающих, а слепо верующих поповскому слову о «боговдохновенности» евангелий, «Новый Завет» Д. Бедного, без сомнения, произвел и будет производить (особенно в деревне) *колоссальное впечатление*, многим впервые «открывая глаза». Конечно, в некоторых слоях он вызывал, вызывает и будет вызывать «возмущение», но это как раз те слои, которые вообще «безнадежны» и к антирелигиозной пропаганде не восприимчивы. Их, конечно, приходится скинуть со счета. Нам важны те массы, которых чтение демьяновского «Нового Завета» приводит в «растерянность и недоумение», которых он, может быть, впервые *заставит задуматься* и обратиться к дальнейшему изучению вопроса. А этого одного уже не мало.

«Евангелие» Д. Бедного целит, главным образом, в деревню, в крестьянство, которое относится к демьяновской «поэме» с чрезвычайным интересом¹. Надо иметь в виду, что самая сатира на религию вовсе не является для нашего крестьянина чем-то неожиданным и неприемлемым: наоборот, она, так сказать, вполне соответствует «народному духу». То, что верующие называют «кошунством», было всегда самой привычной формой сатиры для народных масс, во всяком случае, для некоторых слоев деревни: вспомним народные сказки о попах (ведь попы всегда были для крестьянства представителями другого, угнетательского, класса), вспомним нелюбовь народа к духовенству или хотя бы такие явления в прошлом, как петровский «всешутейший и всепьянейший собор»,

¹ Ср. любопытный стихотворный отклик на «Новый Завет» Д. Бедного, напечатанный в «Бедноте», 1925 г., № от 15 сент.

на котором творились такие издевательства над религией, до каких далеко Демьяну. Не даром В. Г. Белинский писал в знаменитом письме к Гоголю:

Про кого русский народ рассказывает похабную сказку? Про попа, попадью, попову дочь и попова работника. Не есть ли поп на Руси для всех русских представитель обжорства, скупости, низкопоклонства и бесстыдства?.. По-вашему, русский народ самый религиозный народ в мире: ложь! Основа религиозности есть пиетизм, благоговение, страх божий. А русский человек произносит имя божие, почосывая себе... Он говорит об образе: *годится—молиться, а не годится—горшки покрывать*¹. Приглядитесь попристальнее, и вы увидите, что это по натуре глубоко-атеистический народ.

Этим в значительной степени объясняется и большое распространение среди крестьянства различных рационалистических сект. И, к слову сказать, —напрасно Демьян адресуется только к «православным тетям, дядям». Православие у нас сейчас, даже в глухих деревнях, вовсе не в такой уже чести. Ходят в церковь, исполняют обряды многие крестьяне скорее по привычке, по обычаю, чем по действительно глубокой, фанатической вере. Сектанты — всевозможные баптисты, адвентисты, штундисты и т. п., являются для нас в области религиозной гораздо более опасными противниками, чем «православные». Количество их исчисляется миллионами, если не десятками миллионов. Они давно сумели освободиться от обрядовой стороны религии, от примитивной веры в чудеса, в чертей и ангелов и т. д. Религия у них более «разумна» и сводится преимущественно в жизненной философии и этике, к переустройству личного и общественного быта на началах порядочности, трезвости, братского, «христианского» отношения друг к другу, что очень часто привлекает к ним весьма многих из крестьянства, поскольку «православная церковь» перестала давать какую бы то ни было «духовную пищу» и отвечать на возникающие запросы. Борьба с этими религиозными учениями для нас гораздо труднее, чем обличать попов, нелепость веры в «обновление» икон, в нетленность мощей и т. д., тем более, что сектанты действительно умеют строить жизнь по-иному, отвечать на примитивные запросы и подкупают своею исключительной честностью, порядочностью в общественных делах и т. п. Евангелие составляет основу вероучения этих сектантов, и если и в их среде чтение демьяновского «Нового Завета» также породит «растерянность и недоумение», то это будет, конечно, огромной победой научного мирозерцания.

¹ Последнее утверждение, конечно, отзывается некоторым ненаучным идеализмом: мы знаем, что религия, религиозность, не есть следствие «национальных», т. е. антропологических, свойств того или иного народа, а — «надстройка», вырастающая с неизбежностью над определенными производственными отношениями. Но Белинский совершенно верно подметил бытовые черты нашего крестьянства, его трезвый ум, его несклонность (в массе) к мистике.

Таким образом, нельзя не признать «Новый Завет» Д. Бедного как с художественной стороны, так и по содержанию в *высокой степени замечательным и полезным произведением*, и притом крупнейшим завоеванием *именно пролетарской литературы*.

Рассеивая религиозный дурман, борясь за научное мирозерцание, Д. Бедный этим произведением, без сомнения, *организует, толкает мысли и настроения читателей в направлении к конечным целям пролетариата—к коммунизму*. Только художник, *связанный с победоносным пролетариатом*, мог «осмелиться» написать такое произведение, от одной мысли о содержании которого, что называется, «поджилки трясутся» у всех наших врагов. Нет сомнения, что *и в мировой литературе «Новый Завет» Д. Бедного является в своем роде единственным и значительнейшим произведением*. Остается пожалуй только о том, что перевод демьяновской сатиры на иностранные языки чрезвычайно труден. Но если бы нашлись переводчики, сумевшие хотя приблизительно передать «Евангелие от Демьяна» нашим зарубежным братьям, то колоссальное *интернациональное значение* этого произведения Д. Бедного не подлежало бы никакому сомнению.

Еще о самом Демьяне

Биографию Д. Бедного мы оборвали вместе с началом революции, и это потому, что с 1917 г. его жизнь, как писателя, *сливается с историей революции и партии.*

В годы гражданской войны Д. Бедный, как уже отмечалось, объездил все фронты и расценивался в качестве «боевой силы». С наступлением мирной передышки Демьян получил, «бессрочный отпуск» и в настоящее время живет в Москве, лишь изредка совершая поездки «по делам» — поглядеть на Нижегородскую ярмарку, на открытие крестьянского санатория в Крыму или в Дымовку, далекую Херсонскую деревушку — на процесс убийц селькора Малиновского, и т. п.

Популярность Демьяна очень велика. Его неоднократно избирали членом Московского Совета, почетным членом разных рабочих организаций.

Совершенно исключительное значение Д. Бедного, его *абсолютная незаменимость* всегда учитывались; поэтому ему обыкновенно и не поручалось никаких других дел, кроме его основного — писательства.

Но в своей области он получал нередко определенные просьбы или «приказы» — отозваться на то или иное явление. Эти приказы исходили не только от руководящих кругов, но иногда и от читателей. Напр., любопытный «приказ» получил Д. Бедный от двух красноармейцев — т.т. Бычкова и Вершинина. Письмо их написано безграмотно, даже (почему-то) на ломаном, не чисторусском языке, но оно крайне характерно. Вот его текст:

В редакцию газеты «Правда».

Товарищ редактор прошу не отказать в моей просьбе и передать вот эту письмо нашему бывшему другу и писателю красной армии Демьяну Бедному теперь он конечно гражданин.

Здравствуй дорогой товарищ, посылаем тебя свой привет, извещаем тебя что мы очень за (?) тобой скучаем и за (!) твоими стихами. Поверь, что мы все удивлены твоим молчанием, вероятно слишком уж огражданился и забыл за (?) своих старых друзей красноармейцев. Но ведь вспомни прошлое наше, хотя мы с тобой и не виделись, но ежедневно разговаривали через посредство твоих художественно изложенных стихов. И вот в настоящее время, когда в тебя большое молчание и мы слишком скучали за (?) тобой.

Просим, чтобы ты чего-нибудь сказал в своих стихах, как бывало говорил и ободрял нас во времена ожесточенной борьбы с бе-

логвардейцами. Ведь теперь также интересное время, Демократическая пацифизма. На которую ты можешь дать нам свой стих, чтобы мы помогли посмеяться и рассказать своим молодым товарищам красноармейцам, которые так много читают твои стихи.

Спочтением к тебе твои старые друзья кр-цы 58 горынградского кавполка. Подписали *Бычков. Вершинин*.

Просим ответ. 23 сент. 1924 г.

Это характернейшее письмо приведено Д. Бедным в качестве эпиграфа к ст-ю «Красноармейский приказ» («Правда», 1924, № от 10 окт.). Ст-е заканчивается такими словами:

Выводят строчки без помарок
Бойцы—*Вершинин и Бычков*.
Какой убийственный подарок
Для пацифистских дурачков!

Чтоб нанести врагу увечья,
Мне дан приказ:—«*Демьян свистит!*»
На языки и все наречья
Такой приказ перевести!

Заслуги Д. Бедного были официально увенчаны награждением его орденом Красного Знамени—единственный случай присуждения этой награды не за боевые подвиги. И это награждение рассматривалось как событие общереспубликанского значения. Д. Бедный получил соответствующее обращение от самого ВЦИК'а. Вот текст этого замечательного документа:

ТОВАРИЩУ ДЕМЬЯНУ БЕДНОМУ.

Советская Республика недавно торжественно праздновала пятилетие существования победоносной Красной армии. Победы Красной армии обеспечены были не столько технической и материальной силой, далеко уступавшей силам врага, сколько беспримерным героизмом бойцов, их революционным сознанием и беззаветной преданностью революции.

Красная армия превосходила противника сознанием правоты своего дела, дела трудящихся,—чего не могло быть в армии врага, где солдат принуждали сражаться за чуждые им интересы капиталистов.

Велика заслуга тех, кто вооружил бойцов Красной армии оружием революционного сознания, кто воодушевлял их на трудные и славные подвиги.

Особо выдающиеся и исключительные заслуги Ваши, как поэта великой революции, оценены по достоинству рабоче-крестьянскими массами республики и особенно участниками гражданской войны. Произведения Ваши—простые и понятные каждому, а потому и необыкновенно сильные, зажигали революционным огнем сердца трудящихся и укрепляли бодрость духа в труднейшие минуты борьбы.

Страдания, борьба, подвиги и достижения восставшего пролетариата находили в вас достойного певца. В Вашем лице поэзия, быть может, впервые в истории, так ярко связала свои судьбы с судьбами человечества, борющегося за свое освобождение, и из творчества для немногих избранных стала творчеством для масс.

Ваше творчество мужало и крепло вместе с ростом сил революционного пролетариата и закалкой его воли.

Отмечая Ваши исключительные художественно-литературные заслуги, как в тяжкий период накопления пролетарских сил до победы—

ноской Октябрьской революции, так и в невероятно трудное пятилетие борьбы с российской и мировой контрреволюцией, Президиум ВЦИК надеется, что и грядущие неминуемые испытания в развивающейся борьбе застанут Вас на славном посту поэта революции в полном расцвете творчества, посвященного народу.

Выполняя свой долг перед трудящимися РСФСР, Президиум ВЦИК награждает вас орденом *Красного Знамени*.

Председатель Всероссийского Центрального
Исполнительного Комитета *М. КАЛИНИН*.

Секретарь Всероссийского Центрального
Исполнительного Комитета *Т. САПРОНОВ*.

Одновременно с этим постановлением ВЦИК'а был дан следующий приказ Реввоенсовета:

П Р И К А З

Председателя Революционного Военного Совета Республики.

22 апреля 1923 г.

№ 279.

Гор. Москва.

Демьян Бедный, меткий стрелок по врагам трудящихся, доблестный кавалерист слова, награжден В.Ц.И.К.—по представлению Р.В.С.Р.—орденом Красного Знамени.

За все время гражданской войны Демьян Бедный не покидал рядов Красной армии. Он—участник ее борьбы и ее побед.

Ныне Демьян в бессрочном отпуску. Пробьет час—и армия призовет его снова.

Узнав о награждении своего поэта, каждый красный воин скажет: «Спасибо Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету. Награда по заслугам!»

Председатель Революционного Военного Совета
Республики *Л. ТРОЦКИЙ*¹

Приказ предреввоенсовета верно говорит, что для каждого красного воина Демьян—свой поэт. Приведу характерные сведения из одной анкеты, проведенной по поводу Д. Бедного в одной красноармейской части, заимствуя их из заметки А. Тимофеева: «Красноармейцы о Демьяне Бедном», помещенной в № 3 (84) журн. «Книгоноша» за 1925 г.

Демьян Бедный,—пишет т. Тимофеев,—состоит почетным стрелком нашей 27-й Омской стрелковой дивизии... В целях учета отношения красноармейцев к сочинениям Демьяна Бедного и направления чтения в более правильное русло, нами была проведена анкета об отношении к его произведениям... Анкета была проведена в двух частях дивизии: дившколе младшего комсостава и в одной из рот стрелкового полка, среди красноармейцев рождения 1901 года.

Анкету заполнило 124 человека, по занимаемой должности в армии исключительно красноармейцы, четыре анкеты оказались негодны.

¹ Известия ВЦИК, 1923, № 89, от 24 апр.

Далее в заметке приводятся резюме ответов на отдельные пункты анкеты. Вот некоторые, наиболее интересные:

3. Что особенно любите читать из произведений Демьяна Бедного? Многие отвечали об интересе по двум и больше вопросам; наибольший процент ответов: а) о попах—32 проц., б) о крестьянской жизни—23 проц., в) о буржуях и спекулянтах—19 проц., г) о наших недостатках—13 проц., д) о революции—12 проц.

4. Нравится ли Демьян Бедный больше других писателей и почему он вам особенно нравится?—40 процентов не могли дать ответа, остальные распределяются так: а) смешно пишет—11 проц., б) пишет простым языком—9 проц., в) правильно пишет—10 проц., г) хорошо пишет о крестьянской жизни—10 проц., д) что критикует—9 проц., е) как пролетарский писатель—9 процентов, ж) за хорошие песни—2 процента.

Приводим некоторые ответы дословно. Красноармеец-крестьянин, учился 2 года в сел. школе: «Потому что Д. Бедный не стесняется никаких этих буржуев и попов, а пишет все подробно, вот чем лучше нравится других писателей нонешних».

Красноармеец-рабочий, учился 3 года. Пишет: «Нравится он мне потому, что его сочинения и произведения написаны простым и понятным языком, близким нашему русскому трудовому народу».

Красноармеец-садовник, 4 года учился в сельской школе: «Люблю за то Д. Бедного, что слишком уж смешно пишет и так любит позадеть и уколоть, прямо за живое, и еще за то, что защитник крестьян».

5. Ваша просьба к Д. Бедному (о чем вы хотите, чтобы писал Д. Бедный)? Ответы: а) о крестьянской жизни—21 проц., б) о недостатках—20 проц., в) чтобы написал песню о 27-й Омской дивизии—16 проц., г) о попах—16 проц., д) о Кр. армии—12 проц., е) о буржуях—6 проц., и ж) о совдураках—5 проц.

Красноармеец-рабочий, учился 3 года, пишет: «Уважаемый Демьян Бедный, пиши побольше о нашей темноте в деревне и о совдураках, которые занимают не по уму должности».

Красноармеец-крестьянин: «Желательно мне, чтобы Демьян Бедный написал про жизнь крестьянства и заглянул бы в Кр. армию».

6. Какие книжки или стихотворения Демьяна Бедного вам больше всего понравились и почему? Ответы: а) все понравилось—25 проц., б) о попах—21 процент, в) револ. стихотворения—9 проц., г) «Андрей Хмурый» (!)—4 проц., д) «Мужики»—4 проц., е) «Всяк Еремей»—3 проц., ж) «Как крокодил в церковь ходил»—2 проц. и «Красный звонарь»—2 проц.; остальные произведения указаны по одному разу и 22 процента не ответило.

Эта анкета является прекрасным дополнением к тем сведениям о популярности стихов Д. Бедного, которые мы приводили в начале этой книжки. Было бы крайне любопытно провести подобные анкеты в гораздо более широких размерах и не только в красноармейской среде, но и в рабочих клубах, в избах-читальнях, в учебных заведениях. Соединив данные этих анкет с письмами, получаемыми самим Д. Бедным, можно было бы, действительно, получить материал для совершенно исключительной ценности книги о том, как массы воспринимают своего писателя.

Из дальнейших событий в жизни Д. Бедного необходимо отметить одно—*смерть В. И. Ленина*, которая Демьяном была воспринята,—так как он имел великое счастье близко *лично* знать Владимира Ильича,—еще и как глубокое *личное горе* и заставила его надолго замолчать.¹

Потрясая всех потеря вождя вызвала целый поток стихотворений по всему СССР: писали и крупные, общепризнанные поэты, писали никому неизвестные, полуграмотные «сочинители», писали на разных языках, писали учащиеся, дети, писали даже те, которые вообще никогда раньше не писали стихов. Всего, по моим приблизительным подсчетам, было написано не менее 10.000 стихотворений,—своеобразный венок на могилу вождя. Среди этих стихотворений было много, конечно, наивного, неумелого, бездарного, но всегда была искренность, нераздельная скорбь, сыновняя любовь к Ильичу, преклонение перед ним, как перед величайшим из людей, жалость к нему, как к человеку,—что не дожил он до окончательной победы пролетариата, что не суждено было ему увидеть многих плодов дел своих, которые он увидел бы, если бы не преждевременная болезнь,—и наряду с этим бодрая вера в будущее, убеждение, что если умер Ленин, то жив ленинизм, вера в то, что за смерть одного жизнь отомстит «тысячами родин».

Среди этого тысячеголосого хора Демьян *упорно молчал* и целый месяц *не мог писать ничего*. Лишь 24 февраля появилось в «Правде» небольшое его стихотворение, которое он посвятил «ленинскому набору»—стихотворение, полное тоски и грусти, но в то же время и твердой веры ленинца в будущее:

Печаль моя, тебя ли утаю?
Молчанием тебя я выдаю.
Но будит мрак огней далеких вспышки.
Скончался вождь. Но рать его в бою,
И на чеку сторожевые вышки.
Прощай, Ильич! Оплакав смерть твою,
Кончаю срок жестокой «передышки».

Пронесся стон: «Ильич, наш вождь, угас!..
Кто ж поведет дорогой верной нас?
Откуда ждать нам вещей откровений?»
И потекли лавиной в тот же час
В наш строй ряды железных пополнений.
Нет Ленина, но жив рабочий класс
И в нем живет—вождя бессмертный гений!

¹ Помню, как утром 22 января 1924 г., когда роковая весть стала разлетаться по Москве и дошла до меня в виде чьего-то телефонного сообщения, я сейчас же позвонил Ефиму Алексеевичу—с ужасом и затаенной надеждой получить опровержение,—и на мой вопрос: «Правда ли?..»—я услышал его прерывающий низкий голос: «Да, правда...» Больше он не мог ничего говорить...

Вот мавзолеей. И траурный убор.
Здесь будем мы трубить военный сбор.
Здесь наш алтарь и наш ковчег завета.
Да будет же наш «Ленинский набор»
Защищена тобой святыня эта!
Отсюда ты на вражеский напор
Пошлешь бойцов для грозного ответа!

(«Новым коммунистам»)

Но и «разрешив» себя от вынужденного скорбного молчания, Демьян все же почти целый год писал мало и скупое. Лишь после годовщины смерти Ленина он нашел в себе силы опять писать попрежнему,—легко, свободно и весело. Самой же годовщине он посвятил одно из лучших и трогательнейших своих стихотворений — «Снежинки», которое одно могло бы показать всем скептикам, какой большой поэт—в узком смысле этого слова, т.-е. лирический поэт, сидит в Демьяне.

Привожу это стихотворение целиком:

С н е ж и н к и.

Засыпала звериные тропинки
Вчерашняя разгульная мятель,
И падают, и падают снежинки
На тихую, задумчивую ель.

Заковано тоскою ледяною
Безмолвие убогих деревень,
И снова он встает передо мною,
Смертельною тоской пронзенный день.

Казалось: земля с пути свернула.
Казалось: весь мир покрыла тьма.
И холодом отчаянья дохнула
Испуганно-суровая зима.

Забуду ли народный плач у Горок
И проводы вождя, и скорбь, и жуть,
И тысячи лаптишек и опорок,
За Лениным утаптывавших путь.

Шли лентою с пригорка до ложбинки,
Со снежного сугроба на сугроб.
И падали, и падали снежинки
На Ленинский—от снега белый—гроб.

(«Правда», 1925, № от 21 янв.)

И в заключение еще несколько слов о самом Демьяне. О любви к его произведениям, об их влиянии на массы неоднократно говорилось уже выше. Здесь я хочу еще сказать об исключительном интересе к самой личности Д. Бедного. С этим интересом постоянно сталкиваешься везде, особенно в провинции; когда заходит разговор о Демьяне и когда разговаривающий

узнает, что ты знаешь Демьяна Бедного, видел его, знаком с ним, сейчас же этот исключительный интерес обнаруживается: засыпают вопросами: каков он из себя? какое у него образование? как он живет? и т. д. А обыватели сейчас же, полушопотом, желая удостовериться в справедливости ходящих сплетен и легенд, спрашивают: «А, скажите, правда ли?»¹

Появление Д. Бедного на каком-либо собрании, с'езде обычно производит своего рода «фурор», приковывает всеобщее внимание; Демьяна приветствуют аплодисментами; у знакомых при встрече с ним лица расплываются в улыбку, остальные с любопытством разглядывают его (чем он, обыкновенно, весьма смущается). Кто никогда раньше не видал Демьяна, нередко удивляется «несоответствию» его представительной «гренадерской» фигуры—прозвищу: «Бедный». Иногда получают курьезы. Вот, к примеру, на недавно происходившем с'езде селькоров во время доклада тов. Савченка, члена коллегии Наркомзема, входит Демьян.

В это время в зале появляется Демьян Бедный (привожу рассказ по «Бедноте», 1925, № 2059, от 11 апр.), встреченный с'ездом продолжительными аплодисментами. Селькоры с любопытством разглядывают его. Сидевшая в президиуме крестьянка удивляется тому, что Демьян Бедный по виду совсем не такой, как она думала:

— Думала, что он худой, а он грузный...

Тов. Савченко продолжает свою речь...

Под долгие аплодисменты на трибуне появляется тов. Демьян Бедный.

— «Такая уж у меня беда,—говорит тов. Демьян Бедный,—если я приеду куда-нибудь посмотреть, так начинают меня показывать. А я думаю, будет больше пользы мне послушать вас, чем вам слушать меня...»

О себе, о своей фигуре, Д. Бедный любит говорить с добродушной усмешкой:

И я был юношей,

пишет он, напр., в стихотворении «С наступающим»,—

теперь гиппопотам,

Которому, увы, к приманчивым цветам

С былою резвостью не прыгнуть чрез ограду...²

В другом месте он называет себя «детинкой семипудового весу». Изображая в ст-и «Рабочее чутье» свое пребывание среди

¹ В числе различных курьезных легенд о Д. Бедном чаще всего наталкиваешься на две, выражающиеся в вопросах: «правда ли, что он... еврей» и—правда ли, что он «не простого роду»? Кроме того, некоторые, особенно попы, уверены, что он—из духовного звания и обучался не иначе, как в семинарии: очень хорошо «писание» знает.

² В молодости, студентом, Е. А. Придворов был художав.

меньшевистской публики на собрании в бывшей сытинской типографии, Демьян язвительно рассказывает:

... меньшевики подлетели ко мне с такою поспешностью,
Будучи очарованы моей солидной внешностью.
Большевистский псалмопевец, я—русак кряжистого вида,
Меньше всех похож на псалмопевца Давида,
А скорей смахиваю на тучного Голиафа;
Идет мужчина вроде об'емистого шкафа;
Меньшевики ж народ толковый—
Почудился им во мне хозяин новый,
Арендатель там, аль концессионер...

В другом месте, аттестуя себя, как «громадного детину», Демьян дает себе такую характеристику:

А я весельчак по натуре,
Да еще поглядеть на мои бока,
Вроде только что с'ел быка,
Кряжист, довольно молод,
А говорю про голод.
Но, братцы, не моя вина,
Что у меня широкая спина;
Не сколоти меня так крепко природа,
Не протянул бы я и полгода...

(«Вступайте в партию»)

Ограничившись этими «автохарактеристиками», число которых можно было бы и еще умножить, замечу только, что едва ли правы те, которые видят в фигуре Демьяна некое чему-то «несоответствие». Наоборот, по-моему, большего «соответствия» и представить нельзя. Можно ли вообразить себе Крылова тоненьким и худощавым? Точно так же и Демьян. Эта грузная, чисто российская фигура так идет нашему «большевистскому протонерею». Эта почти лысая голова, с маленькими, чуть прищуренными глазами, в которых светится всегда такой живой огонек, а порою то поблескивают искорки гнева (и с языка Демьяна готово слететь крепкое «православное» ругательство), то просвечивает нежность умиления и восторга; этот иерихонский голос, особо эффектный в телефон, когда Демьян на манер какого-то львиного рычания говорит свое неизменное «алло»; этот закатыстый смех, каким редко кто умеет у нас смеяться, — что можно придумать лучше, выразительнее, колоритнее, скульптурнее для нашего сатирика и баснописца? ¹

¹ Ср. слова Л. Войтоловского: «Внешность Демьяна Бедного удивительно сливается с его стихами. Это—тот самый характерный образ, который невольно рисуется за крепкими строчками его басен. Широкое русское лицо. Зычный и уверенный голос. Тучное крыловское тело. В каждой складке печать избыточной силы и радостного утверждения жизни. Есть что-то отчуждающее от людей, надломленных и проточенных немощью, в этой непреодолимой уверенности Демьяна. Отсутствие блеска и лака при непреодолимой уверенности, окружающей

Демьян из тех фигур, про которых говорится: «не ладно скроен, да крепко сшит». И кажется, *только таким* и может быть наш, большевистский, рабоче-мужичский поэт, к которому даже и слово это как-то мало подходит; не даром и сам он недоумеваает:

Пою! Но разве я «пою»?
Мой голос огрубел в бою...

и дает себе такую замечательную характеристику, которой я и закончу свою книгу о Демьяне:

Я возвышаю голос мой
Глухой, надтреснутый и гневный;
Наследья тяжкого неся проклятый груз,
Я не служитель муз:
Мой твердый, чоткий стих—мой подвиг ежедневный.
Родной народ, страдалец трудовой,
Мне важен суд лишь твой,
Ты мне один судья прямой, нелицемерный,
Ты, чьих надежд и дум я выразитель верный,
Ты, темных чьих углов я—«пес сторожевой!»

(«Мой стих»)

фигуру Демьяна Бедного, придают ему характер крутой несговорчивости. И только улыбка, легко появляющаяся на губах, и затаенно-зоркие, умные глаза говорят о снисходительно-мудром отношении к жизни. Так глядят люди, много испытавшие на своем веку и много думавшие о чужих испытаниях и пришедшие к твердым и устойчивым выводам». (Л. Войтоволский—«Демьян Бедный».—«Современные писатели в школе», Л. 1925, стр. 7).

Литература о Демьяне Бедном

1. Сочинения Д. Бедного.

Рассеянные в многочисленных газетах и журналах (в последнее время Д. Бедный печатается главным образом в «Правде» и «Бедноте»), они еще с 1913 г. начали выходить отдельными книжками - сборниками. К настоящему времени вышло всего более 50 книг Д. Бедного. Подробный список их см. в книге И. С. Ежов и Е. И. Шамурин—Русская поэзия XX века. Антология. М. 1925, стр. 564—565.

Первое собрание сочинений Д. Бедного было издано в 1 т. с вводными статьями Е. Еремеева и Л. Войтоловского. Изд. «Крокодил», М. 1923. Им удобно пользоваться, хотя сейчас оно уже устарело, не включая произведений, написанных с 1923 г. Имеется 2-е изд., на худшей бумаге, со статьей Еремеева.

Полное собр. соч. Д. Бедного издается в настоящее время Госиздатом в 10-ти т.т., под редакцией Л. Сосновского (1—4 т.т.) и Г. Лелевича (5—10 т.т.). В настоящее время (осень 1926), вышли: 1—4, 7 и 8 т.т. К сожалению, издание далеко не полное—многие произведения пропущены. Расположение материала довольно бессистемное. Ценны вводные статьи Л. Сосновского при 3-х первых т.т. Примечания кратки и даны далеко не ко всем произведениям. См. мои рецензии в журн. «Октябрь»: № 6 за 1925 г. и № 11 за 1926 г.

2. Книги и статьи о Д. Бедном.

Если не считать критических заметок о Д. Бедном, появлявшихся в дореволюционной литературе (см. выше), одною из первых является статья В. С. Габо, посвященная исключительно басням Д. Бедного, — «Книга и Революция», 1921 г., № 1 (13), стр. 27—30. Первым из коммунистов общую характеристику творчества Д. Бедного дал тов. К. Раден—имею в виду его «Послесловие» к «Царю Андрону» (см. отдельн. издание). — одна из лучших статей о Д. Бедном. К. Радеку же принадлежит и статья о Д. Бедном в «Правде» за 1921 г.

Следующей по времени работой была моя книжка: Н. Фатов—«Демьян Бедный. Краткая характеристика творчества», стр. 68. Изд. «Молодая Гвардия». М.—П. 1923. Затем надо отметить работы Л. Сосновского: 1) «Прошу слова к порядку. (Об одном поэте)», — «Правда», 1923, № 51, от 7 марта (сообщается ряд ценных материалов, частично использованных выше); 2) статья в № 1 журн. «На посту» за 1923 г.: «Первый пролетарский поэт Д. Бедный» (ценная характеристика); 3) три вводные статьи к Собр. соч. (см. выше). Далее—работы Л. Войтоловского: 1) указанная вводная статья в Собр. соч. Изд. «Крокодил» (малоценная); 2) статья в кн. 4 «Печати и Революции» за 1925 г. (сообщаются ценные биографические материалы и дается недурная характеристика творчества Д. Б.); 3) в сб. «Современные писатели в школе», ГИЗ. Л. 1925 г., и отдельной брошюрой. изд. «Московского Рабочего», М., 1925, ц. 25 к.—та же статья с некоторыми лишь изменениями и дополнениями.

Затем отметим следующие статьи:

— А. Н. Воронский. «Демьян Бедный» («Красная Новь», 1924, кн. 6), перепечатано в книге «Литературные типы», М., 1925; — недурная характеристика творчества Д. Бедного;

— А. Ефремин (Фрейман). «Демьян Бедный в школе» — «Вестник Просвещения», 1925, № 2—3; перепеч. в кн. «Современные писатели в школе», Л., 1925; — ценная статья;

— Г. Лелевич. «Демьян Бедный», статья в № 9 «Молодой Гвардии» за 1925 г.; — хорошая характеристика отдельных черт демьяновского творчества;

— Н. Фатов. «Евангелие от Демьяна» — «Мол. Гв.» 1926, № 1.

В последнее время вышла брошюрка П. Медведева: «Д. Бедный. Критико-биографический очерк». Изд-во «Кубуч», Л., 1925; написано довольно поверхностно. Есть еще книжка В. Сперанского — «Историко-критич. матер. по лит. Вып. 4 — Д. Бедный», Изд. «Мир», 1925, — критическая хрестоматия из литературы о Д. Бедном; небесполезное пособие.

Из книг общего характера, частично касающихся Д. Бедного, отметим:

— Л. Троцкий. «Литература и революция», М., 1923; блестящая, хотя и не во всем верная, характеристика;

— П. С. Коган. «Литература этих лет». Ив.-Возн., 1924; ряд интересных, хотя порою парадоксальных, замечаний о творчестве Д. Бедного;

— Я. Шафир. «От остроты до памфлета», М., 1925; ряд интересных соображений о приемах творчества Д. Бедного.

— Б. Г. Гусман. «Поэты. Пять характеристик». Библ. «Огонька», М., 1925; бледная характеристика.

— В. Л. Львов-Рогачевский. «Новейшая русская литература». Изд. 3. и след.

*

Примерные темы по Д. Бедному

1. Творческий путь Д. Бедного. 2. Первые шаги Д. Б.—Е. Придворова — на литературном поприще. 3. Д. Б. в эпоху «Звезды» и «Правды». 4. Д. Б. во время войны 1914—1917 гг. 5. Роль Д. Бедного в подготовке Октября. 6. Басни Д. Б. 7. Сказки Д. Б. 8. Повесть Д. Б. «Про землю, про волю». 9. Д. Б. — певец Красной армии. 10. Творчество Д. Б. в первые годы революции (до «нэпа»). 11. Д. Б. — сатирик советского быта. 12. Борьба Д. Б. с меньшевиками и эсэрами. 13. Война и революция в изображении Д. Б. 14. «Нэп» в изображении Д. Б. 15. Мировая революция в творчестве Д. Б. 16. Голод в Поволжье в изображении Д. Б. 17. Д. Б. и освобождение женщины. 18. «Дипломатические ноты» Д. Б. 19. Д. Б., как антирелигиозный писатель. 20. Демьяново «Евангелие». 21. Д. Бедный, как лирик. 22. Д. Бедный — «народный» поэт. 23. Д. Б. и народная поэзия. 24. Крестьянская и пролетарская стихия у Д. Б. 25. Отношения пролетариата и крестьянства в изображении Д. Б. 26. Д. Б. — идеолог пролетариата и глашатай идей ленинизма. 27. Д. Бедный и история ВКП(б). 28. Композиционные приемы Д. Б. 29. Стиль Д. Б. 30. Стихотворное мастерство Д. Б. 31. Язык Д. Б. 32. Приемы сатиры Д. Б. 33. Д. Б. в критике. 34. Д. Б. в музыке. 35. Д. Б. в школе.

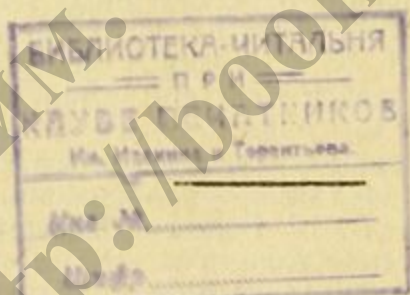
*

Более подробный обзор литературы о Д. Бедном дается мною в отдельной книжке: Н. Н. Фатов. «О Демьяне Бедном. Обзор литературы» (печ.). Там же даются и указания для разработки тем. — Н. Ф.

201
и

О Г Л А В Л Е Н И Е

Предисловие	3
1. Демьян Бедный — первый пролетарский поэт	5
2. Детство, юность и первые литературные шаги Демьяна Бедного	23
3. Демьян Бедный—большевик-подпольщик. Годы перед революцией (1911 — 1917).	37
4. На пути к победе пролетариата	57
5. Богатырский бой	69
6. Советские будни	89
7. Против религиозного дурмана	129
8. Еще о самом Демьяне	153
9. Литература о Демьяне Бедном	162
10. Примерные темы о Д. Бедном	163

Книги и главные статьи того же автора

1. **Н. Н. Фатов. — А. С. Пушкин.** Научно-популярный очерк. ГИЗ. М. 1921. Тираж 20.000. Стр. 96 (Устарело. Подготовл. к печати 2-е, значительно переработанное издание).

2. **Н. Н. Фатов. — Демьян Бедный.** Краткая характеристика творчества. Изд. „Молодая Гвардия“. М.—П., 1923, тираж 5.000. Стр. 68.

3. **Н. Н. Фатов. — Молодые годы Леонида Андреева.** По неизданным письмам, воспоминаниям и документам. Изд. „Земля и Фабрика“, М., 1924, тираж 3.000. Стр. 360. Цена 1 р. 75 к.

4. Статья: „**Классовые корни творчества Неверова**“. — „Красная Новь“, 1924, № 7—8, дек., стр. 368—380.

5. Статья: „**Научная схема русской литературы**“. — „Родной язык в школе“, 1925, сб. 7, стр. 3—16.

6. Статья: „**И. С. Никитин**“. К столетнему юбилею со дня рождения. „Молодая Гвардия“, 1925, № 2—3, стр. 249—257.

7. Статья: „**Пантелеймон Романов**“. — Альманах „Прибой“, I, Л., 1925, стр. 269—295.

8. Статья: „**По поводу статьи П. Н. Сакулина об историко-литературной методологии**“. — „Печать и Революция“, 1925, кн. 5—6, стр. 90—99.

9. Статья: „**В. Т. Кириллов**“. — „Современные писатели в школе“, Л., 1925, стр. 222—236.

10. Проф. **Н. Н. Фатов. — А. С. Неверов.** „Очерк жизни и творчества“. Изд. „Прибой“, Л., 1926, тир. 4080. Стр. 212. Цена 1 р. 60 к.

11. **Собрание сочинений А. С. Неверова**, в семи томах. Изд. „Земля и Фабрика“. М.—Л. 1926. Второе изд. — М.—Л., 1927. Редакция, вступительные статьи и примечания **Н. Н. Фатова**.

12. **Собрание сочинений А. С. Неверова**, не вошедших в изд. „ЗИФ“, дополнительные три тома. Редакция, вводящие статьи и примечания проф. **Н. Н. Фатова**. М. 1926—1927. Изд. „Современные Проблемы“.

13. Статья: „**О краеведческом изучении истории литературы**“. — „Родной язык в школе“, 1926, сб. 9, стр. 21—26.

14. Статья: „**Евангелие от Демьяна**“. — „Молодая Гвардия“, 1926, № 1, стр. 247—254.

15. **Письма Л. Андреева к Серафимовичу.** — „Московский Альманах“. Изд. „Московский Рабочий“. М.—Л., 1926. Стр. 271—328.

16. „**Л. Андреев. Избранные рассказы**“, под ред. А. В. Луначарского и Н. Н. Фатова. Гиз., 1926. Вводная статья, редакция текста и комментарии **Н. Н. Фатова**.

17. Статья: „**Иосиф Уткин**“. — На литературном посту. 1926. № 5—6, стр. 31—35.

18. Статья: „**Новая история русской литературы**“. (О книге Л. Войтоловского). — „Октябрь“, 1926, № 9, стр. 145—151.

19. „**Из переписки А. С. Неверова**“ (Письма к Е. Семеновой). — „Октябрь“, 1926, № 10.

20. Статья: „**Сто лет назад**“, — вступительная к сборнику революционных стихотворений А. Пушкина и его современников „Кинжал“. Сост. т. Заводчиковым, изд. „Молодой Гвардии“. М. 1926.

21. **Н. Н. Фатов. — А. С. Серафимович.** Очерк жизни и творчества. ГИЗ., М.—Л., 1927.

22. „**Пушкин и декабристы**“. Общеизвестный очерк (печ.).

23. „**О Демьяне Бедном**“. Обзор литературы (печ.).

24. „**И. С. Никитин.** Очерк жизни и творчества“ (печ.).

25. „**За марксизм и ленинизм в литературе**“. Сборник критико-полемических статей (подготовлено к печати).

26. „**Л. Андреев.** Очерк жизни и творчества“ (подготовлено к печати).

27. „**Александр Блок.** Очерк жизни и творчества“ (подготовлено к печати).

28. „**Этюды о Блоке**“ (подготовлено к печати).

29. „**Этюды о Пушкине**“ (подготовлено к печати).

30. „**Этюды о русских писателях**“ (подготовлено к печати).

31. „**Этюды о современных русских писателях**“ (подготовлено к печати).

32. „**Новейшая русская литература**“, курс (готовится к печати).

33. „**Проблема изучения классовых корней творчества писателей**“. Исследование (готовится к печати).

СОУНБ им. В. Г. Белинского
<http://book.ugais.ru/>

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

Москва, Новая площадь, 6/8

Безыменский, А. — Собрание сочинений.

Том I. Ордер на мир.

Содержание: Железный ветер. Революция за каждой мелочью. Ячейкин дом. Партбилет № 224,332. Из „Записок комсомольца“. Об иных. Новь. Сердцун. Стихи о сыне. Крымские миниатюры. Песни.

Поэмы: Городок. Комсомолия. Пролог к поэме „ГУТА“. Война этажей. Груз. Пути - дороги. Банкет пяти. Шахматы.

С портретом автора на отдельном листе.

495 стр. Ц. 4 р.

ОТДЕЛЬНЫЕ ЭКЗЕМПЛЯРЫ КНИГ ВЫСЫЛАЕТ
НАЛОЖЕННЫМ ПЛАТЕЖОМ ЛИБО ПО ПОЛУ-
ЧЕНИИ ДЕНЕГ ВПЕРЕД ПОЧТОВАЯ ЭКСПЕДИ-
ЦИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВА «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»--
МОСКВА, НОВАЯ ПЛОЩАДЬ, 6/8.

При высылке денег вперед пересылка и
упаковка бесплатно.

Каталоги, бюллетени, проспекты — бесплатно.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

Москва, Новая площадь, 6/8

Доронин, И.—Тракторный пахарь. Поэма.
Предисловие А. В. Луначарского. Обложка и
иллюстрации художника А. Баранского.

Поэма на тему о смычке города с деревней.
Главный герой — молодой парень, тракторист
Степан, работающий в совхозе. Его любовь
к комсомолке Маше, которую отец прочит
замуж за кулацкого сына.

„... У Доронина свое лицо... Его язык прост,
образ — реалистичен. Поэт прошел хорошую
школу гражданской войны... Его лирический
голос чист — и что не менее важно — обдуман.
Видение тракторизованной деревни и полевого
завода прошло через его существо и встает пе-
ред нами живой правдой пережитой реальности.
Поэме предпослано предисловие А. В. Луначар-
ского. Издана она исключительно изящно“.

208 стр. Ц. 2 р. 50 к.

„Половодье“ — Литературный альманах

Содержание: Безыменский, А. — Песни.
Яровой, П. — Тяжелый рост, повесть. Рингов, Б. —
Искрометное, рассказ. Малашкин, С. — Большой
человек, повесть. Ложкин Ф. — Мещанская
жизнь. Пастернак, Б., Сосновин, М., Волгин, Л.,
Самойлов, Д., Петровский, Д. и Горбатов, Б. —
Стихи. Лузгин, М. — Немотивированный след,
рассказ. Новиков-Прибой, А. — Ералашный рейс,
повесть.

256 стр. Ц. 2 р. 75 к.

ОТДЕЛЬНЫЕ ЭКЗЕМПЛЯРЫ КНИГ ВЫСЫЛАЕТ НАЛО-
ЖЕННЫМ ПЛАТЕЖОМ, ЛИБО ПО ПОЛУЧЕНИИ ДЕНЕГ
ВПЕРЕД — ПОЧТОВАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ» — МОСКВА, НОВАЯ ПЛ., Д. 6/8.

БЕСПЛАТНО ПРИ ВЫСЫЛКЕ ДЕНЕГ ВПЕРЕД
ПЕРЕСЫЛКА И УПАКОВКА

КАТАЛОГИ, БЮЛЛЕТЕНИ, ПРОСПЕКТЫ БЕСПЛАТНО

СОУНБ им. В. Г. Белинского
<http://book.ugraic.ru/>

С ЗАКАЗАМИ ОБРАЩАТЬСЯ

Москва—Новая площадь, д. № 6/8

Ленинград—Проспект 25 октября, д. № 54.

Харьков—Троицкий пер., д. № 2.

Ростов н/Д.—Проспект Подбельского, д. № 5.

Киев—ул. Воровского, д. 25, пассаж, д. № 33.

Свердловск—ул. Ленина, д. № 40.